

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

МОСКОВСКИЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ИНСТИТУТ
(ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ)

На правах рукописи

ФИГУРНЫЙ Георгий Николаевич

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ:
ПРОБЛЕМАТИКА ДЕМАРКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ
ПАРАДИГМЫ**

Специальность 2.1.11 – Теория и история архитектуры, реставрация и
реконструкция историко-архитектурного наследия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата архитектуры

Научный руководитель:
доктор архитектуры, профессор
Есаулов Георгий Васильевич

Москва – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ФИЛОСОФИЯ (ПОСТ)СТРУКТУРАЛИЗМА И СЕМИОТИЧЕСКИЙ ФОРМАТ В КОНЦЕПЦИЯХ АРХИТЕКТУРНОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА.....	14
1.1. Теоретическая база архитектурного постмодернизма	15
1.2. Структурно-семиотический подход к архитектурной проблематике	28
1.3. Причины широкой популярности вне-научных представлений в сфере теории архитектуры	53
Выводы по главе 1:	57
ГЛАВА 2. АНАЛИТИКА, ДЕКЛАРАЦИИ И МАНИФЕСТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ	58
2.1. Аналитический и декларативный форматы в современной теории архитектуры	59
2.2. Методологическая специфика архитектурных манифестов (на примере идеологии параметризма Патрика Шумахера и программных текстов Никоса Салингароса).....	74
Выводы по главе 2:	91
ГЛАВА 3. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРМАТ В ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ.....	92
3.1. Феноменологические концепции в теории архитектуры.....	93
3.2 Современная аналитическая философия и психология в приложении к архитектурной проблематике	101
Выводы по главе 3:	118
ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ..	119
РЕКОМЕНДАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ТЕМЫ	121
ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ	122
ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ	124
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:.....	126
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	140
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	148

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Архитектурная теория в течение ряда десятилетий (на протяжении второй половины XX в. по настоящее время) испытывает существенное влияние со стороны различных мировоззренческих доктрин и их отдельных направлений. Предпринимаются многочисленные попытки осмысления как современных тенденций в архитектуре, так и ее исторической ретроспективы.

Этими факторами и обусловлена актуальность проведения обобщенной классификации концептуальных подходов к архитектурной проблематике с позиций их принципиальной научной и методологической правомерности. Целесообразность подобного разграничения достаточно очевидна, в силу того парадоксального обстоятельства, что во многих публикациях (порой в рамках одного и того же текста) в качестве признанных авторитетов позиционируются теоретики архитектуры, взгляды которых находятся в принципиальном противоречии по отношению друг к другу, из чего следует, что их теоретические позиции не могут быть одновременно верными. Более того, многие тексты популярных и часто цитируемых современных теоретиков архитектуры еще и внутренне противоречивы.

Не менее актуальной представляется и проблематика сопоставления (и обоснованного отграничения друг от друга) тех философских оснований и методологических подходов, что заявляются в качестве теоретической базы спекулятивных рассуждений на архитектурные темы.

Данная проблематика относится к числу приоритетных направлений развития фундаментальных научных исследований РААСН, в частности: «16. Исследование исторических этапов и процессов развития архитектуры и

градостроительства» и «17. Выявление и анализ новейших направлений архитектурно-теоретической мысли и творческих концепций архитекторов»¹.

Проблема исследования видится в недостаточной проработанности методологических оснований ряда тех концептуальных построений, которые декларируются как теоретическая база противоборствующих и сменяющих друг друга (или же в течение продолжительного времени сосуществующих) архитектурных тенденций и направлений. При этом не ставилась задача оценивать рассматриваемые в исследовании концепции как «правильные» или «неправильные», как и определять уровень их продуктивности в виде вероятного источника вдохновения для архитекторов-практиков.

Также определение какого-либо подхода как вне-научного изначально не содержит в себе негативных коннотаций. Многие эссе на темы архитектуры безусловно интересны и значимы – как художественные или публицистические тексты, передающие личное мнение автора.

Проблема возникает лишь тогда, когда авторы текстов имитируют строгий научный формат, и претендуют на построение «собственной архитектурной теории», а их тексты при этом не отвечают основным **критериям научности**, в основе которых законы и принципы классической логики, впервые достаточно ясно и определенно сформулированные еще Аристотелем и далее уточненные и развитые схоластами в эпоху Проторенессанса и мыслителями Просвещения.

Это – закон тождества, закон противоречия, закон исключённого третьего, закон достаточного основания. Обобщающий их принцип, широко известный как «брита Оккама», и лежит в основе научной методологии².

---

¹ Российская академия архитектуры и строительных наук (РААСН) – приоритетные направления развития фундаментальных научных исследований [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.raasn.ru/research/basic/>

² В соответствии с этим принципом не следует без необходимости выдвигать сложные гипотезы в тех случаях, когда достаточно более простого объяснения.

Критерии научности – совокупность норм и признаков, определяющих принципы получения научного знания (**научную методологию**).

Эти критерии являются демаркатором научного знания от ненаучного и основываются на законах (принципах) классической логики³. В различных сферах научной деятельности могут практиковаться дополнительные критерии, характерные для специфики конкретной научной дисциплины. Ниже приведены общие (универсальные) для всех областей науки требования (критерии):

- Системность (логическая структурированность и когерентность);
- Предметность (определенность смысла и значений понятий);
- Внутренняя логическая непротиворечивость;
- Обоснованность и доказательность утверждений и выводов;
- Интерсубъективная проверяемость (эмпирическая воспроизводимость).

Этим базовым критериям не отвечают формы вне-научного знания и концептуальные системы, имитирующие внешние черты науки, но имеющие при этом по существу идеологический (ценностно-проективный), а не объективно-описательный и/или научно-проверяемый характер⁴.

Несоответствие теоретической концепции по меньшей мере одному из указанных критериев – свидетельствует о ее принципиальной вне-научности.

Степень разработанности научной темы. Констатируется множество разнохарактерных и разнонаправленных подходов к анализу, осмыслению и теоретическому обоснованию своего рода «тектонических сдвигов» в сфере архитектурной композиции и принципов формообразования в современной архитектуре.

---

³ Hansson S. O. Science and Pseudo-Science // Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2008

⁴ Философия науки: Словарь основных терминов. — М.: Академический Проект. С. А. Лебедев. 2004.

При этом одни авторы ограничиваются детальным системным описанием масштабных архитектурных экспериментов той или иной волны (средствами понятийного аппарата объемно-пространственной композиции), а другие – приводят и теоретические обоснования этих радикальных новаций или же, напротив, сложившихся ранее традиций.

К этой проблематике обращались многие теоретики и историки архитектуры. Продуктивные попытки целостного осмысления и систематизации как исторической ретроспективы, так и современных тенденций в архитектуре предпринимались в работах И.А. Азизян, Ю.Г. , А.В. Бокова, Н.И. Брунова, А.К. Бурова, Т.Ю. Быстровой, В.Г. Власова, Ю.П. В.Э. Волынского, В.Л. Глазычева, И.А. Голосова, Э.П. Григорьева, М.М. Дадашевой, И.А. Добричиной, М.В. Дуцева, Г.В. Есаулова, Г.И. Ивановой, А.В. Иконникова, В.И. Иовлева, С.Ю. Кавтарадзе, В.Ф. Кринского, В.А. Кутырёва, И.Г. Лежавы, В.И. Мальгина, Ф.Т. Мартынова, Д.Л. Мелодинского, А.И. Некрасова, Ф.А. Новикова, В.И. Орлова, Г.А. Птичниковой, А.В. Радзюкевича, А.Г. Раппапорта, Ю.С. Сомова, А.В. Степанова, Д.О. Швидковского, М.В. Шубенкова, А.Н. Шукуровой, О.И. Явейна, Ю.С. Янковской, как и в работах ряда других исследователей, рассмотренных в тексте диссертации.

Из зарубежных теоретиков к данной тематике обращались, в частности: К. Александер, И. Араухо, Р. Арнхейм, Я. Гейл, Г. Грэм, Н. Гудман, Ч. Дженкс, М. Доноу, Дж. Калб, А. Карлсон, Л. Крие, Д. Матраверс, Б. Митрович, Ю. Палласмаа, Г. Парсонс, А. Перес-Гомес, Д. Порфириос, М. Рагон, Н. Салингарос, Р. Скрутон, Т. Спектор, Г. Станишев, М. Хэйз, Ф. Чин, П. Шумахер.

Мнения исследователей по поводу предполагаемых достоинств (художественных и эстетических) объектов, возводимых по проектам «мэтров звездной архитектуры», расходятся в широком диапазоне: от самых восторженных оценок до полного неприятия и отторжения.

Критическое отношение к ряду масштабных экспериментов современной архитектуры высказано такими авторами как: К. Александер, А.В. Боков, В.Г. Власов, Л. Крие, В.А. Кутырёв, Ф.Т. Мартынов, Д.Л. Мелодинский, Д. Порфириос, А.Г. Раппапорт, Н. Салингарос, А. В. Степанов.

Указанными авторами детально проанализированы различные аспекты формообразовательных приемов в новой и новейшей архитектуре со всех принципиально возможных позиций анализа их художественного языка и средств композиционного выражения.

При этом проблематика методологической правомерности и научной убедительности теоретического обоснования новых и новейших тенденций в архитектуре не была комплексно и детально рассмотрена и критически оценена с общепринятых в научном сообществе методологических позиций. Наличием этого «теоретического пробела» и обусловлена попытка проведения в рамках данного исследования сравнительного анализа ряда концептуальных подходов в современной теории архитектуры и их мировоззренческих (философских) оснований.

Цель исследования – в обосновании проблемы демаркации основных теоретических концепций осмысления тенденций в новейшей архитектуре и в предложении (формулировании) подходов к решению этой проблемы с позиций научной методологии и современных представлений о специфике научного знания.

Гипотеза: исследование основано на предположении, что в определенной части теоретических подходов к объяснению происходящего в современной архитектуре может быть выявлено несоответствие принципам научной методологии, и что такого рода концепции не могут рассматриваться как научные основы для прогнозирования развития архитектуры.

Задачи:

1. Рассмотреть проблему отграничения (обоснованной демаркации) научных и вне-научных подходов в сфере теории архитектуры.
2. Выявить доминирующие архитектурные теоретические концепции второй половины XX – начала XXI вв.
3. Провести анализ теоретической и философской базы архитектурного постмодернизма с позиций общепринятых в научном сообществе практик и методологических принципов;
4. Исследовать и выявить вероятные признаки степени научной правомерности разнородных и разнохарактерных теоретических построений представителей структурно-семиотического подхода;
5. Выявить и сравнить аналитические и программные форматы в текстах современных теоретиков архитектуры; рассмотреть методологическую специфику архитектурных манифестов и хартий;
6. Рассмотреть феноменологические подходы к вопросам архитектурной теории и практики; проанализировать корреляцию между идеями представителей феноменологии архитектуры и современными научными тенденциями в области аналитической философии и психологии;
7. Предложить подходы к разрешению проблемы демаркации теоретических концепций с научных позиций.

Границы исследования определены степенью распространенности и популярности (в виде частотности отсылок и прямого цитирования) и влияния мировоззренческих и философских концепций на теорию архитектуры в рассматриваемый период: со второй половины XX века – по настоящее время.

При этом временные границы отсчитываются не с момента зарождения теоретических и философских концепций постмодернизма, а рассматривается тот исторический этап, когда они стали доминирующими представлениями.

Объект исследования: доминирующие концептуальные представления в теории архитектуры второй половины XX – начала XXI века:

- философская база постмодернизма и структурно-семиотический подход,
- методологические приемы теоретиков и критиков архитектурного постмодерна и т.н. нелинейной архитектуры («параметризма»),
- феноменологический подход к архитектурной проблематике и актуальные научные концепции в области современной психологии и аналитической философии в приложении к архитектуре.

Предмет исследования: сущностные и формальные методологические характеристики доминирующих концептуальных представлений в теории архитектуры второй половины XX – начала XXI века с позиций их соответствия базовым критериям научности.

Методология исследования: Используются теоретико-эмпирический и сравнительно-аналитический методы; общепринятые принципы научной методологии, статистический метод (в его графоаналитической форме), объединенные в рамках целостного системно-структурного подхода.

Указанные принципы и методы составляют основу **современной научной парадигмы** – как **универсальной модели научной деятельности**, принятой научным сообществом (интегральным субъектом научного знания).

При комплексном анализе сущностных и формальных характеристик ряда концептуальных представлений в современной теории архитектуры были последовательно использованы следующие приемы частного характера:

1. Выявление и фиксация основных теоретических позиций (установок), постулируемых в качестве исходных аргументов (и контраргументов) в текстах авторов доминирующих (взаимно-оппозиционных) концепций;

2. Выявление и фиксация внутренних логических противоречий в рамках отдельно взятых концепций;
3. Анализ ключевых положений рассматриваемых текстов с позиции их соответствия базовым законам логики и критериям научности;
4. Анализ специфики феноменологического подхода к архитектурной проблематике и его корреляции с современными научными взглядами в сфере философии и психологии;
5. Обобщение итогов исследования и формирование предложений по их практическому использованию.

Теоретическая значимость исследования заключается в постановке проблемы демаркации и обосновании возможности использования принципов научной методологии, позволяющих аргументированно отделять научные подходы к архитектурной проблематике от тех теоретических построений, которые не соответствуют общепринятым в современной научной парадигматике базовым принципам и методикам, но при этом позиционируются их авторами как научные и/или философские.

Практическая значимость исследования состоит в возможности соответствующего дополнения содержания учебных дисциплин бакалавриата и магистратуры в системе высшего архитектурного образования, – с целью формирования у обучающихся целостных основ научного мировоззрения.

Традиционная академическая форма подачи материала может быть дополнена введением в лекционные курсы теоретических дисциплин бакалавриата и магистратуры соответствующих тематических блоков (и сопровождаться рядом практических занятий), направленных на выработку у студентов навыка осознания и выявления принципиальной разницы между научными и вне-научными подходами в сфере теории и истории архитектуры.

Проведенное исследование расширяет инструментарий анализа концептуальных построений современной архитектурной теории, что может способствовать ориентации как теоретиков, так и практиков – в критической оценке принципов построения архитектурных концепций и в понимании роли науки в развитии архитектуры.

Научная новизна исследования состоит в том, что в его рамках впервые в качестве эффективного инструментария использованы принципы и критерии, позволяющие методологически обоснованно отграничивать научные подходы в теории архитектуры от подходов, лишь имитирующих научный формат. Эти принципы и критерии, лежащие в основе научной методологии, практикуются в большинстве областей научной деятельности и отступление от них существенно дискредитирует соответствующую академическую дисциплину.

Научные результаты, выносимые на защиту:

При проведении сравнительного анализа ряда доминирующих концепций в современной теории архитектуры было установлено, что:

- Теоретические построения архитектурного постмодернизма и их философская база носят методологически произвольный и вне-научный характер;
- Семиотический подход к архитектурной проблематике может быть определен как теоретически несостоятельный и практически непродуктивный;
- Декларативные форматы (манифесты) теоретиков архитектуры принципиально вне-научны;
- Широкая популярность указанных вне-научных концепций предопределяется объективными психологическими и социологическими факторами, известными как когнитивные склонности (искажения восприятия): «эффект авторитета», «эффект якоря», «эвристика привязки», специфика «группового мышления», феномен «каскада доступной информации»;

- Потенциально продуктивным представляется феноменологический подход к вопросам теории и практики архитектуры, убедительно коррелирующий с рядом тенденций в современной философии, психологии и когнитивных наук.

Степень достоверности и апробация результатов исследования:

1. Результаты исследования изложены в 12 публикациях (в том числе 6 – во входящих в перечень рецензируемых изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ, 6 – в других изданиях);

2. Материалы исследования представлены в виде докладов на Международных научно-практических конференциях «Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ» (г. Москва, 2018, 2019, 2021, 2022 гг.); научно-теоретической конференции «Философские измерения архитектурного творчества в смысловом пространстве современной культуры» (Центральный Дом Архитектора, г. Москва, 2018 г.);

3. Разработан и прочитан авторский блок лекций «Методологические форматы в современной архитектуре и принципы классической логики» для второго курса бакалавриата очной формы обучения в рамках дисциплины по выбору: «Композиционные приемы в современной архитектуре» (МАРХИ, г. Москва, 2019 – 2020 гг.);

4. Материалы исследования послужили основанием для победы в конкурсах на выделение грантов РФФИ автору, и были включены в научные отчеты МАРХИ по программам «Аспиранты» (№19-312-90012; 2019 г.) и «Экспансия» (№ 19-112-50130; 2019 г.).

5. Статьи по теме исследования, опубликованные в научном журнале «АМІТ», были отмечены дипломами в конкурсах 2020 и 2022 г.г. на лучшую публикацию среди аспирантов и соискателей МАРХИ.

С целью выявления и подтверждения актуальности темы исследования был проведен социологический опрос профессиональной аудитории: студентов и преподавателей МАРХИ. Опрос продемонстрировал, что значительная часть как студентов, так и преподавателей критически воспринимают концептуальные представления популярных теоретиков архитектуры. При этом: ни профильные респонденты не были знакомы с выводами исследования, ни выводы исследования не опирались на мнения респондентов. Тем не менее, между ними – убедительная корреляция (но не взаимосвязь или взаимообусловленность).

Объем и структура работы. Диссертация представлена в одном томе общим объемом 155 страниц. Состоит из введения, трех глав, заключения, перечня основных публикаций по теме исследования, библиографического списка (137 источников), списка используемой терминологии и приложений, включающих результаты проведенного анкетирования профильной аудитории и экспозиционные материалы.

ГЛАВА 1. ФИЛОСОФИЯ (ПОСТ)СТРУКТУРАЛИЗМА И СЕМИОТИЧЕСКИЙ ФОРМАТ В КОНЦЕПЦИЯХ АРХИТЕКТУРНОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА

«В науке нет такого запретного соседнего или дальнего участка, где висела бы надпись: "Посторонним вход запрещен". Ученому все дозволено - все перепроверить, все испробовать, все продумать, не действительны ни барьеры дипломов, ни размежевание дисциплин. Запрещено ему только одно: быть не осведомленным о том, что сделано до него в том или ином вопросе, за который он взялся».

Б.Ф. Поршнев. «О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)». [66]

«Совмещение несовместимых методов и подходов на фоне полной методологической терпимости открывает возможность для столь же незаметной трансформации прикладной науки в идеологизированную псевдонауку».

Б.И. Пружинин: «RATIO SERVIENS? Контуры культурно-исторической эпистемологии». [68]

Преобладающие архитектурные тенденции последних десятилетий основываются, как правило, на теоретических платформах, объединяющих ряд концепций более частного характера. При этом данные (доминирующие) теоретические подходы – (пост)структурализм⁵ и архитектурная семиотика – в свою очередь также могут определяться как единый структурно-семиотический подход, имеющий свою собственную философскую базу.

---

⁵ В разных регионах мира (Франция, Германия, США, Россия) для описания структурализма и постструктурализма используется различная терминология в рамках различных подходов. Столь же спорной темой является и проблема обоснованности разграничения этих терминов. В силу этого обстоятельства использовано семантически паллиативное написание термина – (пост)структурализм.

Основной критерий выбора данных концепций (теоретических платформ) – степень популярности в профессиональной архитектурной среде (частотность отсылок к именам и идеям их авторов)⁶. Именно эти теоретические платформы преимущественно рассматриваются в качестве научно-теоретической базы современных архитектурных тенденций рядом отечественных исследователей в публикациях последних лет, в частности: И.А. Добрицыной, К.О. Вытулевой, В.Г. Власовым, Д.Л. Мелодинским, О.И. Явейном, Ю.С. Янковской, О.В. Воличенко, М.М. Дадашевой, В.И. Лучковой, Е.Ю. Лобановым.

При этом оценки уровня значимости и убедительности рассматриваемых теоретических платформ и отдельных концепций разнятся в широком диапазоне: от безоговорочного признания их практической продуктивности – до не менее решительного неприятия.

1.1. Теоретическая база архитектурного постмодернизма

Теоретические основания идеологии архитектурного постмодернизма на протяжении последних десятилетий находились в зоне внимания многих отечественных и зарубежных исследователей-искусствоведов. При этом часто констатировалось, что мировоззренческая позиция целого ряда архитекторов-постмодернистов соотносится с философией (пост)структурализма (она же т.н. «французская мысль» или «континентальная философия»).

Достаточно обратиться к почти всякому тексту по тематике современной архитектуры, как мы практически неизбежно сталкиваемся с весьма частыми упоминаниями модных имен, предопределивших т.н. мировоззренческую базу постмодернистских и неоавангардных тенденций в архитектуре.

---

⁶ В этой связи вне рамок (границ) данного исследования оставлены другие, менее популярные теоретические подходы, в частности: «теория поливалентной архитектуры», «метаболизм», «теория открытого строительства», «теория порождающего пространства», «релятивизм», «синергетика», как и ряд других частных и периферийных представлений.

При этом значительная часть теоретиков-архитектуроведов, цитируя их тексты (или же ссылаясь на них), не подвергает сомнению теоретическую правомерность спекулятивных построений этих модных философов.

Вместе с тем часть исследователей достаточно скептически относится к концептуальным установкам постмодернистов. Так, В.Г. Власов, занимая наиболее жесткую и бескомпромиссную позицию по отношению к теоретикам постмодерна, в своей публикации «Ничтожность архитектурной теории постмодернизма» вполне релевантно, на наш взгляд, отмечает, что они «...устранились от таких существенных для истории и теории архитектуры понятий, как композиция, архитектоника, тектоника, формообразование, пластика. <...> Философией должны заниматься философы, семиологией – специалисты по семиотике, хотя семиологию многие лингвисты уже осмеливаются называть околонучным изобретением»⁷.

Сходных взглядов придерживается и целый ряд других отечественных философов и искусствоведов, в частности: В.А. Кутырёв⁸, Д.Л. Мелодинский⁹, Ф.Т. Мартынов¹⁰. Но при выражаемой критичности своего отношения к идеологии постмодернизма и неоавангарда ряда отечественных исследователей-архитектуроведов, они, как правило, не ставят под сомнение вероятную правомерность самой философской базы этой идеологии, или же делают это с неполной, в отличие от В.Г. Власова, определенностью.

---

⁷ Власов В.Г. Ничтожность архитектурной теории постмодернизма // Архитектон: известия вузов. – 2013. – №42 [Электронный ресурс]. – URL: http://archvuz.ru/2013_2/1

⁸ Кутырёв В.А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) // Вопросы философии. – 2003. – №1. – С. 63.

⁹ Мелодинский Д.Л. Художественная практика архитектуры параметризма: восторги и разочарования // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – №4(41). – С. 6-23 [Электронный ресурс]. – URL: http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/01_melodinskij/index.php

¹⁰ Мартынов Ф.Т. Бытийно-осмысляющий подход к исследованию пространственных отношений в архитектуре // Композиционная подготовка в современном архитектурно-художественном образовании: Материалы Всероссийской научно-методической конференции / Под ред. А.А. Старикова и В.И. Иовлева. – Екатеринбург: Архитектон, 2003. – С. 14.

Причину подобного отношения к объективно проявившим собственную теоретическую и методологическую несостоятельность подходам к архитектурной проблематике представляется возможным полагать как в известной традиционности (или же, скорее, – инерционности) мышления (см. п. 1.3.), так и в своего рода «феномене доверчивости» по отношению к весьма глубокомысленным по форме, но малосодержательным по сути концептуальным построениям. Впрочем, наличие философской базы может быть и определенно продуктивным для того или иного культурологического процесса (как это будет показано в гл. 3).

Но прежде следует внести некоторую терминологическую ясность в то, что же будет в данном контексте пониматься под философской базой. Следует ли нам считать такой базой сомнительные концепции континентальной философии второй половины прошлого века, связанные в представлениях определенной части профессионального архитектурного и искусствоведческого сообщества со следующим перечнем имен французских философов, таких как: Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, М. Фуко, Р. Барт, Ж. Делёз, Ф. Гваттари, Ж.-Ф. Лиотар, Ю. Кристева, П. Вирилио, Ж. Лакан, Л. Иригарэй и др.

При этом теоретические постулаты и выводы адептов архитектурного постмодернизма и порожденных им прочих архитектурных «-измов» более частного характера¹¹ выглядят (в первом приближении) вполне естественным развитием идей упомянутых выше модных мыслителей и, в частности, произвольно введенных Ж. Делёзом и Ф. Гваттари неких топологических метафор: «Складка», «Тело без органов», «Ризома», «План консистенции», «Плоскость имманентности»...

---

¹¹ Имеются ввиду многочисленные вариации (изводы) т.н. неомодернизма: цифромодернизм, текучий модернизм, метамодернизм, альтермодернизм, автомодернизм, трансмодернизм, гипермодернизм, экомодернизм, постпостмодернизм...

Заметим, что архитектурная аудитория более всего оказалась впечатлена «Складкой» и «Ризомой», – возможно потому, что данные метафоры выглядят не совсем уж странно и неуместно на фоне других фантазийных аллегорий.

Впрочем, научная несостоятельность этих теоретических построений уже была исчерпывающе выявлена в книге авторитетных ученых А. Сокала и Ж. Брикмона «Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна» («*Impostures Intellectuelles*») еще в 1997 г. (русский перевод 2002 г. с предисловием С.П. Капицы)¹². Содержательный анализ теоретических и философских построений постмодернистов, методологически безупречно проведенный авторами (А. Сокалом и Ж. Брикмоном), не оставляет места для каких-либо сомнений в их принципиальной вне-научности.

Публикация «Интеллектуальных уловок» вызвала весьма широкий резонанс в научном сообществе и многочисленные отклики, из которых стоит отдельно отметить, вслед за С.П. Капицей, – статью эволюционного биолога и всемирно известного популяризатора науки Р. Докинза «*Postmodernism disrobed*», опубликованную в «*Nature*» в июле 1998 года [104]. Для широкой российской аудитории общий смысл этих «концептуальных построений» (а точнее, – его отсутствие) был в 2003 г. эффектно опосредован В.О. Пелевиным в повести «Македонская критика французской мысли» [60].

При этом приходится констатировать, что к этим модным мыслителям отсылаются именно как к научным авторитетам даже те архитектуроведы, как отечественные, так и зарубежные, которые настроены определенно критично по отношению к их идеологическим установкам. Возможная причина такого

---

¹² В этой публикации авторами было предельно убедительно (и аргументированно) установлено, что: «...такие известные интеллектуалы, как Лакан, Кристева, Иригарэй, Бодрийар и Делез неоднократно злоупотребляли научными концепциями и терминологией: или используя научные идеи полностью вне контекста, никак не обосновывая <...> или же кичась научным жаргоном перед своими читателями, которые не являются учеными, не обращая никакого внимания на его адекватность и даже значение». Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна / Перев. с англ. Анны Костиковой и Дмитрия Кралечкина. Предисловие С.П. Капицы. М.: «Дом интеллектуальной книги», 2002. – 248 с.

положения дел кроется как в известной инерционности мышления, так и в оставляющем пока желать лучшего уровне естественнонаучной и философской подготовки архитекторов и искусствоведов, предопределяемом современными педагогическими планами, как на это прямо и недвусмысленно указывает, в частности, Н. Салингарос¹³.

Что же касается «инерционности мышления», то стоит заметить, что это не фигура речи, а вполне объективный феномен, сходный с тем, что в современной психологии описывается как «эффект якоря» или «эвристика привязки». Именно этими факторами, в частности, обусловлено и такое, на первый взгляд, странное и труднообъяснимое обстоятельство, что довольно значительный процент наших современников поныне убежден в незыблемости концепции геоцентрического устройства мироздания, истинности астрологических прогнозов, целительной силе гомеопатии и вреде т.н. ГМО, как и в достоверности многих других, анахроничных с позиций современной науки, «теорий» и представлений. В этом плане теоретические построения философствующих постмодернистов могли бы восприниматься как довольно безобидные умозрительные экзерсисы, если бы при этом они не позиционировались их авторами как научные теории, и не воспринимались бы в таком качестве многими гуманитариями.

---

¹³ «... сторонники антигуманной архитектуры успели перенять научную терминологию и сочиняют правдоподобные, но ложные по сути аргументы для популяризации своих эксцентричных форм. ... студенты легко поддаются на него, потому что в их новых учебниках с красивыми и соответствующими тексту иллюстрациями архитекторы-теоретики с обманчивым чистосердечием рассуждают на те же самые темы, что и я, но попутно извращают их, стремясь поддержать наихудшую разновидность абсурдной антиархитектуры. Их аргументация опирается на крайне поверхностные аналогии с биологическими формами, выдавая тот факт, что ее авторам катастрофически недостает научного понимания предмета (к сожалению, ни архитекторы, ни студенты этого не замечают)» Салингарос Н. Антиархитектура и деконструкция. Триумф нигилизма. Четвертое издание. М. 2017. – С. 22.

«Студенты не подозревают, насколько глубоко ложь проникла в научный архитектурный мир; иначе они могли бы ввязаться в бесплодную борьбу со своими учителями и потерять всякую надежду на получение диплома.» Там же. – С. 20.

Теоретическая база архитектурного постмодернизма была содержательно исследована и системно обобщена, в частности, доктором архитектуры И.А. Добрицыной в работе «От постмодернизма – к нелинейной архитектуре. Архитектура в контексте современной философии и науки».

На эту работу ссылаются многие отечественные авторы в текстах по исследуемой тематике. В этой связи представляется целесообразным в рамках своего рода мета-архитектуроведческого приема привести фрагмент из этого текста в одной из его редакций:

«...мировоззренческая позиция архитекторов-постмодернистов соотносится с философией постструктурализма». И далее:

«Во-первых, теоретики архитектурного постмодернизма признают, что архитектура есть «язык» и воспринимается как система кодов <...> Ч. Дженкс <...> заявлял о том, что архитектура, будучи языком культуры, может «говорить», создавать послания своему потребителю. А потому архитектурный объект – не вещь, но «текст», послание...»;

Во-вторых, теоретики отвергают монологизм, универсализм, безальтернативность любой господствующей архитектурной системы, и утверждают правомерность «многоголосия» архитектуры...»;

В-третьих, постмодернизм – начало эксперимента по освоению новой логики мышления. Для освоения новой логики потребовалось привлечение огромного пласта философских понятий. И естественно, что теоретические концепции постмодернизма <...> в значительной степени используют понятийный аппарат постструктуралистов, приспособивая его к архитектурному дискурсу. <...> Считалось, что стратегия «столкновения различий», различных смыслов ведет к рождению все новых смыслов, нескончаемому потоку смыслов...» [26].

В приведенном фрагменте текста точно и системно указаны основные методологические установки постмодернизма, что и дает возможность их достаточно внимательно рассмотреть и оценить степень их вероятной научной убедительности. Итак, фиксируется соотнесенность мировоззренческой позиции архитекторов-постмодернистов с философией постструктурализма.

Следует констатировать, что это действительно так. Но проблема в том, что т.н. философия постструктурализма может быть определена, без риска допустить значимую терминологическую неточность, как вербализированный «поток сознания», перемежаемый отсылками к азбучным истинам и научным концепциям и изобилующий наукообразной терминологией. Из этого обстоятельства с неизбежностью вытекают и его достаточно негативные следствия, которые можно рассмотреть по перечисленным выше позициям:

Во-первых, если теоретики архитектурного постмодернизма признают, что архитектура есть некий «язык» и воспринимается как система кодов, то это исключительно проблема самих авторов. И они при этом могут вполне искренне полагать, что «архитектурный объект – не вещь, но “текст”, послание», но с тем же самым успехом можно верить или не верить и в другие принципиально недоказуемые умозрительные концепты;

Во-вторых, когда теоретики постмодерна – «...отвергают монологизм, универсализм, безальтернативность любой господствующей архитектурной системы...», то они просто решительно борются с тем, чего никогда или, как минимум, со времен Палладио, не было;

В-третьих, вполне может так случаться, что: «...стратегия “столкновения различий”, различных смыслов ведет к рождению все новых смыслов, нескончаемому потоку смыслов». Более того, для этого феномена есть точный медицинский термин, введенный еще в 1958 г. психиатром Клаусом Конрадом, – «апофения», который описывает склонность к «немотивированному видению

взаимосвязей», сопровождающуюся при этом «характерным чувством неадекватной важности»¹⁴.

Для философов-постмодернистов, по верной констатации А. Сокала и Ж. Брикмона, свойственно вводить в свои тексты понятия и термины точных наук без какого бы то ни было эмпирического или концептуального обоснования и «...кичиться ложной эрудированностью, обрушивая на головы читателя ученые слова в таком контексте, в котором они не имеют вообще никакого смысла. С одной целью, несомненно, – поразить и, главное, смутить не подготовленного специально читателя» [82, с. 10].

В текстах французских философов множество подобных примеров: так, по утверждению Ж. Лакана форма тора – это невротик, для Ю. Кристевой поэтический язык – это сила континуума, у Ж. Бодрийара – современные войны ведутся в неевклидовом пространстве. Но бесспорные «рекордсмены» в жонглировании «научными словами» – Делёз и Гваттари.

Успех Делёза в этом плане отметил М. Фуко, написав в 1970 г. в своем тексте «Theatrum Philosophicum» о его книгах, что они – «...видятся великими среди других великих книг: “Различие и повторение”, “Логика смысла”. Они, несомненно, столь великие, что их трудно обсуждать и мало кто брался за это. Еще долго, полагаю, эти произведения будут будоражить наши умы...» [23, с. 441].

Здесь сложно не согласиться с К. Поллитт, отметившей тот факт, что сами постмодернисты просто не понимают, что пишут их коллеги, и что они перемещаются по тексту от одного знакомого имени или слова к другому, и сравнившей их (теоретиков постмодерна) с лягушкой, перепрыгивающей болотистый пруд по кувшинкам [82].

---

¹⁴ Конрад К. Начинаяющаяся шизофрения: опыт гештальт-анализа бреда. М.:Грифон, 2015. – 315с.

Также уместно вспомнить об известной мистификации Алана Сокала, устроенной им в 1996 г. (еще до выхода в свет «*Impostures Intellectuelles*»), когда он опубликовал в престижном журнале «*Social Texts*» статью под громким и нарочито бессмысленным названием – «Нарушая границы: к трансформативной герменевтике квантовой гравитации» [131]. Эта статья была умышленно переполнена откровенными нелепостями и представляла собой точную пародию на тексты ряда модных французских философов (Лакана, Бодрийяра, Делёза, Гваттари, Кристевой и др.).

В ней на основе преднамеренно абсурдных «логических рассуждений» (воспроизводящих специфику рассуждений этих модных философов) делался, среди прочего, вывод о том, что «число π Евклида и сила притяжения G Ньютона, которые до сих пор считались постоянными и универсальными, теперь должны рассматриваться как исторически преходящие»¹⁵.

Комментируя эту статью, как и сам факт ее публикации, академик С.П. Капица справедливо констатировал, что это обстоятельство поставило под сомнение состоятельность всей т. н. постмодернистской философии¹⁶.

Однако, не все области знания постмодернистам удалось столь же успешно инфицировать собственными идеями как в случае с гуманитарной сферой. Поскольку биологу (или, к слову, медику), который захотел бы в своих научных исследованиях произвольно использовать элементарные понятия топологии, теории множеств или аналитических функций, пришлось бы объясняться перед своими коллегами, которые вряд ли приняли бы на веру его «рассуждения по аналогии».

---

¹⁵ Сокал А. Нарушая границы: к трансформативной герменевтике квантовой гравитации / Пер. с англ. Первая публикация: Alan D. Socal, «*Transgressing the Boundaries: Toward a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity*», *Social Text* 46/47 (spring/summer 1996), p. 217—252. Duke University Press. URL: https://scepsis.net/library/id_1213.html (дата обращения: 01. 08. 2020).

¹⁶ Капица С.П. Предисловие к русскому переводу (С.П. Капица) // Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки: критика философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002.

Из числа зарубежных теоретиков архитектуры, пожалуй, первым во всеуслышание усомнился в научной достоверности представлений теоретиков постмодерна упомянутый выше Никос Салингарос [80]. В сборнике статей «Антиархитектура и деконструкция» Н. Салингарос со всей определенностью констатирует, что теория архитектуры претерпевает весьма значительную негативную трансформацию под воздействием псевдонаучных концепций¹⁷. Его жесткая и последовательная критика современных негативных тенденций в сфере архитектуры (и, соответственно, в теории архитектуры) представляется достаточно обоснованной и актуальной.

По верной констатации Н. Салингароса, идеологи постмодерна сделали стратегическую ставку на наукообразность собственных теоретических установок, и уверенно постулировали связь этих установок с философией и лингвистикой. И этот прием сработал: многие ли из их целевой аудитории стали бы выяснять, что на самом деле это – псевдо-философия и лже-лингвистика?

При этом можно только догадываться: был ли этот эффективный прием сознательным мошенничеством (как в этом уверены А. Сокал и Ж. Брикмон), или же вполне искренним заблуждением? Но повторимся: он действительно себя «оправдал», – так что нам и по настоящее время приходится читать архитектуроведческие тексты, изобилующие многочисленными отсылками к именам Ж. Деррида, Ж. Бодрийера, Ж. Делёза, Ф. Гваттари и др.

Вместе с тем, стоит отметить и то обстоятельство, что взгляды теоретиков постмодернизма не представляют собой единой и целостной концепции и по многим существенным позициям противоречат друг другу (что далеко не всегда фиксируется их аудиторией).

---

¹⁷ «Архитектурная профессия неоднократно порывала как со своим багажом знаний, так и с другими дисциплинами, стараясь всегда оставаться «современной» - во всеуслышание заявляя при этом о своей (несуществующей, как теперь выяснилось) связи с философией, лингвистикой и наукой»; Салингарос Н. Антиархитектура и деконструкция: триумф нигилизма. Четвертое издание. – М., 2017. – С. 156.

Если рассуждения философствующих интеллектуалов Ж. Делёза и Ф. Гваттари сложно воспринимать всерьез, то отдельные соображения М. Фуко и Р. Барта представляются достаточно глубокими и прозорливыми.

С другой же стороны, из того факта, что пост-структуралисты не имеют отношения к философии как таковой¹⁸, еще отнюдь впрямую не следует, что и весь массив их текстов не может быть предметом внимания и изучения. Так же как астрология или, например, алхимия – представляют несомненный интерес для историков науки, так и «феномены постструктурализма и архитектурной семиотики» вполне могут найти свое место в анналах истории архитектуры и изучаться в обозримом будущем как классические примеры квази-научных теорий.

***

В рамках данного текста определенно нет оснований анализировать специфические особенности художественного языка «звезд архитектурного постмодернизма», как и палитру его композиционных, а точнее, – анти-композиционных приемов, – поскольку подобный анализ уже многократно проводился (как зарубежными, так и отечественными исследователями). При этом, на наш взгляд, отдельного внимания из относительно недавних публикаций по данной проблематике заслуживает работа М.М. Дадашевой «Художественный язык архитектуры конца XX – начала XXI века в категориях объемно-пространственной композиции», выгодно характеризующаяся своей информационной полнотой [18].

---

¹⁸ Имеется ввиду аналитическая философия – философская традиция, сформировавшаяся на базе неореализма, неопозитивизма и прагматизма. Опирается прежде всего на опытное знание и здравый смысл, стремясь к ясности, точности и логической (аналитической) строгости мышления.

Но при этом осознанном отстранении от явно избыточной к настоящему моменту попытки проведения еще одного сравнительного анализа принципов формообразования в современной «звездной архитектуре», отметим одну специфическую черту, свойственную многим, хотя, конечно, не всем, произведениям постмодернизма и неоавангарда: созданию подобного рода архитектурных образов (рис. 1 – 4) можно обучить почти любого человека за весьма короткое время, а если у него есть хоть некоторый опыт работы в современных компьютерных графических программах, – то в таком случае и обучение необязательно, будет вполне достаточно краткого инструктажа.

Рис. 1. Фрэнк Гери. Центр Ричарда Фишера в Аннадейле-на-Гудзоне, США

Рис. 2. Норман Фостер. Филологическая библиотека Свободного Университета в Берлине

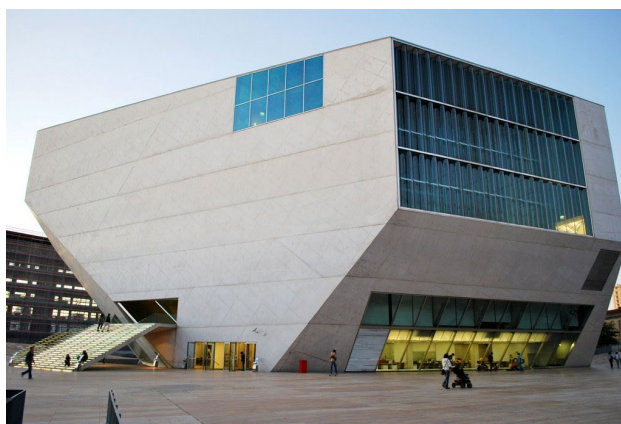

Рис. 3. Рем Колхас. Дом музыки в Порту

Рис. 4. Стивен Холл. «Турбулентный дом»

Можно даже предположить, что явная очевидность этого, столь досадного для постмодернистов и нео-авангардистов обстоятельства стилистической ущербности и композиционной неполноценности изрядной части их «архитектурной продукции», и стала для них одним из главных побудительных мотивов, вероятно, даже и не вполне ясно осознаваемым, к созданию и последующему агрессивному «внедрению в массы» собственной архитектурной идеологии, вся научная несостоятельность которой была осознана, правда, – далеко не всеми и далеко не полностью, спустя многие десятилетия.

При этом достойно сожаления, что историческая судьба теоретических воззрений идеологов архитектурного постмодернизма не послужила методологическим уроком для их главного критика – Н. Салингароса, и не отвратила его (вместе с его ближайшими единомышленниками) от повторения тех же по сути принципиальных ошибок...

Не меньшая проблема, повторимся, заключается и в том факте, что даже та часть профессионального архитектурного и искусствоведческого сообщества, что настроена определенно критично по отношению к идеологии постмодерна и неоавангарда, тем не менее зачастую воспринимает как самих квази-теоретиков от архитектуры, так и представителей т.н. континентальной философии в качестве «настоящих ученых и/или философов».

В силу этого труднообъяснимого «феномена доверчивости» многие тексты по архитектурной проблематике и поныне изобилуют прямыми отсылками к этим курьезным персоналиям и их спекулятивным концепциям. Более того, эти отсылки к модным французским философам стали практически «негласно обязательными» в текстах на темы современной архитектуры и, по весьма саркастичному, но точному наблюдению академика С.П. Капицы¹⁹, напоминают

---

¹⁹ «...В последние годы <...> были изданы многие из рассматриваемых сочинений, а сам постмодернизм стал привлекать все больше не критически мыслящих сторонников, превращаясь в моду философствования, метко названной эстетствующим иррационализмом. Более того <...> эта мода переросла в доминирующую тенденцию, претендующую на исключительное положение и потому

считавшиеся столь же обязательными отсылки к именам (и трудам) «классиков марксизма» в не столь давнюю эпоху новейшей отечественной истории.

Повторимся, сложившаяся ситуация существенно осложняется еще и тем парадоксальным обстоятельством, что наиболее авторитетные, убедительные и последовательные критики сложившегося положения дел (в лице К. Александера и Н. Салингароса), осмелившиеся во всеуслышание разъяснить, что «король-то голый»²⁰, не могут затем «вовремя остановиться» (в отличие от не менее критично настроенного Д. Порфириоса), и уже сами выступают в роли творцов своей собственной «подлинной теории архитектуры»²¹ [81, 99, 100].

Но, как ни странно, этот прием (в очередной раз) срабатывает, и определенная часть их аудитории всерьез воспринимает их в подобном качестве. Решение этой проблемы видится в формировании принципов научного мировоззрения у всех сопричастных к архитектурной проблематике.

1.2. Структурно-семиотический подход к архитектурной проблематике

К вопросам семиотики архитектуры на протяжении последних десятилетий (начиная с 60-х годов XX века и по настоящее время) обращались многие отечественные и зарубежные искусствоведы и теоретики архитектуры, предлагавшие свое собственное видение проблемы.

подавляющая любые другие». С.П. Капица. Предисловие к первому переводу книги «Интеллектуальные уловки» Алана Сокала и Жана Брикмона. М.: «Дом интеллектуальной книги», 2002. – С. 7.

²⁰ «... словно маленький мальчик из сказки, показала растущей читательской аудитории, что король, в роли которого выступает архитектура, голый, и что пришло время перемен». Салингарос Н. Антиархитектура и деконструкция. Триумф нигилизма. – М., 2017. – С. 12.

²¹ «...При поддержке новых научных направлений неизбежно возникнет подлинная, «новая» архитектура...» Там же. – С. 59.

Данная тематика была рассмотрена и обобщена в относительно недавних публикациях: в статье О.И. Явейна «О первых опытах переноса методов структурно-семиотических исследований в архитектуру (идеи 1960-х – 1970-х годов и проблемы современной науки)» и в статье Ю.С. Янковской «Архитектурная композиция и семиотика – генезис идей», что и позволяет обращаться непосредственно к этим текстам в рамках своего рода мета-архитектуроведческого приема, без риска утраты полноты и цельности понимания предмета.

О.И. Явейн в своем тексте преимущественно рассматривает теоретические концепции следующих представителей семиотического подхода: Р. Барт, М. Бонзе, М. Валлис, П. Вершею, М.Н. Грецкий, У. Эко, В.В. Иванов, В.Н. Торопов, Ж. Котекс, А.Г. Левинсон, Ю.М. Лотман, В.Ф. Маркузон, И.И. Ревзин, К. Танге, Ф. Шоу, Р. Якобсон., Ч. Пирс, Ч. Моррис, И. Ледова, Н. Прок, Ф. Пантере, К.Э. Лихаре, П. Васе, Ж. Дефолт...

Ю.С. Янковская в статье систематизирует воззрения таких теоретиков, обращавшихся к теме архитектурной семиотики как: Дж. Брабант, У. Эко, Ф. Шоу, М. Бонзе, Е. Арин, Ч. Джинс, Ю. Едкие, В. Маньяно-Лампиниони, И.А. Страутманис, Р. Крие, Кр. Александер, А.В. Иконников, Р. Капабьянка, Ч. Дженкс, Р. Вентури, И.Г. Лежава, А.Э. Коротковский, В. Маркузон, Г.Д. Станишев, Н. Парк, К.Э. Лехари, Х. Бонт, П. Рикер...

В указанных публикациях детально рассмотрены вопросы становления и развития семиотических (семиологических) подходов к архитектуре как таковой, и системно проанализированы все основные направления в этой сфере. При этом в заключительных положениях своего исследования О.И. Явейн делает достаточно скептические выводы по данной проблематике. Ю.С. Янковская выражает не менее определенную критическую позицию.

О.И. Явейн: «Определенную роль в дискредитации семиологического подхода к анализу архитектуры сыграли и примеры механического перенесения на архитектуру многих принципов семиологии, разработанных на совершенно ином материале, и чрезмерное увлечение лингвистической терминологией» [95, с. 27-28].

Ю.С. Янковская: «Рассмотрение архитектуры как знаковой системы, имеющей определенные формальные свойства, не имело особой продуктивности, т.к. доказывало подвижность, изменчивость синтаксических правил и их значений и, соответственно, невозможность моделирования архитектурного языка с точки зрения полноценной системы знакового общения <...> Основной проблемой архитектурной семиотики является ее зависимость от лингвистических и культурологических аналогов <...>, не отвечающая в полной мере специфике преобразовательной деятельности зодчего по организации пространства для жизнедеятельности человека. Решение этой проблемы еще ждет своего исследователя» [96].

Стоит также заметить, что к данной проблематике обращался и ряд других зарубежных теоретиков, помимо упомянутых несколько выше, и в частности: Э. Гомбрих (E.H. Gombrich), Дж. Саммерсон (John Summerson), Л. Прието (L. Prieto), Н. Гудмен (N. Goodman), Г. Кёниг (G.K. Koenig), П. Будон (P. Boudon), Р. Скрутон (R. Scruton), Р. Воллхайм (R. Wollheim). Степень научной убедительности теоретических построений указанных авторов была рассмотрена и критически сопоставлена Мартином Доноу (Martin Donougho) в его статье «The language of architecture» [107].

Примечательно, что выводы (как промежуточные, так и заключительные), сделанные им в данном исследовании, весьма убедительно соотносятся (препозиционно и по существу) с обобщающими суждениями по данной проблематике О.И. Явейна и Ю.С. Янковской: «Амбициозные попытки заставить архитектуру говорить обречены на неудачу; и по некоторым языковым

критериям архитектура доказывает свою явную не-лингвистичность. <...> Возможности семиотического подхода остаются скорее “долговым обязательством”, нежели “выполненным обещанием”, это правда.» (перевод Г.Ф.)²² [107, с. 65].

Но при этом процитированный выше фрагмент текста М. Доноу несколько противоречив по своему смыслу и общей тональности: с одной стороны, автором констатируется провал попыток «заставить архитектуру говорить» (в силу ее «не-лингвистичности»), но с другой, – он все же удерживается от признания семиотического подхода принципиально вне-научным. Впрочем, впервые этот текст был опубликован в “Journal of Aesthetic Education” еще в 1987 г., когда мода на семиотику во многих сферах культуры переживала свой расцвет.

Приведенный ниже график дает представление о временных «скачках популярности» архитектурной семиологии.

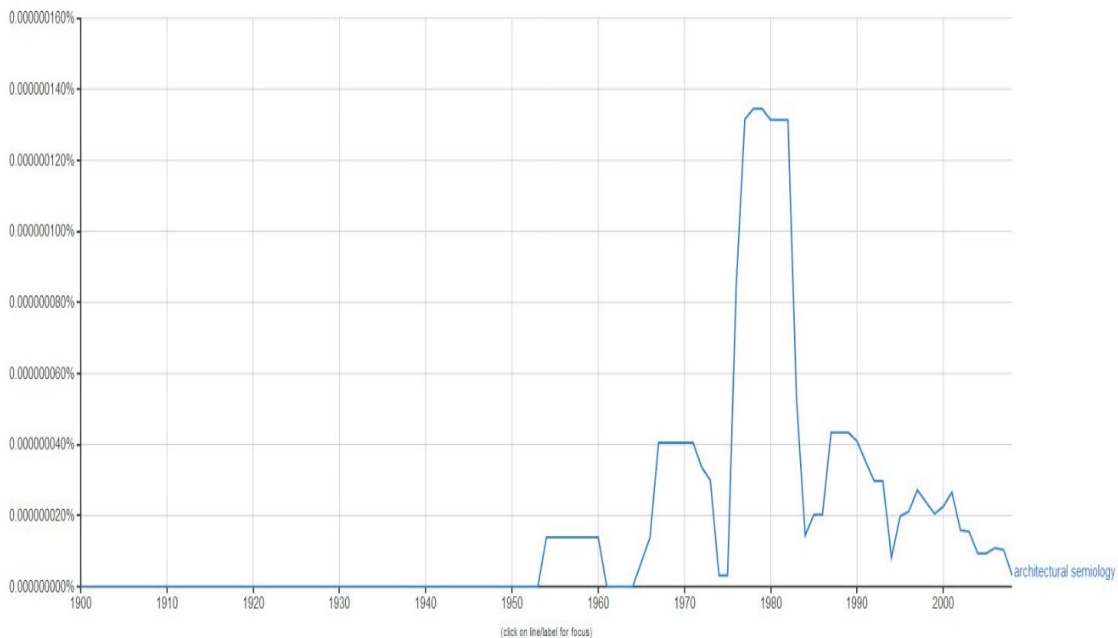

Рис. 7. Частотность упоминания термина «Architectural semiology» в массиве печатных источников. По данным Google NGRAM.

²² Оригинал: «The more ambitious attempts to make architecture speak come to grief; and by several criteria for language, architecture proves quite nonlinguistic. <...> The semiotic approach remains a promissory note rather than a redeemed currency, it is true».

Потребовались десятилетия, чтобы вне-плодотворность семиотического подхода к архитектурной проблематике постепенно зримо себя проявила. Так, обращает на себя внимание, что в процитированном несколько выше тексте Ю.С. Янковской «Архитектурная композиция и семиотика – генезис идей», опубликованном в 2004 г., весьма сдержанно и дипломатично ставится вопрос о сомнительной продуктивности архитектурной семиотики.

Но уже в 2009 г. автор (Ю.С. Янковская) в своей статье «К формированию современной архитектурной теории» занимает по данному вопросу более определенную и, на наш взгляд, более релевантную позицию, вполне обоснованно констатируя, что: «...из-за прямого переноса и заимствования идей из филологии было сформировано достаточно негативное отношение к семиотическим, семиотико-герменевтическим концепциям в зодчестве, т.к. вместо построения на продуктивной базе <...> внутрипрофессиональных концепций на архитектуру стали накладывать совершенно не свойственные ей понятийные конструкции, стремясь выдать ее за некий “язык форм”.» [97, с. 91].

В этой связи представляется вполне уместным рассмотреть возможные основания для подобного суждения Ю.С. Янковской (на наш взгляд, повторимся, несомненно релевантного) и, с этой целью, внятно и четко сформулировать достаточно простые вопросы о принципиальной применимости семиотического подхода к описанию и осмыслению архитектуры, как одного из важнейших культурологических феноменов (в ряду других), с одной стороны, так и о его предполагаемой плодотворности, с другой.

Но при этом дело весьма существенно осложняется тем субъективным обстоятельством, что сам тот факт, что структурно-семиотические методы в приложении к архитектуре практиковались на протяжении полувека – как-бы и не оставляет места для сомнений в их научной правомерности. И лишь отдельные отечественные авторы непредвзято и обоснованно констатируют, что:

«...семиологию многие лингвисты уже осмеливаются называть околонучным изобретением» [11, с. 7-8].

Следует также заметить, что и сам понятийно-категориальный аппарат, используемый в текстах на темы семиотики архитектуры, может вызывать у их читателя невольное уважение своими научностью и многозначительностью.

Действительно, терминология впечатляет: «синтактика», «прагматика», «парадигматика», «семантика архитектурных пространств», «принцип сущности», «архитектурная герменевтика», «информационная эстетика» и др. При этом вводится такая категория как «семиология», имеющая собственное толкование (не вполне совпадающее с определением «семиотики» как таковой). Отдельные авторы шли еще дальше и вводили такие (определенно избыточные, на наш взгляд) категории как «семиозис» (Ч. Моррис) и «семиосфера» (Ю.М. Лотман).

Возвращаясь к вопросу о принципиальной применимости семиотического подхода к осмыслению архитектуры стоит, прежде всего, вспомнить, что же это такое – «семиотика» – в общепринятом понимании этого термина (а не в вольных трактовках каждого из многих «авторских подходов»).

***

Итак, – семиотика, или семиология – это междисциплинарная область исследований, в рамках которой изучаются знаки и знаковые системы, хранящие и передающие информацию.²³

К знаковым системам при этом принято относить прежде всего языки, – как естественно сформировавшиеся или искусственно созданные системы (например, т.н. формальные языки, в т.ч. языки программирования), в которых фиксировано соотносятся понятийное значение и соответствующее ему звучание

---

²³ Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2010–2017 (дата обращения: 07.12.2017). URL: <http://gtmarket.ru/concepts/6925>

и/или написание. Также знаковыми системами являются т.н. нотации – как системы условных обозначений в определенных сферах деятельности (например, – в музыке или в точных науках).

Существуют также знаковые системы частного характера (например, дорожные знаки). Но общим свойством для всех разнообразных знаковых систем является наличие четко фиксированной связи между знаком и его значением, чем, собственно, и определяется их способность хранить и передавать информацию.

***

Так возможно ли выявление какой-то бы то ни было знаковой системы (достаточно внятно структурированной) в приложении к архитектуре? Чтобы ответить на этот вопрос с общерациональных позиций (то есть – не вводя ложных и/или избыточных сущностей), представляется уместным (и, возможно, достаточным) провести следующий мысленный эксперимент: представим себе нескольких людей определенных творческих профессий, лишенных (по причине травмы или болезни) всех двигательных функций и соматических ощущений, но при этом сохранивших ясные речь и рассудок, равно как и творческий потенциал.

Пусть это будут: писатель, математик, композитор, скульптор и архитектор; и у каждого из них – будет свой квалифицированный технический помощник, владеющий всеми соответствующими профессиональными навыками, точно выполняющий все их указания (устные), но сам при этом лишенный креативного начала. В какой степени каждому из них – этих «парализованных творцов» удастся в таких обстоятельствах сохранить свою творческую работоспособность и результативность?

Можно предположить, что писатель, математик и композитор в наименьшей мере утратят былую креативность. Это объясняется тем, что математика и музыка имеют свои четко кодифицированные знаковые системы, а язык литературы – вообще естественный. Скульптор же, что можно полагать

вполне очевидным, полностью лишится возможности к дальнейшему творчеству, поскольку его вид деятельности непредставим вне процесса собственной активной идеомоторики. Его удел в подобной ситуации – стать консультантом или критиком. Но нас больше интересует дальнейшая творческая участь архитектора.

Легко предвидеть, что и он практически полностью потеряет способность не только транслировать вовне свои идеи, но и, в значительной степени, генерировать их. Впрочем, это относится к проблематике создания достаточно сложных и оригинальных проектов; объект класса типового панельного дома или, например, какого-нибудь «постмодернистского опуса» (как на рис. 1 – 4) представляется вполне возможным «надиктовать» помощнику-чертежнику и в диалоге с ним поэтапно откорректировать этот «проект».

***

Впрочем, подобного рода соображения (по несколько другому поводу) высказывались и ранее. Вот что об этом пишет, в частности, Ю. Палласмаа: «Экзистенциальная и воплощенная в архитектуре мудрость – относится к другому типу знания, молчаливому пониманию, скрыто (имманентно) присутствующему человеку...» (перевод Г.Ф.)²⁴ [124, с. 22]. И эта достаточно точная (и при этом весьма поэтичная) категория – «молчаливое понимание» – определенно не предполагает возможность процедуры «семиологического анализа».

Из вышеизложенного вполне логично следует тот простой вывод, что поиск пресловутого «языка архитектуры» (его семантики и семиотики), который десятилетиями вели многие искусствоведы и философы, – был по меньшей мере малопродуктивным занятием – т.к. трудно найти то, чего нет...

---

²⁴ Оригинал: «Existential and embodied wisdom in architecture – refers to the other knowledge, the silent understanding that lies hidden in the human existential condition ...».

Можно предложить такое определение: язык, как знаковая система какой-либо науки или искусства – это то, посредством чего можно что-то значимое и при этом достаточно сложное устно или письменно пересказать кому-то (кодируя и декодируя символы этого искусственного языка – на каком-либо естественном языке: например, – на русском).

При этом критически важным (определяющим) свидетельством должной меры адекватности метода подобного кодирования как и «практической пригодности» соответствующей знаковой системы будет достаточно убедительная корреляция между той информацией, что была транслирована – и тем смыслом (или образом), что был воспринят.

Можно устно (по телефону) – продиктовать доказательство теоремы, ход химической реакции, нотную запись... Но нельзя продиктовать живописное полотно или архитектуру готического собора. Изобразительные искусства, включая архитектуру, не имеют своего специфического, обособленного от других знаковых систем, языка; они оперируют целостными паттернами, т.е. своего рода – гештальтами.

У них есть свои развитые художественные приемы и палитры, но при этом нет отдельных (самодостаточных для кодификации неких «гипотетических смыслов») – знаков и символов. В этом смысле обездвиженного архитектора, равно как и скульпторов с живописцами или графиками, можно условно уподобить бессловесному созданию (со-эмпатичному человеку), например, – домашней собаке, которая «все чувствует, но сказать не может».

Просто потому, что у художника (как и у архитектора) нет достаточно развитой дискретной знаковой системы, и семиотикам, при всем их желании, – по сути нечего изучать. При этом стоит еще раз оговорить, что речь идет о создании оригинальных и достаточно сложных архитектурных проектов (скульптурных композиций или живописных полотен), претендующих по праву называться произведениями искусства.

Впрочем, даже столь простое и не вызывающее сомнений в своей эмпирически фиксируемой достоверности наблюдение может стать темой объемного научного исследования, например: – диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: «Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства (номинативно-коммуникативный аспект)» [34].

В вводной части текста автор, Е.А. Елина, определяет произведения изобразительного искусства как «...визуальную семиотическую систему со своими знаковыми элементами и правилами их употребления» и формулирует следующий вопрос (проблему исследования): «...возможен ли в принципе "пересказ" живописного произведения, а если возможен, то как именно и с какими потерями?»

А в заключение следует вполне закономерный вывод, что: «...невозможно выделить в изображенном объекте сколько-нибудь определенные минимальные элементы, которые можно было бы рассматривать как самостоятельные изобразительные знаки, обладающие значением», поскольку: «художественное произведение <...> представляет собой *непрерывную структуру*, отдельные части которой не имеют четких границ и точных значений» [34].

Заметим, что был проделан масштабный труд по написанию докторской диссертации по филологии – для научного обоснования простой истины, давно вошедшей в поговорку: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать».

***

Однако представления о «языке архитектуры» как о некой самостоятельной (и при этом самодостаточной) знаковой системе удивительным образом живучи и поныне, – и тому есть масса примеров. Думается, что в глубинной основе подобного рода представлений лежит естественное для каждого человека стремление поэтизировать собственные впечатления, то есть прибегать к метафорам и аллегориям при передаче испытываемых ощущений.

Но в случае с архитектурой, неким странным образом, появляется соблазн буквального толкования этой метафоры, приписывающей ей (архитектуре) собственный язык. Но к реальности эта метафора имеет ничуть не большее отношение, чем и другая, – столь же образная и общеизвестная: «архитектура – застывшая музыка». И конкретики в ней – никак не больше.

Не исключено, что специалисты в сфере семиотики были в определенном смысле впечатлены тем фактом, что музыка или, к слову, математика – обладают своими знаковыми системами (языками), и сделали из этого тот поспешный вывод, что и все прочие виды искусства и науки – «просто обязаны» иметь свой собственный язык. При этом стоит также обратить внимание и на то обстоятельство, что каждый вид искусства сугубо специфичен не только средствами создания произведений, но и особенностями их восприятия.

Восприятие речи или прослушивание музыки развернуто во времени, и уже в силу этого обстоятельства очевидна сама принципиальная возможность (успешно осуществленная) разложить повествование (или музыкальную партию) на дискретные фрагменты и как-то кодифицировать их.

Впрочем, эта дискретность достаточно конвенциональна и условна: исполняемая и воспринимаемая на слух музыка (или речь) – непрерывна, но в нотной (или алфавитной) записи – дискретна. Процесс фиксации музыки нотами (а речи – буквами и словами) можно уподобить переводу аналогового сигнала – в цифровой. Но при восприятии изображения (плоскостного или объемного) возможность дискретной (текстуальной, знаковой) фиксации образа отсутствует в принципе – мы воспринимаем архитектурный объект в определенном смысле мгновенно.

Поэтому здание, скульптуру или рисунок можно сфотографировать, а поэму или симфонию – нет. Другими словами, произведения т.н. изобразительных искусств, включая архитектуру, – не могут быть переведены как текст на какие-либо другие языки (естественные или искусственные) по той

простой причине, что они сами – цельные образы, материальные данности (пусть и рукотворные), но никак – не материал для прочтения или перевода.

Их можно обмерить и затем скопировать (в чертежах или в натуре), можно запечатлеть на цифровую матрицу фотокамеры и затем попиксельно вывести на монитор, но при этом их никак нельзя прочесть. Они (произведения искусства, воспринимаемые визуально), – *не повествуют, а впечатляют*.

При этом, безусловно, процесс восприятия архитектурных объектов может быть непростым, и зачастую включает в себя множество подуровней (градаций), определяющихся целым комплексом различных факторов, как внешних, так и внутренних по отношению к воспринимающему их субъекту, – и сам этот процесс порой представляет собой достаточно сложный и многоплановый рекурсивный феномен²⁵.

Но это – проблематика, относящаяся к области психологии и являющаяся предметом всестороннего изучения для профильных специалистов и, в частности, для отечественного ученого-психолога Н.Н. Нечаева, который в своей работе (совместной с А.В. Степановым и Г.И. Ивановой) «Архитектура и психология», детально анализируя как все аспекты архитектурного творчества, так и специфику восприятия архитектуры субъектом, недвусмысленно при этом констатирует (разделяя принципиальную позицию Кристиана Норберг-Шульца), что: «Семиотический подход, согласно которому архитектура рассматривается как система конвенциональных знаков, а архитектурная форма как обозначение «чего-то другого», не в состоянии объяснить произведение архитектуры как таковое» [83, с. 143–144].

Однако, несмотря на всю самоочевидность метафоричности понятия «язык архитектуры», сторонники семиотического подхода к архитектуре (и, в частности, – С.Х. Раппопорт) [77] пытались «спасти положение», вводя

---

²⁵ Отдельные (определяющие) аспекты этого феномена рассмотрены в главе 3.

(постулируя) своего рода «иерархию знаков», разделяя их при этом на знаки «осведомляющие» и «суггестивные».

Доктор искусствоведения, профессор МАрХИ Д.Л. Мелодинский, оценивая методологическую правомерность такого приема, вполне определенно констатировал: «...нельзя не отметить, что суггестивные знаки не обладают такими прочными связями, какими располагают осведомляющие знаки. В силу этого **невозможно сформировать словарь значений визуальной формы.**» (Выделено Г.Ф.) [52, с.127].

Как представляется, эту констатацию можно понимать и так, что **знаков, не имеющих прочных связей и визуальной формы – просто не бывает**, а т.н. «знаки», определяемые как суггестивные (намекающие) – это уже нечто из разряда осетрины той самой «второй свежести» (которой, как совершенно справедливо заметил классик устами своего персонажа, – также не бывает).

***

Предпринимались и другие попытки «кодификации архитектуры», в т.ч. флорентийской группой семиотиков и, в частности, Итало Гамберини (Italo Gamberini), предлагавшими некую классификацию «конститутивных знаков». Оценивая вероятную продуктивность «флорентийского подхода», Умберто Эко вынужден был признать, что: «Если считать конститутивные знаки словами, то складывается парадоксальная ситуация, при которой архитектор, располагая парадигмой, не знает, как привязать ее к оси синтагматики. <...> Не остается, следовательно, ничего другого, как заключить: архитектура исходит из наличных архитектурных кодов, но в действительности опирается на другие коды, не являющиеся собственно архитектурными, и, отправляясь от которых, потребитель понимает смысл архитектурного сообщения...» [93].

В этой, довольно сложной для рационального восприятия сентенции, улавливается лишь ее общий, достаточно скептический посыл. Что же касается некоего «смысла архитектурного сообщения», то остается совершенно неясным,

каким же образом его «пониманию» могут способствовать какие-то гипотетические «...другие коды, не являющиеся собственно архитектурными», и от которых следует «отправляться потребителю»?

При этом вопрос (тезис) о «привязке парадигмы к оси синтагматики» как практически полностью лишенный осмысленной содержательности – лучше оставить без комментариев...

*****

Выше были рассмотрены отдельные аспекты методологии и психологии архитектурного творчества и специфики его восприятия; и при этом не было обнаружено необходимости (или даже желательности) в выявлении или же в искусственном построении – т.н. особенного (и обособленного от других) языка архитектуры.

При этом показательно, что никто из «звезд семиотики», включая самого У. Эко, не предложил (даже схематично) какой-либо системы символов (знаков) для кодификации гипотетического «языка архитектуры». Что же препятствовало им зримо и доказательно оформить собственные представления об этом «языке» в виде методологически последовательных попыток объективации гипотетических «знаков-символов-кодов-текстов-смыслов-посланий», столь же уверенно, сколь и необоснованно, постулированных «архитектурными семиотиками»?

Сложно представить себе попытку рассказать что-либо содержательное об арифметике (даже ребенку дошкольного возраста) без использования ее символики – то есть, цифр, а также знаков сложения, вычитания и т.д. Однако оказывается, как это ни странно, что вполне можно публиковать объемные (программные) работы по семиотике (семиологии) архитектуры и ее предполагаемой «знаковой структуре», но при этом даже не попытаться ввести в виде внятной графической символики какую-либо конкретику по данной теме...

Большинство авторов, предлагавших свои собственные версии интерпретации т.н. «архитектурной знаковой системы», предусмотрительно отстранялись от графической фиксации своих представлений по этой тематике, благоразумно ограничиваясь общими пространственными рассуждениями, осознавая, видимо, констатированную Д.Л. Мелодинским принципиальную невозможность сформировать словарь значений визуальной формы.

Более того, все имеющие конкретный смысл и практическую значимость в приложении к архитектурной проблематике и прежде всего, – к самому процессу проектирования, – многоуровневые системы пиктограмм, включая кластеры т.н. библиотечных элементов, на протяжении уже ряда десятилетий успешно используются в интерфейсах графических компьютерных программ (CAD). Но при этом вряд ли создатели (авторы) этих программ руководствовались «идеями от архитектурных семиологов», поскольку очевидные, т.е. вполне доступные для интуитивного понимания вещи в теоретическом обосновании просто не нуждаются, на что достаточно давно обратили внимание представители т.н. феноменологического подхода (подробнее в гл. 3).

Как имеющий свое визуальное выражение (оформление) подход иногда рассматривается т.н. архитектурная метафора. При этом наглядно фиксируются ассоциативные образы, навеянные архитектурным сооружением субъекту восприятия.

В качестве примеров подобных экзерсисов часто приводятся графические фантазии (или вольные ассоциации) Г. Шокена на тему архитектурного образа капеллы Нотр-Дам-дю-О в Роншане авторства Ле Корбюзье (рис. 8) и студенческая карикатура на здание оперного театра в Сиднее архитектора Йорна Утцона (рис. 9).

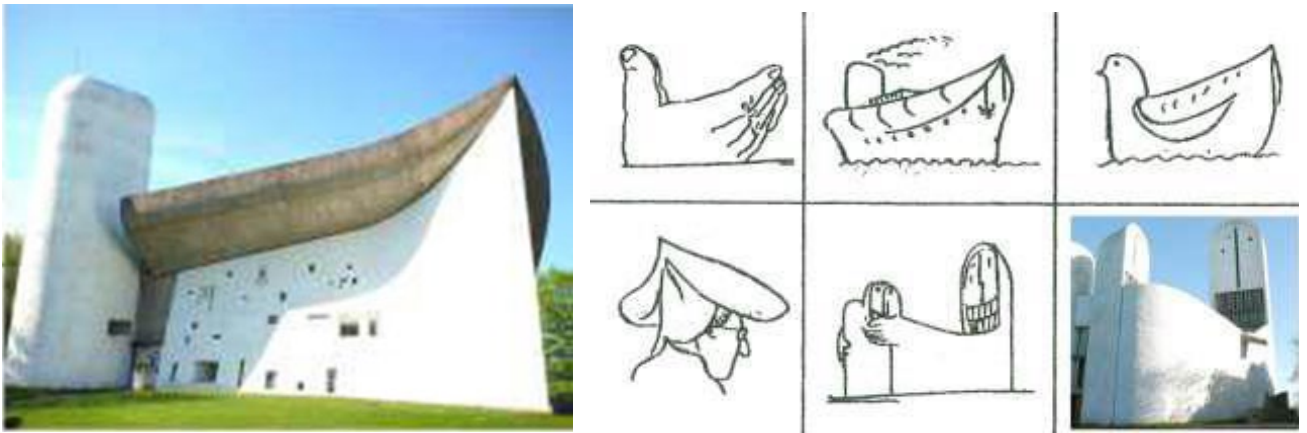

Рис. 8. Интерпретации архитектурного образа капеллы Нотр-Дам-дю-О в Роншане

Рис. 9. Архитектурная метафора образа здания оперного театра в Сиднее

Если подобные «графические упражнения» признавать методологическим принципом (как это полагает возможным ряд архитектурных семиологов), и позиционировать их как интерпретации неких смысловых кодов, то, видимо, большего основания для дискредитации (само-дискредитации) архитектурной семиотики как дисциплины, претендующей на собственную «научность», уже и не требуется. Более того, подобного рода наглядные подходы вполне можно, на наш взгляд, рассматривать как зримое воплощение принципа «*reductio ad absurdum*».

Также стоит заметить, что в современной психиатрии склонность усматривать метафорические образы определяется медицинским термином

«парейдолия» (или «сенсорная иллюзия дополнения»), и эта склонность зачастую регистрируется в инициальных стадиях острых психозов.

Помимо методологической сомнительности теоретических построений семиологов, стоит обратить внимание и на текстологические особенности многих публикаций по данной тематике, проявляющиеся в искусственном (нарочитом) усложнении формы изложения и введении не-конвенциональных и безосновательно латинизированных понятий.

В качестве примера стоит рассмотреть содержание т.н. центрального концепта семиологии. Казалось бы, что может быть проще и очевиднее того факта, что: **знак** (любой знаковой системы) **имеет смысл** (значение) и что этот смысл **понимается** тем **субъектом**, которому он адресован? Но эта, известная всем с детского возраста прописная истина, – слишком проста и неприемлемо лаконична для профессиональных семиологов.

Ведь **то же самое** семиолог может пересказать «более научно» и с приличествующими отсылками к авторитетам и истории вопроса, например: «Идея о субъективности знака довольно четко прослеживалась уже у Ч. Пирса; дальнейшее развитие она получила у Ч. Морриса. Поместив проблему природы знака в контекст семиозиса как процесса, в котором нечто функционирует как знак, он ввел четвертый фактор, помимо пирсовой триады из знаковой формы как таковой (“репрезентамена”), десигната (объекта), и интерпретанты, а именно, интерпретатора. Моррис подчеркивал, что термины “знак”, “десигнат”, “интерпретанта” и “интерпретатор” подразумевают друг друга, поскольку это просто способы указания на аспекты процесса семиозиса» [41].

Примечательно, что подобная «лексическая избыточность», зачастую доходящая до формальной стадии гротеска (как в приведенной выше цитате), характерна для большинства псевдонаучных областей и дисциплин, – когда объективный дефицит содержательности как-бы компенсируется (а если точнее, – то просто старательно маскируется) – как чрезмерной пространностью и

запутанностью изложения, так и невразумительностью используемой терминологии.

Впрочем, Ричард Докинз еще четверть века назад высказал сходное соображение по поводу литературной стилистики ряда модных французских философов (Делёза, Гваттари, Бодрийяра и др.) в своей известной публикации в «Nature»: «Представьте, что Вы – интеллеktуал-самозванец, которому нечего сказать, – но с большими амбициями преуспеть в академической сфере... <...> Какой литературный стиль Вы стали бы использовать? Разумеется, – не простой и понятный, поскольку доходчивость изложения выявила бы отсутствие содержательности.» (перевод Г.Ф.)²⁶ [104].

***

Представляется уместным коснуться также и проблемы целеполагания многочисленных попыток семиотического (семиологического) подхода к анализу архитектуры. То есть задаться достаточно простым вопросом: в чем смысл подобных изысканий и есть ли он вообще?

Ведь вполне понятно, – зачем нужна письменность как знаковая система литераторам (и не только им): – для фиксации создаваемого ими текста и его последующей трансляции читателям в виде публикаций (бумажных или электронных). Для тех же самых целей нужен и язык музыки (т.е. система нотной записи), без которого композиторы просто не смогли бы создавать и сохранять для современников и потомков свои достаточно сложные произведения, – а музыканты-исполнители затем воспроизводить их.

Но ведь архитекторы веками (тысячелетиями) творят, успешно обходясь без собственной, специфической исключительно для их профессиональной деятельности, знаковой системы, и которую так стремятся найти и обосновать

---

²⁶ Оригинал: «Suppose you are an intellectual impostor with nothing to say, but with strong ambitions to succeed in academic life... <...> What kind of literary style would you cultivate? Not a lucid one, surely, for clarity would expose your lack of content».

для них семиологи... (Стоит заметить, что У. Оккам еще семь столетий назад предупреждал о заведомой непродуктивности поиска избыточных сущностей).

При этом сторонники семиотического подхода к культуре (во всех ее проявлениях) часто позиционируют саму семиотику (семиологию) не только как «междисциплинарную область исследований», но и как строгую научную дисциплину.

Однако подобные претензии легко проверяются на состоятельность: один из основных принципов научной методологии состоит в принципиальной воспроизводимости результатов, получаемых исследователем. То есть: полагается необходимым, чтобы эксперимент, в ходе которого были получены данные (существенно значимые для той или иной научной области), мог бы быть воспроизведен другими исследователями и дать при этом те же результаты.

***

Чтобы убедиться в методологической произвольности и, соответственно, вне-научности теоретических построений семиологов (причем в лице их наиболее известных представителей), стоит процитировать искусствоведа и архитектурного критика Г.И. Ревзина, сравнившего два текста:

«...Один - исследование русской культуры рубежа XVIII-XIX вв. в связи с анализом "Евгения Онегина" у Ю.М. Лотмана. Второй -- исследование Расина у Ролана Барта. Барт - классик французского структурализма, Лотман - русского. В обоих случаях речь идет о структуре пространства произведения. Структура организована последовательностями оппозиций...

Одна и та же методология, один и тот же тип исследования – две принципиально различные версии пространства. Вряд ли различие коренится только в глубоком несходстве между собой Пушкина и Расина. Можно предположить, что дело и в позиции исследователей...» [7878, с. 8-9].

Неясно, ставил ли перед собой процитированный выше автор осознанную задачу доказательно выявить субъективизм и научную несостоятельность,

имманентно присущие семиотическому подходу к феноменологии культуры, но это ему несомненно удалось.

Более того, высказанные им соображения невольно провоцируют на следующий мысленный эксперимент: предположить, что Р. Барту и Ю.М. Лотману был бы предложен для подобного «семантического разбора» нейтральный для их культурных «предустановок» текст (например, Шекспира) и спрогнозировать вероятные итоги (выводы) этого гипотетического анализа. Думается, что результат (по меньшей мере – в общих чертах) – довольно предсказуем... То есть, в данном случае налицо – небрежение базовым научным принципом интерсубъективности, в соответствии с которым разные исследователи при изучении и описании предмета исследования должны получать аналогичные результаты. В противном же случае (с которым мы и имеем дело) – это не более чем личностные впечатления, облеченные в наукообразную форму.

Изложенные выше соображения позволяют сделать промежуточный вывод о том, что междисциплинарные контакты могут быть не только плодотворными для контактирующих сфер, но и весьма деструктивными.

Впрочем, полная методологическая несостоятельность структурно-семиотического подхода к архитектурной проблематике признается или же, скорее, весьма показательно выявляется (как можно предположить, не вполне осознанно) и самим Ч. Дженксом в его культовом тексте «Язык архитектуры постмодернизма».

Приведем, в подтверждение этого, дословную цитату из этого текста: «Мы отправились осматривать его (К. Курокавы) новую жилую башню в Токио, общий облик которой был совершенно необычен. Создавалось впечатление, что она сложена из кусков сахара, или даже более того – она напоминала поставленные одна на другую стиральные машины, потому что все белые кубы имели в центре круглые окна. Когда я заметил, что эта метафора несет не

свойственные для жилья оттенки, Курокава высказал удивление: “Это не стиральные машины, это клетки для птиц. Видите ли, в Японии мы делаем домики для птиц – скворечники в виде бетонных ящиков с круглыми отверстиями и вешаем их на дерево...”» [25].

Рис. 10. Капсульная башня «Накагин» К. Курокавы

То есть у самого Дженкса данный архитектурный объект вызвал минимум два разных ассоциативных образа (куски сахара и стиральные машины), но автор постройки имел в виду, что это – скворечники. Трудно предложить более наглядную иллюстрацию явной неубедительности и, в конечном счете, непродуктивности семиотического формата в приложении к архитектуре.

В этой связи стоит вспомнить о существовании первого и наиболее важного закона логики — закона тождества, который впервые был сформулирован Аристотелем следующим образом: «...иметь не одно значение — значит не иметь ни одного значения; если же у слов нет значений, тогда утрачена всякая возможность рассуждать друг с другом, а в действительности —

и с самим собой; ибо невозможно ничего мыслить, если не мыслить что-нибудь одно» [2].

Т.н. языковые игры и характерные для них приемы вполне уместны в художественных литературных текстах, но всякая попытка перенести подобные приемы в сферу гуманитарных и прикладных наук заведомо несостоятельна. Более того, такие попытки, в соответствии с методологическим принципом, известным как «бритва Оккама», – изначально избыточны и, в силу этого, непродуктивны.

Как это ни удивительно, но невольная (имплицитная) констатация этого обстоятельства явно усматривается и в заключительной части текста Дженкса: «В совершенном произведении архитектуры – у Гауди – значения складываются и работают все вместе в глубочайших комбинациях. Мы еще этого не достигли, однако растет традиция, которая отважится предъявить это требование ради будущего» [25].

Из этих двух последних предложений довольно обширного текста («Язык архитектуры постмодернизма») можно со всей определенностью (всецело соглашаясь с автором) заключить следующее: совершенные произведения архитектуры создавались задолго до появления практических рекомендаций Дженкса и ряда его коллег по «теоретическим изысканиям». И эта вполне справедливая констатация как нельзя лучше свидетельствует о методологической нецелесообразности введения избыточных сущностей в виде «собственных теорий архитектуры» от Ч. Дженкса, К. Александера, Л. Крие, Р. Вентури, Н. Салингароса, П. Шумахера...

Ведь если Гауди, как и другие великие мастера мировой архитектуры, успешно обходился в своем творчестве без многословного теоретизирования, это обстоятельство и является реальным подтверждением объективной ненужности подобного рода «концептуальных натуг». Другими словами, самим Дженксом (в

его же собственном тексте) фиксируется факт грубого нарушения им другого логического принципа – закона «достаточного основания».

Как представляется, несложно предположить и вероятные источники и побудительные мотивы идеологии семиологических построений в сфере архитектуры: разные виды зданий и сооружений, в прямой зависимости от своего функционального назначения (а также, конечно, и стилистической принадлежности), обладают, не всегда, но часто, и своей типологической спецификой, принципиально отличающей их от построек другого класса. А это действительно так, вопреки тезису часто цитируемого специалиста по проектированию «декорированных сараев» – Р. Вентури.

Но разве данное обстоятельство вероятной типологической узнаваемости может служить достаточно убедительным основанием для произвольного теоретизирования на тему «семиотики архитектурных сооружений и пространств»?

***

Но даже если, закрыв глаза на всю внутреннюю противоречивость и методологическую несостоятельность семиотического подхода к архитектурной проблематике, согласиться с уместностью подобного рода «теоретических новаций» (условно допустив, что мы живем в «мире знаков» – т.н. семиосфере), то тогда следовало бы постулировать вероятную правомерность и целого ряда других аналогичных «теоретических концепций», равно как и могущих быть выстроенными на их основе «научных направлений», например:

- семантический анализ природных ландшафтов и населяющих их биот;
- иконоформы атмосферных фронтов и динамическая синтактика климата;

- сравнительная морфология элементарных частиц с методологических позиций структурализма;

- герменевтика среднего и тяжелого машиностроения в исторической ретроспективе...

При этом каждое из этих т.н. научных направлений (количество которых легко множить практически бесконечно) можно было бы подобным образом «теоретически обосновать» и предложить введение соответствующего многоуровневого понятийно-категориального аппарата для вящего наукообразия.²⁷ Но при этом вполне очевидно, что подобные терминологические вольности выглядели бы как сомнительная и неуместная претензия (а точнее, – просто пародия) на теоретическую значимость. Однако в том, что касается семиологии архитектуры, – это, странным образом, в течение столь долгого времени оказывалось вполне допустимым.

***

Представляется, что проблема с семиотическими подходами к осмыслению архитектуры коренилась как в изначальной некорректности используемой в их рамках терминологии, так и в отсутствии общего (конвенционального) понимания того минимально достаточного уровня структурированности (меры упорядоченности и развитости) знаковых систем, при котором имеет смысл содержательно говорить о хранении и передаче (воспроизводстве) сколько-нибудь существенного и логически связного объема информации.

Что касается некорректности (произвольности) использования понятийного аппарата, то это проявляется прежде всего в том, что многие тексты по архитектурной проблематике или прямо озаглавлены – «Язык архитектуры»,

---

²⁷ Подобного рода «научные направления» уже представлены такими «дисциплинами» как: биосемиотика, соционика, проксемика, кинестетика, визуальная социосемиотика, информациология...

или содержат это словосочетание в своем названии. При этом одни авторы используют его в аллегорическом (поэтическом) смысле, а другие, игнорируя «принцип достаточного основания», – в буквальном, полагая этот «язык» полноценной (либо частично приемлемой) знаковой системой.

Подобного рода разночтения в употреблении ключевых понятий и терминов критически контрпродуктивны в научных исследованиях. Это же относится и к семиотическому проекту в обобщенном его понимании: когда дисциплина, задуманная ее «отцами-основателями» как – ни много ни мало – метанаука, обнаружила в процессе своего становления и развития очевидную неспособность (и неготовность) своих адептов «договориться о терминах» как и о конвенциональной intersubjectности практикуемых методологических принципов. Эта множественность подходов, разноплановых концептуально и методологически, согласно строгим законам классической логики, а priori обесценивает как каждый из них в отдельности, так и дискредитирует семиотику как «научный проект» в целом.

Ведь если предположить, что какой-либо из семиотических подходов к архитектуре вдруг обнаружил бы свою методологическую состоятельность, то это со всей определенностью должно было бы повлечь за собой признание всех остальных (альтернативных) подходов принципиально неверными (как это не раз и бывало в истории науки). Но складывается впечатление, что эта ситуация «множественности взглядов» вполне устраивает архитектурных семиологов, поскольку позволяет каждому из них беспрепятственно выстраивать свои собственные концепты.

1.3. Причины широкой популярности вне-научных представлений в сфере теории архитектуры

Рассмотренная проблема привнесения в теорию архитектуры теоретически несостоятельных и методологически разнородных ментальных концептов – в виде наукообразных построений представителей «французской мысли» и т.н. архитектурных семиологов – позволяет сформулировать вопрос о вероятной целесообразности исключения из сферы архитектуроведения как академической дисциплины подобного рода концептуальных подходов (форматов), вся научная неправомерность и бездоказательность которых была исчерпывающе выявлена еще десятилетия назад.

***

При этом основная проблема заключена, как представляется, не столько в принципиальной вне-научности данных концептуальных построений, схожих в случае с «философией постмодернизма» с вербализированными продуктами воображения, сколько – в широкой распространенности этих, воспринимаемых на веру (в силу психологических факторов «эффекта авторитета» и «эффекта группового мышления») и далее тиражируемых концепций, не отвечающих даже базовым критериям научности.

Это, в свою очередь, приводит к психологическому эффекту (феномену) «каскада доступной информации» – когда многократное повторение какого-либо утверждения, даже совершенно произвольного и бездоказательного, формирует стойкую коллективную иллюзию его истинности.

Эта иллюзия, как правило, подкрепляется как соответствующей «аргументацией», так и ссылками на «авторитетные источники» («argumentum ad verescundiam»), что еще более затрудняет саму попытку критического анализа произвольных теоретических спекуляций.

В этой связи имеет смысл привести цитату из публикации профессора РАН, доктора филологических наук С.А. Бурлак на тему паразитических наслоений в современной науке: «...Особенно усилилась активность лжеученых в нынешние постмодернистские времена, когда возобладала идея, что в науке нет ничего твердо установленного, есть лишь мнения, и ни одно из них не хуже другого. <...>... специалист в какой-то одной области вполне может, будучи дилетантом в другой, развивать лженаучную теорию. И даже если автор теории не понимает вовсе ничего, схватить его за руку бывает чрезвычайно затруднительно, поскольку обилие информации, приводимой автором теории, может создавать иллюзию его компетентности...»²⁸ [7].

Более того, автор очередной вне-научной теории (приводимый С.А. Бурлак в качестве гипотетического примера самодеятельного теоретика) вполне может позиционировать собственные домыслы в качестве т.н. «пост-неклассических интеллектуальных продуктов гуманитарного знания». (Удобное определение для произвольных ментальных концептов континентальной философии).

Но проблематика некритичного восприятия вне-научных представлений этим не исчерпывается. В силу психологического феномена известного как «эффект первичности» (primacy effect) констатируется склонность (как правило, неосознаваемая) отдавать предпочтение информации, которая была получена первой. Это обстоятельство существенно затрудняет (а порой просто блокирует) возможность пересмотра устоявшихся воззрений, поскольку такие попытки критического переосмысления сопряжены с определенным психологическим дискомфортом (и риском когнитивного диссонанса). Влияние этого феномена фиксируется даже в сфере т.н. точных наук, когда ученые (порой с мировым именем) с трудом расстаются, если вообще расстаются, со своими прежними

---

²⁸ С. Бурлак Лженаука о языке: дифференциальный диагноз // «Троицкий вариант. Наука» №13 (132), 2013. С. 10. [Электронный ресурс] URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432024/Lzhenauka_o_yazyke_differentsialnyy_diagnoz

представлениями и очень неохотно принимают строгие доказательства их научной недостоверности.

Вполне естественно и объяснимо, что в области гуманитарных дисциплин вне-научные теоретические представления (часто оформленные в виде «научных направлений») еще труднее поддаются критическому переосмыслению.

При этом встает еще и проблема т.н. «argumentum ad ignorantiam», когда даже критично настроенный субъект восприятия (представитель «целевой аудитории») оказывается перед дилеммой: либо последовательно и доказательно (пошагово) опровергать сомнительные ментальные концепты – плоды «свободного полета мысли» очередного культового теоретика, либо принять их на веру (убедив себя в их правомерности или, как минимум, в их уместности). И таким образом «порочный круг» замыкается.

*****

Рассмотренный выше сложный комплекс психологических факторов, определяющих феномены когнитивных искажений восприятия (cognitive biases), имеет глубокие эволюционные корни, обусловленные спецификой становления вида *Homo sapiens sapiens*. На определенном историческом (до-историческом) этапе когнитивные искажения (включая упомянутые выше в п. 1.1. и 1.2. такие феномены как «парейдолия» и «апофения») представляли собой форму адаптивного поведения (в виде полу-инстинктивных реакций индивида), когда сложные ситуации требовали оперативных действий, не оставляя времени на попытки их анализа. Эта склонность к вне-рассудочным действиям в ответ на потенциальную опасность закреплялась отбором как полезный для вида поведенческий признак.

В историческую эпоху эти (как правило, полу-осознаваемые) «стандарты поведения» также способствовали более успешному выживанию индивида – уже в социуме – и также поддерживались отбором. Таким образом, не вызывает

удивления тот факт, что и процент наших современников, склонных к усвоению навыков критического (системного) мышления, столь невысок.

В силу этих обстоятельств было бы странно, если указанные феномены эволюционно обусловленной психологической склонности к некритичному восприятию и последующему копированию коллективных «поведенческих паттернов» активно не эксплуатировались бы пассионарными (харизматичными) самодеятельными теоретиками – в качестве своего рода «ресурсной базы» для продвижения своих «прогрессивных научных идей и теорий» (предметнее – см. в гл. 2).

*****

Однако, достаточно вспомнить о методологическом принципе, известном как «бремя доказательства» (или, в современной формулировке, как «бритва Хитченса»). В соответствии с этим принципом утверждения, не имеющие строгих логических обоснований, – изначально не заслуживают серьезного внимания и принципиально не могут быть предметом научной дискуссии.

Данный методологический принцип известен с давних времен и может рассматриваться как вариация «закона достаточного основания». Он даже вошел в латинскую поговорку: «*Quod gratis asseritur, gratis negatur*» («Что беспричинно утверждается, свободно отбрасывается»).

Это позволит при проведении исследований в сфере теории архитектуры строго следовать нормам научной этики в плане анализа (тщательной проверки) научной достоверности источников информации и далее не тратить времени и усилий на рассмотрение методологически неправомерных гипотез и концепций.

Выводы по главе 1:

- Теоретическая основа архитектурного постмодернизма представляет собой конгломерат разнородных и методологически произвольных концепций, которые по многим как сущностным, так и формальным позициям находятся в неустранимом взаимном противоречии. Более того, многим текстам теоретиков архитектурного постмодернизма свойственна внутренняя противоречивость, что является своего рода маркером их принципиальной научной неправомерности.
- Структурно-семиотический подход к архитектурной проблематике обнаружил собственную методологическую несостоятельность. При этом показано, что практическая (и теоретическая) бесперспективность подобного подхода была предсказуема. Это было обусловлено как небрежением по отношению к принципам общепринятого научного метода, так и нарушением базовых законов классической логики.
- Определены вероятные причины широкой популярности вне-научных концепций в сфере теории архитектуры. Показано, что в основе не критичного отношения к произвольным теоретическим спекуляциям – психологические факторы, ведущие к ряду когнитивных искажений восприятия, в том числе: «эффект авторитета», «эффект группового мышления» и феномен, известный как «каскад доступной информации».
- Отмечена необходимость при проведении исследований в сфере теории и истории архитектуры тщательного анализа (проверки) научной достоверности источников информации, что позволит избегать ссылок на сомнительные и вне-научные концепты и их авторов.

ГЛАВА 2. АНАЛИТИКА, ДЕКЛАРАЦИИ И МАНИФЕСТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

«Ныне действующие представления об архитектурной науке, ее теории и истории, разделяют судьбу парадоксальной смеси смыслов естественного и искусственного – нормативного и произвольного.

Как случилось, что эта сфера знания, практики и управления обеспечила свое право не критического пользования любыми родами мнений и представлений – это особый историко-методологический вопрос, которым пора бы давно заняться».

А.Г. Раппапорт [71]

Классифицировать и отделить друг от друга паранауку, лженауку и жульничество можно лишь при наиболее ярких их проявлениях.

Одна из причин появления лженаучных идей – это ошибки исследователя плюс определенные научные амбиции. Ошибки чаще всего возникают тогда, когда специалист одной области знаний вторгается в другую специфическую область знаний, где его компетенция ограничена или отсутствует, а научные притязания велики.

К.П. Иванов [35]

В главе критически рассмотрены методологические подходы наиболее авторитетных (и, соответственно, часто цитируемых) в профессиональном сообществе современных теоретиков архитектуры. Выделены основные публицистические форматы, в рамках которых этими теоретиками излагаются их взгляды и позиции: «критический» (аналитический) и «программный» (декларативный).

2.1. Аналитический и декларативный форматы в современной теории архитектуры

Архитектуроведение, как некая сфера знания, складывается из истории архитектуры и теории архитектуры. При этом история архитектуры обладает всеми признаками строгой научной дисциплины и объективно отвечает большинству критериев, предъявляемых к научным историческим исследованиям и их методологии.

Что же касается собственно теории архитектуры, то здесь общая ситуация определенно несколько сложнее: поскольку именно в этой области наряду со значительным корпусом подлинно научных принципов и методик одновременно сосуществуют и явно вне-научные подходы.

Тот базовый сектор (раздел) теории архитектуры, – который не вызывает сомнений в своей достаточной академической строгости, так же как и в проверенной временем методологической состоятельности, – объективно включает в себя обобщенный массив представлений по фундаментальной архитектурной проблематике в ее традиционном понимании: таких как изучение и анализ принципов построения объемно-пространственной композиции и формообразования, архитектоники, инженерных конструкций, строительных материалов и технологий, методологии проектирования...

Данный раздел теории архитектуры имеет свой довольно ясный и детальный исторически сложившийся понятийно-категориальный аппарат и опирается на обще- и частнонаучные методы.

Остальная же часть «парадигмы архитектуроведения» может быть (при этом достаточно условно) разделена на два основных направления или, скорее, на два системных подхода: «критический» (аналитический) и «программный» (декларативный). При этом программный подход представляет собой претензии на «новое слово» в теории и практике архитектуры и является по своей сути манифестацией, то есть попытками теоретического обоснования тех или иных

тенденций (направлений) в современной архитектуре (при этом не обязательно авангардных), и в силу этого обстоятельства, часто имеет эмоциональную окраску и довольно сомнительный научный статус своих методологических позиций и постулатов.

Критический же подход можно охарактеризовать как своего рода аналитическую (по формальным признакам) эссеистику. В рамках именно этого подхода рассматриваются и анализируются, как правило, течения и тренды в новой и новейшей архитектуре как объективно существующие феномены. Весьма значительным сегментом этого подхода можно считать архитектурную критику.

Здесь сто́ит еще раз подчеркнуть, что разграничение этих подходов является довольно условным, и что многие архитектуроведческие тексты порой обладают признаками обоих подходов. Более того, они имеют главную общую черту: оба подхода позиционируют себя (не всегда, но часто) – как отвечающие строгим критериям научной методологии.

Далее представляется уместным проанализировать как формальные, так и сущностные признаки определенной части архитектуроведческих текстов (как критических, так и программных) с методологических позиций современной науки.

При этом имеет смысл ограничиться рассмотрением критических и программных текстов (их основных положений и тезисов) наиболее значимых фигур в сфере современной теории архитектуры: сторонников авангардных тенденций Чарльза Дженкса и Патрика Шумахера, с одной стороны, – и их идеологических оппонентов (приверженцев традиционного подхода) – в лице Кристофера Александера и Никоса Салингароса, – с другой.

Для этого есть достаточно веские основания: книга Чарльза Дженкса «Язык архитектуры постмодернизма» (изданная в 1977 г. и переведенная на русский язык в 1985 г.) многими специалистами рассматривается как «оказавшая

огромное влияние на профессиональное сознание архитекторов» и даже считающаяся «библией постмодерна» [25, – С. 5].

Авторитет К. Александера также не менее весом, и в статье доктора философских наук Т.Ю. Быстровой, в частности, в его отношении констатируется, что: «...недаром некоторые западные критики сближают Кристофера Александера <...> с Витрувием, хотя во времени они отстают друг от друга на две тысячи лет» [9].

Что же касается Н. Салингароса, то и его «...называют вторым или "новым" Витрувием, желая подчеркнуть, что он внес в теорию архитектуры совершенно новый подход, который обещает служить зодчим еще тысячу лет» [73].

Судя по общей тональности процитированных выше текстуальных фрагментов, нам, по всей видимости, выпала честь быть современниками не только автора «Библии постмодернизма», но еще и двух «новых Витрувиев» в придачу. Такая радикальная постановка вопроса предполагает необходимость (или же, по меньшей мере, – уместность) краткого сравнительного анализа основных положений теоретических трудов указанных авторов.

Структурно эти теории слагаются (в особенности, – в текстах Ч. Дженкса и Н. Салингароса) из двух основных сущностных фрагментов (при этом слабо связанных логически друг с другом), – первый из которых можно, как мы выше условились, назвать «критическим» (аналитическим) подходом, а второй – «декларативным» (или программным).

То есть: сначала автор текста содержательно и убедительно выявляет несостоятельность или сомнительность теоретических позиций своих предшественников (или оппонентов-современников), а вслед за тем начинает объяснять своей аудитории как же «правильно на самом деле». При этом следует отметить, что убедительность критической составляющей текста порой

оказывается столь впечатляющей, что придает и видимость правдоподобия его (текста) декларативной части.

Так, представляется, что наиболее содержательной частью основного теоретического труда Чарльза Дженкса «Язык архитектуры постмодернизма» можно считать его первый фрагмент – «Смерть “новой архитектуры”», где им предельно жестко и аргументированно критикуются базовые постулаты и идеи модернизма, и прежде всего – присущий ему композиционный примитивизм [25, – С. 14, 20, 24].

Но, весьма убедительно показав несостоятельность программных установок модернистов, уже ставшую к тому времени для многих очевидной, он тут же выступает в роли «нового идеолога», и во второй части этой книги – «Способы архитектурной коммуникации» – обосновывает собственную теорию, поставив цель научить архитекторов «правильным подходам к проектированию» и привлекает для этого произвольные лингвистические аналогии, популярные во времена пика моды на семиотику.

Но по прошествии некоторого, относительно недолгого, времени появляется следующий архитектурный теоретик – в лице Н. Салингароса, который, в свою очередь, столь же резко и убедительно подвергает критике уже теоретические построения постмодернистов, выявляя их бесплодность и вне-научность. Но затем и он столь же уверенно формулирует собственные взгляды, представляющиеся ему (и его идеологическим соратникам) – архитектурной истиной в последней инстанции.

Проиллюстрируем это следующей цитатой данного автора: «...К сожалению, архитектура только начинает долгожданное формулирование своих теоретических основ. Не преувеличу, если скажу, что вплоть до последнего времени ее представители руководствовались, скорее, личными прихотями и соображениями моды, а не опирались на теоретические основы. Из-за научного невежества трех поколений архитекторов об этой сфере сложилось совершенно

неправильное представление <...> А ведь уже написано достаточно работ по подлинной теории архитектуры, заложена основа, от которой можно отталкиваться при изучении этой темы. Она состоит из работ Кристофера Александера (Alexander, 2002, 2005; Alexander et. al., 1977), Леона Крие (1998), автора этой книги (Salingaros, 2006) и некоторых других» [80].

Следует признать, что на фоне его последовательной критики теоретического базиса постмодерна процитированный выше пассаж может восприниматься, на первый взгляд, как естественное и убедительное обоснование его собственной теоретической позиции. Но, к сожалению, лишь на первый взгляд, и не более того. Поскольку при внимательном прочтении этого фрагмента мы видим, что нам предлагается сделать для себя вывод или же просто принять к сведению, что:

- во-первых, до Н. Салингароса и его ближайших единомышленников архитектура так и не смогла «сформулировать свои теоретические основы»;
- во-вторых, гении мировой архитектуры при создании прошедших испытание временем шедевров всего лишь «руководствовались личными прихотями и соображениями моды»;
- в-третьих, три поколения архитекторов пребывали во мраке «научного невежества».

Из трех приведенных выше решительных и претенциозных утверждений можно отчасти согласиться лишь с последним, поскольку именно недостаточное знакомство с базовыми принципами научной методологии и формальной логики и обуславливает тот, во многом удивительный, «феномен доверчивости» довольно значительной части архитекторов и архитектуроведов к текстам очередного теоретика, побуждая их находить глубокий смысл в мутном конгломерате из очевидных констатаций и столь же явной несуразицы.

Более того, это относится, прежде всего, и к самому Н. Салингаросу как к теоретику, открыто игнорирующему (осознанно или не очень) основные критерии, которым должна строго соответствовать всякая теория, претендующая на собственную научность, из коих главный – внутренняя непротиворечивость.

Так, Н. Салингарос, уверенно заявляя, что именно им и его коллегами заложена «основа подлинной теории архитектуры», в том же самом тексте признает, что «...любая дисциплина за время своего существования накапливает багаж знаний, которые позволяют объяснить массу феноменов. (Знания по архитектуре накапливались тысячелетиями). Некоторая часть этих знаний была систематизирована и сформирована в сжатую теоретическую базу. <...> Факты и идеи объединены определенным образом, который характерен для всех точных дисциплин» [80].

Внимательный (и достаточно критично настроенный) читатель этого текста («Антиархитектура и деконструкция») неизбежно должен здесь задаться вопросом: ведь если автор прямо и недвусмысленно констатирует, что знания по архитектуре (накопленные тысячелетиями) уже были объединены и систематизированы в теоретическую базу, – то чем же тогда была вызвана для самого Н. Салингароса и его коллег необходимость создавать свою собственную «подлинную теорию архитектуры» и начинать при этом с нуля?

Впрочем, в этом же тексте он приводит и своего рода промежуточное (компромиссное) утверждение, признавая, что теория архитектуры хотя и была, но, все же «недостаточно научная»: «Настоящая теория архитектуры развивалась в двух параллельных направлениях. Первое из них – это подход, основанный на исторически сложившихся решениях. <...> Второе направление подлинной теории архитектуры опирается на науку...» [80].

Видимо, следует полагать, что в этой трактовке его собственный подход признается им уже не «заложением основ», а позиционируется несколько умереннее, – как «второе направление подлинной теории архитектуры» (опирающееся на науку). Остается лишь догадываться – какое из трех, данных им и весьма разнящихся между собой определений современного состояния теории архитектуры он считает наиболее релевантным.

Но, быть может, эти досадные обстоятельства явных нестыковок и противоречий в текстах авторства Н. Салингароса компенсируются их практической результативностью? Ведь открыв секрет «единственно верной архитектурной теории», было бы логично на практике показать (реализовать) весь ее потенциал и спроектировать (и построить) что-нибудь значительное и выдающееся – назло всем скептикам. Но и здесь надежды не оправдываются, поскольку, как вполне справедливо констатировал доктор искусствоведения А.Г. Раппапорт: «...все рассуждения Салингароса остаются в сфере теории и не имеют прямых визуальных, формальных реализаций» [73].

Если Ч. Дженкс спроектировал серию композиций ландшафтного дизайна (включая такие объекты как «Сад космических размышлений» и «Тематический дом»), то каких-либо свидетельств самостоятельного архитектурного творчества Н. Салингароса и П. Шумахера в открытом доступе обнаружить не удастся.

***

Что же касается автора книг «Заметки к синтезу формы», «Язык паттернов» и «Природа порядка» – К. Александера, – то принято считать, что он как «...архитектор, теоретик архитектуры, урбанист, дизайнер, математик, социолог, профессор университета Беркли в Калифорнии и т.п. – поразительно последователен: он научно и теоретически обосновывает идеи, и только потом реализует их в архитектурной практике» [9].

Однако те весьма скудные визуальные свидетельства, которые приводятся в материалах, посвященных его собственному (а также инспирированному его идеями) проектному творчеству, оставляют впечатление композиционной и стилистической неубедительности (Рис. 11, 12).

Рис. 11. К. Александер. Кафе Linz. 1980

Рис. 12. М. Сафди Жилой комплекс «Habitat»

Впрочем, это обстоятельство столь же очевидно и для самого К. Александера и его сотрудников: «...Но Александер и его коллеги были обеспокоены, обнаружив, что работы многих проектантов, вдохновленных книгой «Язык паттернов», оказались грубыми и неумелыми. Каким образом, без возвращения к священноначалию профессионалов, можно было бы это исправить? Что было не так с методологией, предложенной им и его коллегами?» (перевод Г.Ф.)²⁹ [119].

---

²⁹ Оригинал: «...But Alexander and his colleagues were disturbed to find that many of the designers inspired by A Pattern Language produced work that was crude and artless. How, short of returning to the priesthood of trained professionals, could this be corrected? What was missing from the methodology he and his colleagues were offering?»

То есть: он публикует «самоучитель по архитектуре» (“A Pattern Language”), чтобы разъяснить в этой книге методологию архитектурного проектирования для всех желающих и наглядно доказать необязательность привлечения профессиональных архитекторов к проектному процессу, а затем (по прошествии десятилетий) выражает озабоченность тем, что это начинание принесло столь печальные плоды.

Довольно трудно представить себе возможность подобного рода смелых новаций в других сферах деятельности, например, – в медицине, где каждому, проявившему к ней интерес, таким же образом предлагалось бы самостоятельно освоить практическую хирургию по одному иллюстрированному пособию.

Не может не вызывать удивление и временной разрыв между первой публикацией этой книги и воследовавшем «выражением обеспокоенности», – не исключено, что причина этого в том факте, что: «”Язык паттернов” имел большой успех, и, даже по цене 65\$, он до сих пор остается в числе бестселлеров по архитектурной тематике – по прошествии 25 лет со времени первого издания...» (перевод Г.Ф.)³⁰ [119].

При этом сам К. Александер убежден, что всегда действовал в рамках научного метода: «...На протяжении всей моей карьеры я старался <...> направить архитектуру на путь, глубоко связанный с наукой, современной либо иной...» (перевод Г.Ф.)³¹ [99]. Но вот каким же образом можно прилагать искренние многолетние усилия по сближению архитектуры с наукой – и при этом не оставлять настойчивые попытки ее (архитектуры) профанации, внушая широкой публике, что можно стать архитектором «по одной книжке»?

---

³⁰ Оригинал: «*A Pattern Language* was met with great success, and even at \$65 per copy, it is still one of the best-selling books on architecture – some 25 years after it was first published...»

³¹ Оригинал: «...Throughout my career I have pushed very hard <...> to put architecture onto a track which is deeply involved with science, new or otherwise...»

Представляется, что здесь налицо явное и принципиально неустранимое противоречие. И подобного же рода противоречия свойственны и текстам его коллег (как единомышленников, так и оппонентов).

Так в чем же тогда кроется секрет столь поразительной успешности «теоретических конструкций» Ч. Дженкса, К. Александера и Н. Салингароса? Видимо, их впечатляющая популярность определяется сложным комплексом различных факторов. Но выделим из них два основных и, как представляется, наиболее очевидных.

Во-первых, в рамках «критического подхода» им удалось своевременно прочувствовать и затем эффективно обслужить своего рода «общественный запрос» на теоретическую дискредитацию надоедавших со временем (если не всем, то очень многим) масштабных архитектурных экспериментов той или иной волны. И это можно считать конструктивной и содержательной стороной их текстов.

Во-вторых, в рамках их собственного «программного подхода» они умело придают своим теоретическим построениям видимость научности, вводя отсылки к различным сферам научного знания (включая точные и естественнонаучные дисциплины). И приходится констатировать, что это производит весомое впечатление не только на широкую аудиторию, но и на определенную (значительную) часть профессионального архитектурного и искусствоведческого сообщества.

Удивительно, но тексты Ч. Дженкса и Н. Салингароса стали со временем практически неотличимы: оба автора обратились к ставшей модной тематике фрактальной геометрии, неравновесных процессов и теории сложных систем, к новым научным гипотезам в сфере биологии и астрофизики, эксплуатируя недостаточную компетентность своей аудитории в этих вопросах и создавая иллюзию своей собственной «энциклопедической образованности».

Кроме того, этим теоретикам свойственна и определенная поведенческая гибкость: стоит обратить внимание на то, с какой легкостью Ч. Дженкс расстался со своей теоретической базой в виде т.н. философии постструктурализма и архитектурной семиотики (как только стала очевидной вся несостоятельность их научного статуса) и оперативно переключился на эксплуатацию новых околонаучных трендов. Данную констатацию стоит наглядно проиллюстрировать двумя цитатами:

Ч. Дженкс: «Большая часть явлений природы – галактики, эмбрионы, сердцебиение и мозговые волны – растет и непрерывно меняется с незначительными вариациями. Эта интуиция получила научное обоснование в 1977 году, когда французский ученый Бенуа Мандельброт [Benoit Mandelbrot] опубликовал свой полемический трактат “Фрактальная геометрия природы”. <...> Возникла концепция порядка, который является более чувственным и непредсказуемым, чем набор повторяющихся элементов» [24].

А.Г. Раппапорт о Н. Салингаросе: «Салингарос оставляет <...> рассуждения традиционной теории за скобками, так как предлагает совершенно иной подход к масштабу, коренящийся в идеях фрактальной геометрии, биологии и теории сложных систем. И потому он видит в своем подходе качественно новую парадигму архитектуры, которая бы строилась по законам природы» [74].

Приведенные выше фрагменты весьма впечатляющи и даже поэтичны (если закрыть глаза на качество русского перевода текста Дженкса), но при этом совершенно неуместны в содержательных архитектуроведческих текстах в силу своей очевидной произвольности и необедительности. Какое отношение к теории архитектуры и к самой архитектуре имеют галактики и эмбрионы, не говоря уже о «мозговых волнах»?!

Да, математик Б. Мандельброт, автор термина «фрактал», опубликовал в 1977 году научно-популярную книгу, в которой весьма занимательно и доступно рассказал о том, что многие природные объекты имеют самоподобную структуру, то есть совпадают (приближенно или почти полностью) с фрагментами самих себя, и привел в ней множество разнообразных и интересных примеров таких феноменов³² [118].

Но вот каким же образом эти общеизвестные исторические обстоятельства соотносятся с архитектурной проблематикой? По всей видимости, только одним: они послужили вполне достаточным поводом для генерации очередной волны претенциозных текстов от «культовых теоретиков архитектуры».

Кстати, при всем должном уважении к Бенуа Мандельброту (и как к математику, и как к популяризатору науки), следует заметить, что самоподобные структуры были известны задолго до его обращения к этой тематике³³; а до введения им термина «фрактал» этот феномен описывался категорией «рекурсия» и не только давно пристально исследовался математиками, но и являлся объектом попыток серьезного философского осмысления, в частности, для Д. Хофштадтера [85].

Более того, многие наглядные графические интерпретации этого феномена были ранее выполнены М. Эшером (Рис. 13, 14) на высочайшем художественном уровне, не идущем ни в какое сравнение с качеством иллюстраций Н. Салингароса (Рис. 15) к его книге «Теория архитектуры», которые, по вполне точному и релевантному определению А.Г. Раппапорта: «...остаются беглыми

---

²⁹ Здесь уместно дать фактологическое уточнение, что в 1977 г. эта книга вышла под заголовком «Fractals: Form, Chance and Dimension», и представляла собой дополненную и расширенную редакцию (уже в английском переводе) его же книги «Les Objects Fractals: Forme, Hasard et Dimension», опубликованной в 1975 г. А уже собственно «The Fractal Geometry of Nature» («Фрактальная геометрия природы») как доработанная, в свою очередь, версия предыдущего издания, впервые увидела свет лишь в 1982 г.

³³ История математического описания многих самоподобных структур подробно приводится самим Б. Мандельбротом в его текстах.

каракулями математика и не претендуют ни на какую художественную выразительность или формальное совершенство» [75].

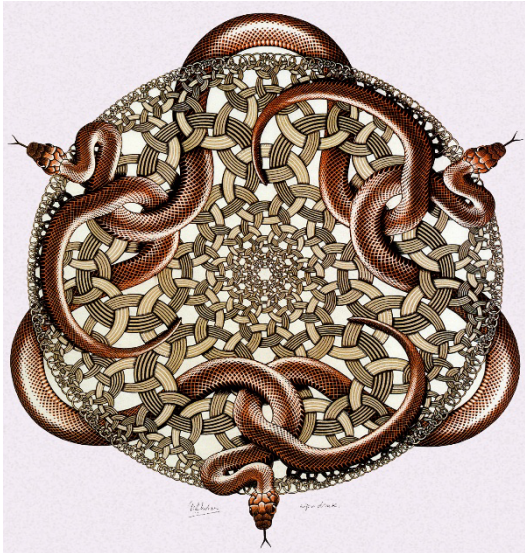

Рис. 13. М. Эшер «Змеи», 1969

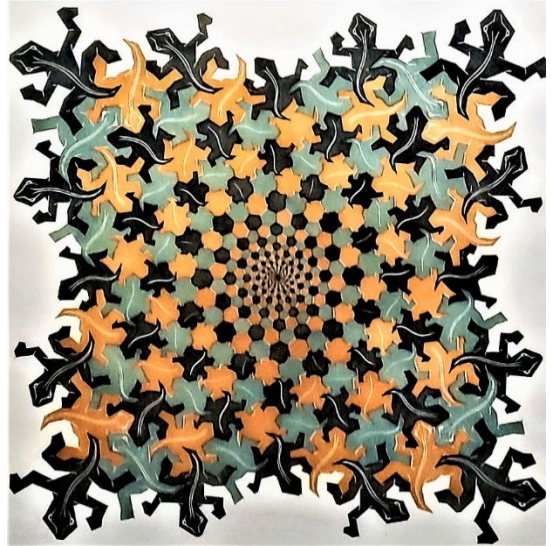

Рис. 14. М. Эшер «Развитие 2», 1939

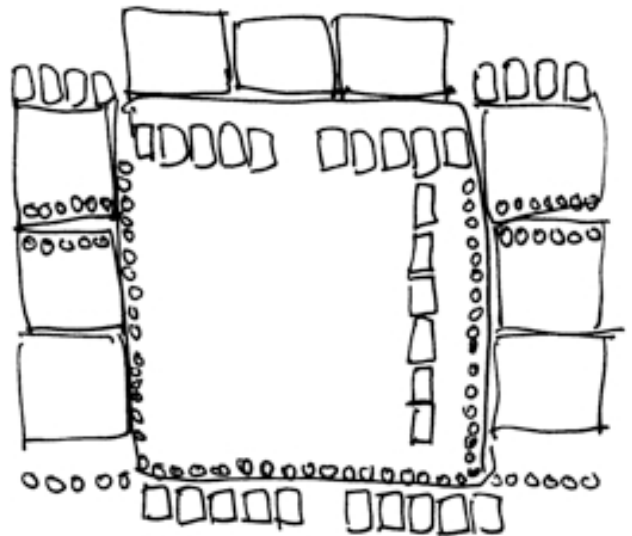
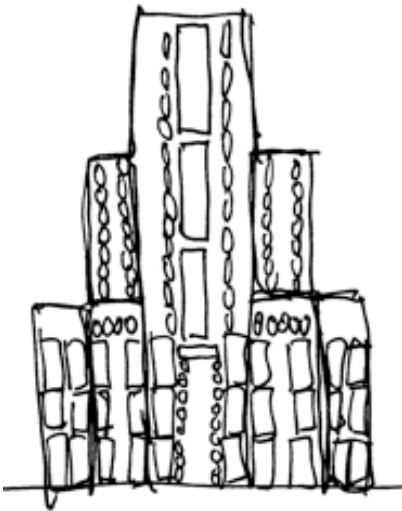

Рис. 15. Схемы Н. Салингароса, наглядно поясняющие необходимость правильной иерархии элементов объемно-пространственных композиции (они же – «беглые каракули математика» по релевантному определению А. Раппапорта)

Столь же методологически безосновательной представляется и попытка Н. Салингароса встроить в свою «теорию архитектуры» относительно недавнюю (и весьма любопытную, при всей своей неоднозначности) идею т.н. «мемов» [32], высказанную всемирно известным эволюционным биологом Ричардом Докинзом в его книге «Эгоистичный ген». При этом сам Р. Докинз подробно разъяснил, что термин «мем» он ввел в качестве своего рода аналогии для большей наглядности представлений о действии генетического механизма естественного отбора, и что он не рассматривает т.н. «меметику» не только как научную теорию, но и как гипотезу [33].

Можно и далее анализировать тексты этих плодовитых теоретиков от архитектуры на предмет принципиальной вне-научности и использования софистических приемов, но вряд ли это имеет смысл, поскольку буквально каждая страница их «программных посланий» изобилует *petitio principii* – логическими ошибками, заключающимися в том, что доказательство опирается на основание, само требующее доказательства. Т.е. принятие негодной посылки порождает цепь суждений, априорно сомнительных.

Например, Н. Салингарос утверждает: «Если информация закодирована во фракталах, а не рассеяна неупорядоченным образом, то мозг способен воспринять ее в более крупном объеме <...> Человеческий мозг изначально настроен на восприятие самоподобных природных структур...» [81], и уже далее на этом шатком основании (в виде столь же решительного, сколь и ничем не обоснованного допущения) выстраивает целую «теорию о метаструктурах масштабной когерентности». Но если более внимательно перечитать эту короткую цитату, то сразу возникает ряд вопросов к автору:

– на каком основании он решил, что во фракталах кодируется некая, хоть сколько-нибудь значимая в приложении к архитектуре, информация? И если он так считает, то следовало бы пояснить, какие именно фракталы из всего их обширного многообразия (и, опять же, на каком основании) имеются ввиду:

множество ли Кантора (и его конкретные модификации и аналоги), кривые Коха и Пеано или же функции Вейерштрасса и Ван дер Вардена?

– из какого источника ему известно, каким именно образом «человеческий мозг изначально настраивается» на восприятие тех или иных пространственных образований, и чем при этом фракталы лучше других, принципиально иным образом упорядоченных структур?

Или же подобные вопросы неуместны в принципе, и нам следует принять как данность, что если дипломированный математик утверждает что-то «вроде бы научное» про фрактальную геометрию и особенности ее восприятия мозгом, то значит – так оно и есть? И в архитектурных журналах отныне следует публиковать картинки «губки Менгера» и «ковра Серпинского» – как некие «фетиши вдохновения»?

Примечательно, что даже такой искушенный теоретик искусствоведения как А.Г. Раппапорт, проводя всесторонний критический анализ всего корпуса воззрений Салингароса, не подвергает сомнению этот весьма странный ментальный концепт и определяет его как «...открытый Салингаросом закон масштабных дискретно-непрерывных иерархий» [7380]. Уместен вопрос: в каком рецензируемом математическом издании можно прочитать об этом «законе»? Ответ прост: ни в каком, поскольку научные журналы подобное не публикуют...

Стоит повторить, что подобные курьезы некритичного восприятия вне-научных текстов от культовых теоретиков архитектуры возможны лишь тогда, когда от внимания их аудитории ускользает тот факт, что эти отсылки к фундаментальной науке имеют к ней, в лучшем случае, лишь косвенное отношение, а по сути – представляют собой весьма разнородные фрагменты, извлеченные из научно-популярной литературы.

2.2. Методологическая специфика архитектурных манифестов (на примере идеологии параметризма Патрика Шумахера и программных текстов Никоса Салингароса)

Рассматриваются теоретические позиции Патрика Шумахера, как главного идеолога параметризма. При этом трудно не обратить внимание на то, как схожи по признаку своей методологической неправомерности (и агрессивности по своей форме) теоретические конструкции от П. Шумахера с манифестами модернистов первой трети XX века – столь же самоуверенных в постулировании своей исторической миссии, сколь и не оправдавших в своем архитектурном творчестве «доверия публики».

Это нетрудно проиллюстрировать краткими фрагментами из его текстов: «...Строгая приверженность принципам вопреки всем задачам дизайна - необходимое условие проверить требование универсальной компетентности в вопросах параметризма. Однако, наряду с этим методологическим аргументом существует важная причина настаивать на абсолютной последовательности. Преимущество практического параметризма перед всеми предшествующими стилями является предпосылкой для этой последовательной приверженности его принципам...»³⁴.

Так что же нам предлагается принять к сведению, – причем, вне-критично и без-рассудочно – из процитированной выше сентенции? По всей видимости, примерно следующее:

- во-первых, что «приверженность принципам» имеет явно неоспоримый приоритет перед «всеми задачами дизайна»;
- во-вторых, что существует некая (требующая проверки) «универсальная компетентность в вопросах параметризма»;

---

³⁴ Шумахер П. Эпоха Параметризма: Пусть начинаются войны стилей / перевод Павла Белого // AJ – The Architects' Journal. – 2010. – №16 (231). – Режим доступа: http://www.patrikschumacher.com/Texts/Parametricism_Russian%20text.html

– в-третьих, что эти произвольные посылки в виде «приверженности принципам» и «универсальной компетентности» являются при этом – «методологическим аргументом»;

– в-четвертых, что во все это следует просто поверить, поскольку сам П. Шумахер нисколько не сомневается, что «практический параметризм» имеет преимущество перед «всеми предшествующими стилями».

Как представляется, этой короткой цитаты вполне достаточно для того, чтобы сформировать обоснованное суждение о степени методологической правомерности (да и просто, – элементарной осмысленности) текстов этого «параметрического манифестанта». Далее он уверенно вводит в свои сложные для рационального восприятия тексты такую категорию как «эвристика», – и затем постулирует, что она (эвристика) бывает плохой (отрицательной) и хорошей (положительной): так как когда, – ясно и понятно – это плохо; а когда, – криво и запутанно – это хорошо. И поэтому он счел необходимым ввести для своей целевой архитектурной аудитории соответствующие «табу» и «догмы».

По убеждению П. Шумахера, т.н. отрицательная эвристика предполагает резкую критику, которая «предотвращает повторения в виде старых образцов», а т.н. положительная эвристика предлагает «принципы предпочтительных методов, которые позволяют работать в передовом направлении». В развитие своих идей он постулирует руководящие принципы в архитектурном творчестве, которые в явной форме определяет как «табу» и «догмы» пропагандируемой им культуры авангардного дизайна [91].

Перечень «табу» от П. Шумахера:

- избегайте знакомых типологий;
- избегайте плоских/герметичных объектов;
- избегайте четких пространств/территорий;
- избегайте повторений;

- избегайте прямых линий;
- избегайте правильных углов...

Список «догм» от него же:

- делайте сочленения;
- увеличивайте, уменьшайте;
- разносите территориально;
- искажайте;
- повторяйте;
- используйте кривые линии, изгибы...

Не акцентируя внимания на том курьезном факте, что т.н. «повторение» у П. Шумахера одновременно является – и «табу», и «догмой», отметим принципиальную методологическую неправомерность его концептуальных посланий. Это еще один из множества примеров, когда идеологический посыл выдается за теоретическое построение.

Будучи автором сомнительного термина – «Параметризм» – П. Шумахер определяет его как новый после модернизма великий стиль, а творческие поиски постмодернизма считает «переходными эпизодами» [91]. О сомнительности и некорректности избранного термина для архитектурного стиля, возобладавшего внутри современного архитектурного авангарда: ведь по этой странной логике выходит, что архитектурные сооружения, возводимые в другой стилистической направленности – лишены геометрических параметров и, таким образом, не являются «параметрическими»?

Не менее сомнительно и его (П. Шумахера) сложное для рационального восприятия утверждение о том, что «стили – это программы стилевых исследований».

П. Шумахер усматривает аналогии между авангардистскими тенденциями и новыми научными парадигмами, предлагающими новую концептуальную структуру и формулирующими новые цели, методы и ценности. Здесь ощутимо влияние методологов науки Имре Лакатоса [45] и Томаса Куна [43] (введшего в оборот сам этот термин – «научная парадигма») – с его концепцией о «структуре научных революций». (Данная концепция Т. Куна была первоначально, в 60-х годах, восторженно воспринята, но затем подвергнута справедливой критике)³⁵.

П. Шумахер в тексте своего доклада «Манифест параметризма» дословно цитирует статью И. Лакатоса «Методология научных программ исследований»: «Ньютонова теория всемирного тяготения, теории относительности Эйнштейна, квантовая механика, марксизм, фрейдизм – всё это программы исследований, каждая с сердцевинной особенностью и упрямо защищаемая, ... каждая со своей сложной проблемой, требующей решения. Каждая из них на любой стадии ее развития имеет нерешенные проблемы и необъяснимые аномалии. Все теории в этом смысле рождаются опровергаемыми и умирают опровергаемыми»³⁶.

Это, довольно претенциозное и во многом оценочное суждение Лакатоса, П. Шумахер использует в качестве «авторитетного теоретического обоснования» собственной позиции в приложении к архитектуре, уверенно декларируя, что: «Авангардистская архитектура создает прецеденты: принципиальную демонстрацию уникального потенциала нового стиля, а не законченные здания функциональные во всех отношениях. Не может быть ни подтверждения, ни

---

³⁵ Гинзбург В.Л. Как развивается наука? Замечания по поводу книги Т. Куна "Структура научных революций". РАН. Режим доступа: http://www.ras.ru/win/DB/show_ref.asp?P=id-38104.ln-ru

³⁶ Данное утверждение Лакатоса представляет собой пример крайне упрощенного подхода к проблематике становления и развития научных представлений и во многом перекликается со столь же схематизированными взглядами Т. Куна. Поскольку теория относительности Эйнштейна никак не «отменяла» законов Ньютона, и квантовая механика также никем не «опровергалась». И в этом их принципиальное отличие от вне-научных концепций, в частности, т.н. «фрейдизма». Можно сказать, что попытки Лакатоса и Куна по «развитию и улучшению» принципа фальсифицируемости научных гипотез К. Поппера в значительной степени дискредитируют заложенные им основы методологии науки. До уровня логического абсурда подобные попытки были доведены усилиями П. Фейерабенда.

заключительного опровержения просто на основе результата в виде реальной постройки».

Таким образом, П. Шумахер, развивая в своем тексте (докладе) и без того сомнительные идеи И. Лакатоса, идет еще дальше и доводит их до абсурдного завершения, решительно декларируя, что главное – некий гипотетический «потенциал нового стиля», а не какие-то «реальные постройки», могущие его наглядно дискредитировать.

Перечисляя достоинства параметризма, П. Шумахер отмечает, что данный стиль учитывает информационное богатство среды: «когда все элементы – часть дифференцированных подсистем, и эти дифференцирования (алгоритмически) закономерны <...>, тогда различные дифференцированные подсистемы становятся отражением друг друга. В такой плотной цепи ассоциаций, которые прослеживаются через городскую ткань становятся возможными многие подходы такие как система-к-системе (место-к-месту) так же как и подход местное-к-глобальному. Пространство параметристских взаимозависимостей нисколько не подразумевает монотонность или однородность» [91].

Несмотря на искусственное усложнение изложения, как и литературную «специфику перевода», общий посыл автора в данном случае вполне понятен и не вызывает возражений. Но разве другие архитектурные стили (за исключением совсем уж одиозных) не стремятся к достижению того же эффекта, часто вполне успешно?

О внутренней противоречивости данного текста («Эпоха Параметризма: Пусть начинаются войны стилей») можно судить по двум предложениям в пределах одного абзаца: в первом утверждается, что предшествующие стили могут лишь разрушить всеохватность и далеко идущую параметристскую непрерывность. А во втором предложении, что параметризм может воспринять сформированный этими стилями городской пейзаж и породить новую среду соединений и непрерывности городских фрагментов и комплексов [91].

Однако же, стоит признать, что не все тексты от П. Шумахера столь методологически произвольны. И зачастую он также достаточно умело маскирует их под некую академичность. И здесь уместно еще раз обратить внимание на то, как пристально культовые теоретики отслеживают модные паранаучные тренды: стоило популярному немецкому социологу Никласу Луману ввести в оборот сомнительную (и уж со всей определенностью – избыточную) категорию – в виде т.н. аутопозиса (заимствованную у философствующих нейробиологов У. Матураны и Ф. Варелы), как П. Шумахер это оперативно фиксирует и уже далее развивает тему в приложении к архитектуре [48, 51].

И вот уже нам приходится принимать к сведению, что: «...значительный шаг в понимании архитектуры как социального явления был сделан теоретиком параметрической архитектуры Патриком Шумахером в его фундаментальном труде “Аутопозис архитектуры”»³⁷.

В теории социальных систем, согласно Н. Луману, под аутопозисом понимается способность систем всякий раз производить новые, более сложные формы и определять своё будущее состояние на основе прошлых ограничений.

Об определенной неконвенциональности термина «аутопозис» (др. греч. αὐτόσποίησις) говорит и отсутствие общепринятого написания: используются различные вариации – «аутопойезис», «аутопоз», «автопозис». Можно также отметить и формальную избыточность термина, возможно, с целью придания ему «большой научности». Ведь есть простые и понятные русские и английские категории, точно и дословно передающие смысл: «самовоспроизводство» и «self-reproduction».

Возвращаясь к вопросу об уместности понятия «аутопозис» в приложении к архитектурной и градостроительной проблематике в том виде, в каком это активно практикует П. Шумахер, то вполне очевидной становится его попытка

---

³⁷ Данилов Д.С. Структура архитектурных революций // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – №4(41). – С. 35-43 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/03_danilov/index.php

подвести научную базу под продвижение проектной продукции возглавляемой им архитектурной фирмы (бюро) «Zaha Hadid Architects». Эта интенция вполне естественна и объяснима с его позиции директора проектной организации, весьма активно (и часто результативно) использующей в своей работе передовые цифровые технологии.

Видимо, впечатленный этими успехами (в т.ч. коммерческими) «параметрического проектирования», П. Шумахер решил выступить в роли главного манифестанта-теоретика «нелинейной архитектуры».

Так или иначе, но центральный посыл (мотив) манифестов П. Шумахера – в придании своим восторженным оценкам перспектив цифровой криволинейной архитектуры научного формата (с опорой на довольно сомнительные концепции Н. Лумана о т.н. самореферентности социальных систем) [47]. Но ключевые слова – восторженные оценки.

***

Впрочем, многие отечественные и зарубежные теоретики архитектуры настроены определенно скептически по отношению к идеологии П. Шумахера. В относительно недавней публикации Д.Л. Мелодинского «Художественная практика архитектуры параметризма: восторги и разочарования» декларируемые достоинства этого стиля подвергнуты жесткой и справедливой критике [55].

Автор статьи приводит мнение В.А. Кутырёва, считающего, что в основе этого стиля, набирающего популярность, лежит саморазвитие техногенной (и антигуманной по своей сути) реальности [44]. То есть, по определению В.А. Кутырёва, это опять же саморазвитие (т.н. аутопоэзис) – но уже деструктивное. В этом пессимистичном суждении легко усматривается другая крайность: так и до «восстания машин» недалеко.

***

Как представляется, все несколько проще: развитие цифровых технологий кардинальным образом расширило возможности (технические, технологические и методологические) современной цивилизации, что не могло не сказаться на проектных и строительных технологиях. Новый мощный инструментарий в руках архитекторов и инженеров открыл дорогу для масштабных экспериментов и даже для попыток (разного уровня успешности) формирования нового стиля.

Это очередной эволюционный технологический рывок в проектировании и строительстве, который происходит здесь и сейчас, и всякая попытка дать ему взвешенную оценку (историческую или философскую) – изначально поспешна и малопродуктивна в силу аберрации временной близости.

***

Что касается программных посланий (манифестов) Н. Салингароса, то декларируемый уровень их научной убедительности уместно рассмотреть на примере его текста «Двенадцать лекций по архитектуре» [81].

По формальным признакам и общей тональности данному тексту присущи крайняя категоричность и безапелляционность. Это обстоятельство роднит этот текст с текстами модернистских архитектурных манифестов, авторы которых столь же самоуверенно, сколь и безосновательно транслировали миру свои идеи. По злой иронии истории Н. Салингарос, будучи непримиримым оппонентом модернистов, в точности воспроизводит пафосную стилистику их «посланий».

Но если модернисты в своих манифестах как правило ограничивались громкими афористичными декларациями, то теоретики постмодерна, ощущая, видимо, недостаточность голословных утверждений, уже пытались подвести под свои концепции «философскую» базу (что было рассмотрено в гл. 1). При этом нео-авангардисты, включая П. Шумахера, довольно часто так же произвольно и бездоказательно излагают свои архитектурные принципы.

Салингарос же, как новый самопровозглашенный теоретик архитектуры сменил безвозвратно дискредитировавший себя «философский» («философско-лингвистический») тактический прием постмодернистов на «научный метод» собственного изобретения. При этом данному методу («научному подходу») авторства Салингароса имманентно присущи практически все известные черты и признаки псевдонаучных концепций.

Помимо отмеченной выше императивной тональности, текстам Салингароса свойственны внутренняя противоречивость, сумбурность изложения, бесосновательные отступления от темы, многочисленные логические ошибки и софистические приемы.

Рассмотрим лишь часть «теоретических построений», изложенных в лекционном курсе данного автора, вычленив наиболее яркие примеры явной вне-научности данного текста [81].

Уже в тексте первой лекции Салингаросом вводится такая сомнительная категория как «Универсальная масштабная инвариантность» как своего рода руководящий принцип архитектурного проектирования (явное нарушение логического закона «достаточного основания»).

Заметим, что сама методология концептуальных построений Салингароса заслуживает отдельного внимания. Ему удастся в пределах одного короткого абзаца текста первой же лекции сделать целую серию логических ошибок.

Он начинает с решительного утверждения, что «подавляющее большинство зданий доиндустриальной эпохи во всем мире строилось с учетом принципа универсальной масштабной инвариантности» и что это характерно «для совершенно разных культур и разных исторических периодов», далее выражает уверенность, что его заявление «можно документально обосновать, проведя натурные измерения соответствующих объектов», и затем на этом т.н. основании делает смелый вывод об универсальности своей концепции.

Закроем пока глаза на явную методологическую произвольность принципа «Универсальной масштабной инвариантности», придуманного Салингаросом, (как и на логические ошибки частного характера) и условно допустим, что эта самая «инвариантность» существует.

Но и тогда вполне закономерен вопрос: раз автор делает принципиально проверяемое (фальсифицируемое, как сказали бы методологи науки) заявление о возможности проведения «натурных измерений соответствующих объектов», то что же мешало ему самому (со своими многочисленными последователями) провести статистически убедительную серию этих измерений, прежде чем делать столь смелые заявления?

При этом в основе данного принципа перехода от одного масштаба к другому (от более мелкого к более крупному и обратно) им используется т.н. «математический коэффициент пропорциональности» в виде соотношения величин членов последовательности Фибоначчи.

Но на той же (!) странице текста как «еще один инструмент универсальной масштабной инвариантности» предлагается к использованию и геометрическая прогрессия степеней логарифмической константы $e = 2,72$. (Явное нарушение закона «исключенного третьего»). Основанием для использования данного «практического инструмента» для Салингароса является то обстоятельство, что эта константа «...определяет форму раковин, рогов животных и т.п.» [81].

Форму раковин каких именно моллюсков из тысяч известных их видов и форму рогов каких именно копытных – Салингарос благоразумно не уточняет. Для него уже достаточно факта, что в строении раковин одного или нескольких видов можно констатировать признаки пропорций золотого сечения.

Заметим, что пропорции т.н. «золотой спирали» действительно характерны (довольно приблизительно) для ряда представителей семейства Nautilidae, как и для некоторых видов вымерших аммонитов, получивших (с легкой руки Плиния

Старшего) своё название в честь древнеегипетского божества Амона, иногда изображавшегося с рогами барана.

Но раковины множества других моллюсков (как и рога копытных), помимо наутилусов (и отдельных представителей обширного семейства полорогих) – имеют совершенно иную морфологию (параметры геометрического строения).

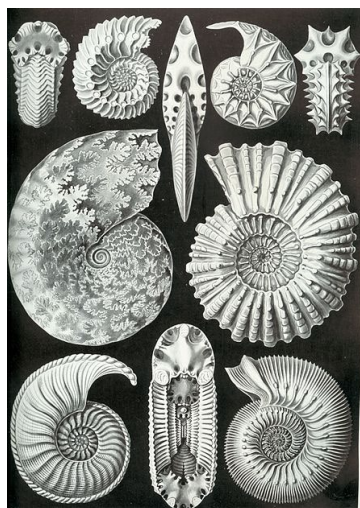

Рис. 16
Аммониты (вариации форм)

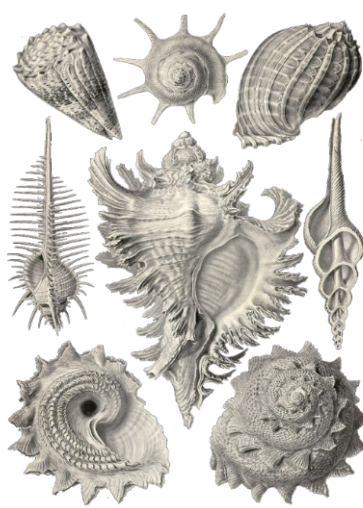

Рис. 17
Раковины других моллюсков

Рис. 18
Вариации форм рогов копытных

Если бы текстам (и самому ходу рассуждений) Салингароса были присущи логика и элементарная последовательность, то все другие бесчисленные виды он должен был бы объявить «ошибкой природы», т.к. эволюционный процесс в этих случаях «дал алгоритмический сбой» и не учел представления Салингароса о правильных пропорциях.

Далее, развивая в той же лекции тему о масштабных преобразованиях, Салингарос замечает, что «длину следует делить на две, три или более частей сопоставимого размера», но уже на следующей странице утверждает, что «форму невозможно разделить меньше, чем на две равные половины» и, следовательно, «принцип золотого сечения здесь неприменим!» И что: «эту элементарную ошибку допустил Ле Корбюзье при разработке своего Модулора...». [81].

(В данном пассаже сложно усмотреть даже формальные признаки логической конструкции).

Одна из лекций озаглавлена: «Клеточный автомат и гиперпространство». Учитывая, что это «лекция по архитектуре», сам ее заголовок вызывает, как минимум, удивление. Возникает вопрос: насколько принципиально уместным является введение такого термина (понятия) как «гиперпространство» в тексте по архитектурной тематике? Но автор поясняет: тема проектирования в гиперпространстве имеет основополагающее значение для архитектуры, так как таким образом осуществляется связь с сакральным и, по мнению его коллеги по теоретизированию Кристофера Александера, здесь идет речь о соединении с гармонией высшего порядка (ни много ни мало).

Хотя эта «гиперпространственная тема», по словам самого Салингароса, имеет исключительно теоретическую направленность, он здесь же утверждает, что только согласованные, сложные конструкции дают нам возможность соединиться с высшими сферами. И затем выражает уверенность в практической реализации этой возможности, поскольку трехмерные материальные здания могли бы образовать еще более крупную и согласованную конструкцию на уровне n -мерного гиперпространства, которое находится превыше наших способностей к восприятию [81]. (Не комментируя данный посыл, рожденный в воображении Салингароса, отметим что и здесь нет даже формальных признаков логического построения).

Далее, в последующей лекции, Салингарос формулирует собственные «универсальные морфологические законы», основанные отчасти на «Пятнадцати фундаментальных свойствах» от Кристофера Александера.

Стоит рассмотреть эти «Три закона архитектуры» авторства Салингароса. Первый закон – «Порядок на уровне наименьшего масштаба» – гласит, что этот порядок образуется из парных контрастирующих элементов, которые создают баланс визуального напряжения.

Что понимается автором закона под этим «визуальным напряжением» – не раскрывается. Так же неясно: как, чем и в каких физических единицах это «напряжение» предполагается измерять? Вместо этого автор просто утверждает, что здесь – «...объединяются элементарные частицы с противоположными характеристиками – с положительным и отрицательным зарядами, состояния с антипараллельными спинами, состояния с антипараллельными изоспинами и т.д.» [81]. (Комментарии представляются излишними).

Второй закон – «Порядок на уровне крупного масштаба» – устанавливает, в частности, что: между элементами, расположенными на расстоянии друг от друга, образуются связи; конфигурация стремится снизить степень энтропии путем отсева случайностей, физические поля уменьшают энергию за счет выравнивания, а дальнедействующие силы вносят упорядоченность...

Здесь также – полное отсутствие даже формальных признаков логической когерентности, присущих текстам, хотя бы имитирующим научный формат. То есть, налицо психологический прием, часто используемый (осознанно или нет) проповедниками какой-либо одиозной идеи или системы взглядов.

В этих пассажах связь с архитектурной тематикой даже не декларируется, но зато по убеждению Салингароса (возможно искреннему и не вполне ясно им осознаваемому) такие отсылки к фундаментальной науке хотя бы на столь примитивном уровне включения в свои тексты «умных научных слов» – должны производить впечатление.

Третий «архитектурный закон» – «Связь малого и крупного масштабов» – устанавливает эту связь на основании «правильной иерархии масштабов» и при использовании введенной автором (Салингаросом) «универсальной масштабной инвариантности с коэффициентом $e = 2,7$ », поскольку все масштабы – от самого крупного до самого малого – связаны между собой одним и тем же масштабным коэффициентом.

Но даже если закрыть глаза на явную произвольность и, соответственно, бездоказательность подобного утверждения («закона»), то и тогда уместен вопрос: а как же «математический коэффициент пропорциональности» в виде соотношения величин членов последовательности Фибоначчи, с введения которого в качестве руководящего принципа начинал Салингарос свою первую лекцию?

Далее, в девятой лекции, он вновь обращается к фундаментальной науке, пытаясь (предсказуемо безуспешно) найти секреты архитектурной гармонии в области физики элементарных частиц. С этой целью он приводит в тексте ряд физических терминов, схем и формул безо всяких на то оснований, в нарушение базового научного принципа, известного как «бритва Оккама». У физиков эта попытка «образованность показать» вызвала бы лишь снисходительную улыбку, но на его целевую аудиторию это может производить (и, к большому сожалению, часто производит) нужное автору впечатление.

Часть приводимой Салингаросом «наглядной научной аргументации» представлена на рис. 19 и 20.

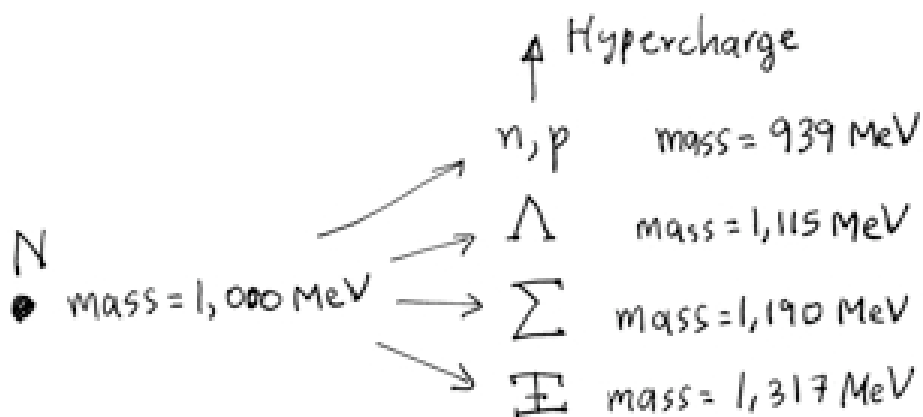

Рис. 19. «Нарушение симметрии изоспина».

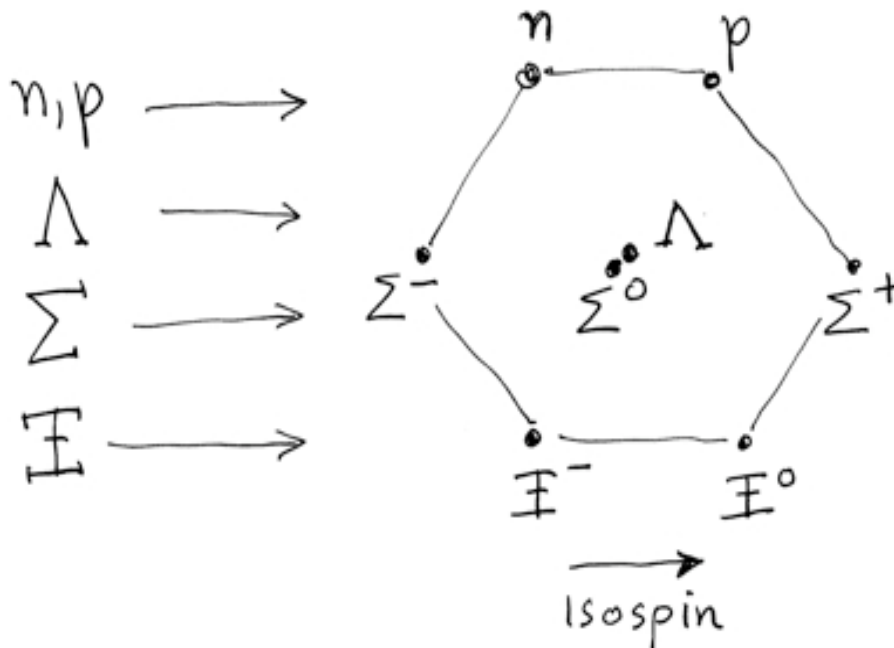

Рис. 20. «Нарушение симметрии гиперзарядов».

Как представляется, уровень предельной произвольности и неуместности подобного рода «научных аналогий» в тексте по архитектурной проблематике вполне очевиден (усилиями самого автора «лекционного курса»).

В заключение автор резюмирует, что «доступное для восприятия свойство вещества в архитектуре аналогично понятию массы физической материи» и что «положительное впечатление вызывает резонанс структуры нашей психики со структурой здания». (Это прямые цитаты (!) из текста «научной лекции»).

Однако, в силу рассмотренных в гл. 1 психологических феноменов в виде «эффекта авторитета» и «каскада доступной информации», даже многоопытные искусствоведы склонны некритично оценивать «...вклад Никоса Салингароса, обогатившего понимание архитектурного масштаба, основанного на природной архитектонике, новейшим взглядом на фрактальность как одного из разделов математического знания о сложных системах» [55].

Вероятно, столь доверчивое отношение к научно и методологически произвольным идеям может объясняться умелым использованием Салингаросом квази-научной аргументации, с целью сформировать впечатление, что в его текстах «...высокая доказательность и убедительность выводов обеспечивается включением математической аналитики, выводящей на материал абстрактного обобщения» [53].

Количество абсурдных утверждений, логических ошибок и софистических приемов в текстах этого автора чрезмерно велико даже для хрестоматийных образцов псевдонаучных публикаций. Их детальный анализ занял бы объем, значительно превышающий объемы его текстов.

При этом не исключено, что сам Салингарос искренне убежден в том, что его собственная «Теория архитектуры» – это не конгломерат из банальных истин и весьма диковинных фантазий, а высший продукт человеческого разума.

Также следует отметить, что сама множественность столь оппозиционных по отношению друг к другу подходов авторства «культовых теоретиков» объективно приводит к их взаимному обесцениванию (взаимо-дискредитации). Кроме того, как было выше показано, рассмотренные «архитектурные теории» методологически непоследовательны и внутренне противоречивы, и, в силу этого, не соответствуют базовым критериям научности.

***

Отдельного внимания заслуживает то обстоятельство, что эти «теории» (манифесты), провозглашенные их авторами как руководство к действию для архитекторов-практиков, в данном качестве себя не оправдали, выявив свою не только теоретическую, но и практическую несостоятельность.

Во всяком случае в открытом доступе не удалось обнаружить ни одного факта создания значимого архитектурного объекта, авторы которого при его

создании (проектировании) следовали бы (или хотя бы заявляли, что следовали) инструкциям Ч. Дженкса, Н. Салингароса или П. Шумахера.

Исключение – доверчивые последователи К. Александера, пытавшиеся по его совету проявить себя в качестве архитекторов, не обременяя себя тяготами многолетней профессиональной подготовки – с предсказуемым результатом, столь же печальным как для них, так и для самого автора «самоучителя по архитектуре» (“A Pattern Language”) [113].

Вместе с тем, вполне вероятно, что эти популярные теоретики были движимы самыми возвышенными мотивами в своих попытках «научного обоснования» тех архитектурных тенденций (или же традиций), которым они так искренне привержены. Но использование «теоретиками» сомнительных приемов с целью придания своим концептуальным построениям «вящего наукообразия» в конечном итоге приводит к обратному эффекту, бросая тем самым тень и на теорию архитектуры в целом.

В этой связи представляется уместным процитировать Д. Порфириоса, кратко и исчерпывающе точно выразившего простую и одновременно глубокую мысль: «...архитектура не может иметь ничего общего с "манией новизны" и интеллектуальной софистикой. Архитектура не может иметь ничего общего с трансгрессией, скукой или пародией. <...> Архитектура ориентирована на решения, обращенные к неподдельному, сдержанному, достойному» (перевод Г.Ф.)³⁸.

---

³⁸ Оригинал: «...architecture has nothing to do with “novelty-mania” and intellectual sophistries. Architecture has nothing to do with transgression, boredom or parody. It has nothing to do with parasitic life, excremental culture or the cynical fascination with the bad luck of others. Architecture has to do with decisions that concern the good, the decent, the proper.» Porphyrios, Demetri. “The Relevance of Classical Architecture.” *Architectural Design* 59, no. 9–10 (1989): 53–56.

Выводы по главе 2:

- Проведенный анализ текстов наиболее часто цитируемых (популярных) теоретиков архитектуры, сторонников постмодернистских (и неоавангардных) тенденций – Ч. Дженкса и П. Шумахера – и их идеологических оппонентов (приверженцев архитектурной традиции) – в лице К. Александера и Н. Салингароса позволяет заключить, что сильной и содержательной стороной их концепций является критическая составляющая.
- При этом их попытки обосновать свои собственные новаторские подходы к вопросам архитектурной теории и практики в процессе анализа показали явную методологическую неправомерность и наличие множественных вне-научных приемов и логических ошибок.
- Методологический формат архитектурных манифестов (хартий) может быть классифицирован как не только вполне определенно вне-научный, но и как не имеющий формальных признаков научного формата.

ГЛАВА 3. ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРМАТ В ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Сегодня можно говорить о том, что на смену «лингвистическому повороту» пришёл «поворот когнитивный и эпистемологический». Эпистемологию интересует не отношение текста и дискурса (ибо они могут не иметь никакого отношения к знанию), а именно знание (в том числе и выраженное в тексте, в высказываниях, но не только в них, ибо знание может быть и «неявным», несознаваемым) и способы его получения и обоснования.

В.А. Лекторский. «О классической и неклассической эпистемологии».

Художественные и эстетические достоинства архитектурных объектов, как и сформированной ими пространственной среды, представляются вполне самоочевидными, не нуждающимися в «идеологических подпорках» в виде псевдо-теоретической или псевдо-философской базы. Но данное обстоятельство не предполагает отказа от философского осмысления архитектуры как таковой. При этом философия (точнее т.н. аналитическая философия) в данном контексте – это современная эпистемология (в общих контурах ее научно убедительного описания, данного В.А. Лекторским)³⁹ и, как ее частный сущностный фрагмент (в намеренно предельно упрощенной, но, как представляется, достаточной для задач данного исследования форме), – феноменология⁴⁰.

---

³⁹ На пути к неклассической эпистемологии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: ИФРАН, 2009. – 237 с.

⁴⁰ В этом плане понимание феноменологии в приложении к архитектуре – во многом синонимично определению науки – как получению и систематизации достоверных знаний и представлений о действительности (свободных от избыточных спекулятивных построений).

3.1. Феноменологические концепции в теории архитектуры

Как представляется, главная ценность как и теоретическая значимость феноменологического направления в философии заключалась в осознании и обосновании тезиса о том, что в основе познавательного опыта полагается непосредственное созерцание (восприятие), которое по своей сути является беспредпосылочным.

Основателем современной феноменологии считается Э. Гуссерль, а его предшественниками – К. Штумпф и Ф. Brentano. Однако удивительно сходные мысли (теоретические позиции) были сформулированы и Людвигом Витгенштейном в его «Логико-философском трактате». Часто цитируется финальный афоризм из этого труда: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать»⁴¹. Трудно предложить лучшее определение для центральной концепции феноменологического подхода.

Но, парадоксальным образом, именно лучший ученик Э. Гуссерля – М. Хайдеггер – «не смог молчать», и, развивая его идеи, выстроил собственную философскую теорию в своем известном трактате «*Sein und Zeit*» («Бытие и время»), столь же впечатляющем и неординарном с позиций своих неоспоримых литературных достоинств, сколь и маловразумительном содержательно (что было отмечено, в частности А.В. Парибоком⁴²) – и инспирировал тем самым многих своих последователей на построение собственных философских концепций, включая и представителей «континентальной философии», в том

---

⁴¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с нем. Добронравова и Лахути Д.; Общ. ред. и предисл. Асмуса В. Ф. — М.: Наука, 1958 (2009). — 133 с.

⁴² Парибок А.В. О философской оправданности хайдеггеровского обращения с языком // Вопросы философии. 2018. № 11.

числе и идеологов деконструктивизма (на что обратил внимание отечественный философ и историк философии В.К. Шохин⁴³).

Более того, сам Э. Гуссерль, выдвинув краткий и в определенном смысле самодостаточный лозунг: «назад – к самим вещам», на этом не остановился и, в попытках детальной разработки своей концепции, вводил определенно «избыточные сущности» (такие, по меньшей мере спорные категории, как «трансцендентальное Я», «ноэзис», «ноэма»...). Это обстоятельство послужило в дальнейшем достаточным основанием для критического переосмысления взглядов Э. Гуссерля как целостной и научно убедительной теоретической конструкции [17].

В этом плане его предшественник Ф. Brentano был более сдержан и последователен. Его система философских (феноменологических) воззрений восходила к представлениям Эпикура и Аристотеля о феноменах как о фактах и событиях реальности, изучение и понимание которых должно осуществляться в рамках той же методологии, что практикуется в естественных науках [6].

Далее в этом тексте под феноменологией будет пониматься именно такое толкование данной философской категории, не предусматривающее введения периферийных теоретических «новаций» и безосновательно расширительных «авторских трактовок» многочисленных последователей Э. Гуссерля.

В приложении к архитектурной проблематике феноменологический подход можно считать весьма продуктивным и многообещающим, но только, как представляется, – преимущественно в его первоизданном виде. Из современных теоретиков архитектуры такой подход близок, в частности, Ю. Палласмаа.

---

⁴³ Шохин В.К. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути // Философский журнал. – 2015. – Т. 8. №2. С. 16-27. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pj.iph.ras.ru/index.php/ph_j/article/view/41

Вместе с тем следует отметить, что принципиально сходные представления о специфике вне-рассудочного, чувственного восприятия (или сопереживания) произведений искусства (включая архитектурные) были выражены и у К. Фолля, Т. Липпса, В. Воррингера и Г. Вёльфлина. При этом ими подчеркивалась уникальная особенность эмоционального восприятия, для которого характерно мгновенное (или, скорее, – вне-временное) схватывание пространственных образов во всей их полноте⁴⁴.

Заметим, что взгляды этих авторов (как будет показано в тексте несколько далее) удивительно близки к представлениям современных аналитических философов.

При этом большинство представителей феноменологического подхода обращались к теме восприятия произведений архитектуры как уже созданных и наличествующих в текущей реальности объектов (материальных либо же виртуальных). К вопросам собственно творческого архитектурного процесса наиболее глубокий интерес проявляет Юхани Палласмаа, что представляется вполне логичным – поскольку он не только известный теоретик, но и успешно практикующий архитектор. (Его позиции и интроспективные наблюдения будут рассмотрены в п. 3.2.).

Стоит также отметить и то принципиальное единство взглядов, которое демонстрируют представители (основатели) феноменологического подхода, – несмотря на индивидуальную специфику позиции каждого автора. Вероятно, целостность и глубина феноменологической концепции (в ее «первозданном виде») созвучна и всеохватности каждого индивидуального акта восприятия. Как вполне справедливо в этой связи констатирует в своем диссертационном исследовании А.Г. Раппапорт: «Феноменология архитектуры имеет дело не с

---

⁴⁴ Вёльфлин, Г. Прологомены к психологии архитектуры / С.С. Ванеян, Генрих Вёльфлин. // Архитектура – язык, история, теория: сб. переводов: учеб. пособие. Ч. 2. – М., 2011.

отвлеченной мыслью и не с фиксированным знаком, а с переживанием, неотделимым от живого контакта с сооружением. Это не познавательное разглядывание архитектуры, не историческая экскурсия, а экзистенциальное пребывание в мире архитектурных форм. Излишняя ученость этому только мешает»⁴⁵. При этом трудно не обратить внимание на то значимое обстоятельство, в каком принципиально неустранимом противоречии (концептуальном и методологическом) находится феноменологический подход по отношению к многочисленным (и безуспешным) попыткам архитектурных семиотиков и структуралистов объяснить целое, разъяв его на «смысловые фрагменты», – в их настойчивом стремлении проявить ту самую ученость, на неуместность которой и указывает А.Г. Раппапорт.

Как представляется, и основная ценность феноменологии архитектуры в том виде, в котором она была сформулирована К. Норберг-Шульцем и его предшественниками (в проблематике восприятия произведений архитектуры) и далее развита Ю. Палласмаа (в приложении к творческому архитектурному процессу), заключается в осознанном отказе от имитации «научного формата» и многословного теоретизирования [121].

На эту наметившуюся тенденцию смещения интереса от множественных (и часто чрезмерно многословных) концептуальных построений, пытающихся детально объяснить и/или продвинуть то или иное стилистическое направление в архитектуре – к реальному восприятию человеком архитектурных объектов (как и среды ими формируемой) обращает внимание, в частности, Б. Сировы в тексте «Phenomenological concepts in architecture: towards a user-oriented practice» [130].

---

⁴⁵ Раппапорт, А.Г. К пониманию архитектурной формы: дис. д-ра арх.: 18.00.01. – М.: НИИТАГ РААСН, 2000 [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <http://papardes.blogspot.com/2009/08/1.html>

Но по мере того, как феноменологический подход к восприятию и пониманию реальности (и к архитектуре в частности) стал получать широкое признание, вполне предсказуемо росло и число желающих его «улучшить и дополнить», внося собственный теоретический вклад в этой сфере. К концу прошлого века стали выходить работы Дж. Рикверта [126], Д. Веселы [135], А. Перез-Гомеса [125], Д. Летербароу [114], П. Карла [132].

С одной стороны, очевидна вся парадоксальность подобного развития событий: когда подход (формат), со всей определенностью постулирующий принципиальную ненужность (или, как минимум, определенную избыточность) паранаучного теоретизирования, тут же обретает своих «адептов-теоретиков».

С другой же стороны, здесь может быть уместна своего рода аналогия с живой природой: как только формируется эволюционно успешный вид (фауны или флоры), он столь же незамедлительно обретает и своих паразитов и/или симбионтов.

К настоящему времени популярность данного квази-феноменологического подхода к архитектурной проблематике существенно уменьшилась (как и ряда других, рассмотренных выше паразитических наслоений в теории архитектуры). Однако о полном прекращении попыток «сказать новое слово» в этой области говорить пока не приходится. Находятся «новые теоретики» от феноменологии архитектуры, в частности А. Шар и Н. Эль-Бизри, готовые подробно разъяснить практикующим архитекторам, как правильно в своей работе руководствоваться философскими понятиями и идеями М. Хайдеггера [128, 129].

В этой связи представляется уместным вопрос: как же в других научных и технологических сферах деятельности (от биологии и медицины до математики и авиастроения) – обходятся без теоретических напутствий интерпретаторов Хайдеггера, и не является ли это явным методологическим упущением?

Кроме того, если некритично воспринимать аргументацию последователей Хайдеггера о вероятной продуктивности его решительных отступлений от норм общерационального языка, то тогда эту тенденцию несложно продолжить. Тем более, что яркие прецеденты в истории отечественной культуры были.

Достаточно вспомнить идеи и программные послания манифестантов от футуризма начала прошлого века: и тогда малопонятные «лингвистические нововведения» Хайдеггера (труднопереводимые не только на другие языки, но даже с немецкого на немецкий) – меркнут перед достижениями поэта-теоретика А.Е. Кручёных. «Дыр бул щыл» - название и первая строка его самого известного стихотворения.

Показательно, что этот «поэтический шедевр» отнюдь не был отвергнут современниками как апофеоз бессмысленности, но послужил материалом для «научного литературоведческого анализа» – многие отечественные филологи и философы добросовестно искали (и успешно находили!) сакральный смысл в этом бредовом нагромождении типографских знаков: З. Гиппиус и И. Терентьев⁴⁶, В. Ходасевич⁴⁷ и Н. Богомолов, Дж. Янчек и П. Флоренский⁴⁸. (Еще один пример «продуктивности» семиологических изысканий).

С другой стороны, трудно не обратить внимание на культурологические параллели. С той же эффективностью, с которой революционно настроенные литераторы боролись как с «пережитками прошлого» в целом, так и с эстетикой поэзии Серебряного века в частности, – с такой же безоглядной решимостью архитекторам-модернистам удалось сломать эстетические тенденции модерна и ар-деко в пользу своих собственных архитектурных «дыр бул щыл»...

---

⁴⁶ Терентьев И. Собрание сочинений. — Bologna, 1988. — С. 288.

⁴⁷ Ходасевич В. Собрание сочинений: В 4 тт. — М., 1996. — С. 153.

⁴⁸ Флоренский П. Антиномия языка // Собрание сочинений в 2-х томах. — М., 1990. — Т. 2. —

Возвращаясь к затронутой выше проблематике личностного восприятия архитектуры с позиций реальной феноменологии, стоит отметить, что всякая попытка «анализа» в этой сфере по своей сути представляет собой как жанр эссе – то есть развернуто передает цепь размышлений и переживаний автора. Но при этом эмоциональная (и не только) картина мира у перцепиента (субъекта восприятия) имеет тенденцию со временем существенно меняться.

Впрочем, что касается проблематики заведомой невозможности «научно обосновать» эстетические достоинства объекта восприятия, то Д. Юм (еще столетия назад) вполне справедливо констатировал, что: «...Прекрасное не есть качество, существующее в самих вещах; оно существует исключительно в духе, созерцающем их, и дух каждого человека усматривает иную красоту. Поиски подлинно прекрасного или подлинно безобразного <...> бесплодны» [94].

Как показательный пример существенной трансформации во времени и личностного (вне-интерсубъективного) отношения к объектам архитектуры уместно привести интересное интроспективное наблюдение А.Г. Раппапорта: «Недавно <...> увидел здание, построенное году где-то в начале шестидесятых на Мойке... <...> В те годы видел в этом маленьком геометрическом объеме замечательный смысл современности. Сейчас я смотрю на него и думаю: как он тут ни к чему около «Новой Голландии»... Почему? Смыслы сохраняют какой-то свой контур, но при этом меняют окраску. Это проблема внутренней трансформации смыслов в сознании...» [76].

Для описания (и объяснения) подобных феноменов глубоко личностного восприятия Тимоти Лири была предложена теория, известная как «туннель реальности», позднее расширенная и дополненная Робертом Уилсоном [137]. В соответствии с этой теорией специфика каждого индивидуального восприятия определяется подсознательными «ментальными фильтрами», характерными для

всякого человека и сформированными под влиянием приобретенных им убеждений и личного жизненного опыта.

Трудно не увидеть, насколько эти подходы к пониманию особенностей личностного характера процесса восприятия объектов (как и их эстетических достоинств) перекликаются с процитированной выше констатацией Д. Юма.

Впрочем, сходная позиция была выражена А. Палладио еще на два столетия ранее. А.В. Радзюкевич в работе, посвященной его проектному творчеству, констатирует, полемизируя с многочисленными энтузиастами, безуспешно пытающимися найти (пере-открыть) «математические секреты архитектурной гармонии», что: «Главным мерилom красоты для Палладио выступает “глаз понимающего”...» [69].

Помимо упомянутой выше, достаточно убедительной и не вызывающей сомнений в собственной теоретической правомерности, концепции «туннеля реальности», сходные подходы констатируются и в теории социолога П. Бурдьё, центральным концептом которой выступает понятие «габитус». Под габитусом здесь понимается комплекс приобретенных индивидом предрасположенностей, в соответствии с которыми формируется его поведенческий стереотип. Этот стереотип, в свою очередь, определяется культурно-исторической и социальной средой, в которой происходит становление личности (или, по определению К. Юнга – индивидуация). Вполне очевидно, что этим задаются в значительной степени и рамки возможностей полноты и качества восприятия (чувственного и рационального) произведений искусства.

Впрочем, трудно не заметить, насколько содержательно схожи (до степени смысловой тавтологичности) концепции «туннеля реальности» и «габитуса».

Культурно-историческая обусловленность и ситуативная ограниченность поведенческих паттернов, как и самого мировоззрения индивида, изначально погруженного в конкретную социальную среду с принятыми в ней традициями

и «стандартными установками», также фиксируется и в концепциях философа-неопозитивиста Р. Рорти [79], хоть и в менее детально и аргументированно выраженной форме.

С другой стороны, эти особенности личностного мировосприятия (как и упомянутых «поведенческих стандартов») индивида, которые формируются под определяющим влиянием конкретной социо-культурной среды и служат таким благодатным материалом для детального анализа и построения многочисленных теоретико-философских концепций (включая рассмотренные выше) – вполне и без всякого ущерба для целостного понимания этого феномена описываются общеизвестной формулировкой: каждый человек – продукт своей эпохи и своего окружения. Но данный тезис – слишком лаконичен, очевиден и «недостаточно научен», поскольку не предполагает столь широких возможностей для генерации многословных (многостраничных) философических опусов.

3.2 Современная аналитическая философия и психология в приложении к архитектурной проблематике

Психология творческого процесса и его философские основания – вечные темы теории и истории архитектуры. К настоящему времени сложился впечатляюще объемный корпус многочисленных текстов по данной тематике. Но при этом приходится констатировать, что при всей убедительности и кажущейся внутренней непротиворечивости почти всякого подобного текста он, неким парадоксальным образом, достаточно легко опровергается или, как минимум, входит в неустранимый конфликт с текстом-оппонентом.

Подобные констатации позволяют усомниться в принципиальной возможности строгого научного подхода к данной проблематике. Тем более, что и сами философия и психология вплоть до недавнего времени имели довольно сомнительный статус в качестве строгих академических дисциплин (и к этому были достаточно веские основания). Это историческое обстоятельство стоит

рассмотреть несколько подробнее, начав с истоков – со времени появления и становления философии как таковой и определения изначальных ее задач.

Поколения философов на протяжении веков пытались сформировать (и сформулировать) целостное представление о мироздании и о месте и роли в нем человека. Если говорить о западной философской традиции, то она восходит к Античности, где ее (философию) можно понимать как протонауку. Великие исторические фигуры античных мыслителей: Фалес, Пифагор, Сократ, Платон... - известные прежде всего своими мировоззренческими представлениями, были и выдающимися учеными: логиками и математиками.

Завершить и обобщить все достижения античной мысли довелось уже ученику Платона – Аристотелю – великому естествоиспытателю и философу (создателю логики как строгой научной дисциплины). Его система взглядов и самих принципов научного метода остается главенствующей и не подвергается сомнению вплоть до настоящего времени. Базовые принципы классической аристотелевской логики, несколько уточненные средневековыми схоластами и мыслителями эпохи Просвещения, актуальны и сегодня.

В этом плане отдельного внимания заслуживает фигура Фрэнсиса Бэкона, не только предвосхитившего принципы современного научного метода в своем «Новом Органоне», но и впервые описавшим общие контуры психологического феномена когнитивных искажений (рассмотренных в п. 1.3.), препятствующих получению достоверного знания, сгруппировав их как: «призраки рода» (*idola tribus*), «призраки пещеры» (*idola specus*), «призраки площади» (*idola fori*) и «призраки театра» (*idola theatri*) [101].

К началу эпохи Просвещения стали выделяться и обособляться научные дисциплины: математика, физика, химия, биология... Знаковые философы того времени (Локк, Монтескье, Вольтер, Руссо, Дидро...) вошли в историю прежде всего как смелые «вольнодумцы», переосмыслившие казавшуюся незыблемой

структуру социального устройства, «переориентировав» свои интеллектуальные ресурсы на эти благородные цели – вместо бесплодных теологических трудов.

Здесь стоит заметить, что даже Кант (как ранее Декарт), оставшиеся в силу исторических обстоятельств в плену религиозных идей, для многих интересны не этим, а как выдающиеся ученые: математики (Декарт) и космологи (Кант).

В XIX веке этот процесс «размежевания наук» и формирования новых дисциплин значительно ускорился. Примерно к этому времени и философия окончательно обособилась и стала восприниматься как самостоятельная академическая дисциплина. Другими словами, представители этой «сферы деятельности» отмежевались в большинстве своем от точных и естественных наук, сосредоточившись на изучении неких гипотетических общих принципов и законов природы и мышления.

Это абстрагирование (самоизоляция) философии от естественнонаучного контекста закономерно привела ее к практически полной утрате перспектив как научной дисциплины. Уделом ее представителей стало умелое построение столь же глубокомысленных по форме, сколь и бездоказательных грамматических конструкций, выдаваемых (продаваемых) публике как конечный продукт человеческой мысли.

Об этом можно судить по весьма показательному примеру специфических взаимоотношений (личных и академических) двух «титанов немецкой мысли», точно описанных философом и методологом науки К. Поппером:

«Возникает вопрос, обманывал ли Гегель сам себя, загипнотизированный своим собственным возвышенным жаргоном, или он нагло пытался обмануть и запутать других. Я склоняюсь ко второму предположению, особенно если вспомнить, что Гегель писал в одном из своих писем. В этом письме, написанном за несколько лет до публикации его «Философии природы», Гегель говорит о другой «Философии природы», написанной его бывшим другом Ф. Шеллингом:

«Я слишком много занимался... математикой... дифференциальным исчислением... химией, — похваляется Гегель в этом письме (что, конечно, не что иное, как блеф), — чтобы увлечься натурфилософскими бреднями, философией без знаний... когда всякое пустое наитие, даже абсурдное, считается мыслью». Это очень точная характеристика метода Шеллинга, то есть дерзкого способа надувательства, который сам Гегель скопировал или, скорее, усовершенствовал, как только понял, что этот метод приносит немедленный успех, как только он достигает своей аудитории» [65].

Впрочем, А. Шопенгауэр был проще и лаконичней в своей оценке вклада Гегеля (как и реакции его аудитории): «В целом гегелевская философия состоит на три четверти из чистой бессмыслицы, а на одну четверть из продажных идей. Нет лучшего средства для мистификации людей, как выложить перед ними нечто такое, что невозможно понять.

Тогда они <...> по природе своей доверчивые, тотчас же начинают думать, что все дело в их интеллекте, которому они вообще не очень-то доверяют; чтобы спасти свою репутацию, они скрывают свое непонимание, а лучшим средством для этого служит похвала непонятной мудрости, авторитет которой от этого все больше растет» [87]. (Стоит заметить, что эта цитата сохранит свою актуальность и в том случае, если объект рассмотрения – «гегелевская философия» – заменить на другой – «французская мысль второй половины XX века»).

Но если прозорливым и, как представляется, почти точным констатациям Шопенгауэра и Поппера присущ (более чем) налет эмоциональности и резкости, характерных для т.н. оценочных суждений, то Рудольфу Карнапу удалось уже доказательно выявить методологически произвольный характер подобного рода теоретических построений (Декарта и Гегеля в частности) в тексте "Überwindung der Metaphysik durch logische Analyse der Sprache" («Преодоление метафизики логическим анализом языка») [40].

Однако, в истории философии XIX (и начала XX) веков были и счастливые исключения: Г. Спенсер, А. Шопенгауэр, Б. Рассел, А. Бергсон... – философы, которые не выстраивали умозрительные конструкции собственного изобретения, а внимательно наблюдали, анализировали и фиксировали реальность такой, какова она есть (хоть и с известными оговорками в отношении Шопенгауэра и Бергсона). Это вполне можно определить как истинно феноменологический подход, свободный от измышления «избыточных сущностей».

Но, к сожалению, затем наступило время философов-постмодернистов, вся тщета теоретических спекуляций которых была предметом рассмотрения в гл. 1. Здесь можно усмотреть параллель в степени дискредитации философии в глазах научного сообщества постмодернистами – с теми же печальными следствиями для нее, что были ранее «достигнуты» немецкими идеалистами в XIX веке.

*****

Что касается психологии, то она как самостоятельная область знания (как область изучения специфики человеческого поведения и его мотивации) сложилась в начале XX века. Общеизвестны имена прежде всего З. Фрейда и его ученика К. Юнга, обобщивших и развивших взгляды своих предшественников (Ж. Шарко, К. Каруса, Э. Гартмана, И. Гербарта, Г. Фехнера, Ф. Brentano и ряда других). Не подвергая сомнению выдающийся вклад Фрейда и Юнга в становление новой дисциплины – психологии, стоит отметить, что: во-первых, их подходы взаимно кардинально противоречивы (из чего а priori следует, что они не могут быть одновременно концептуально верными – в силу действия «закона противоречия»), а во-вторых, оба подхода не отвечают требованиям «принципа фальсифицируемости», т.е. не имеют «предсказательной силы» и, таким образом, не соответствуют строгим критериям научности. Но, тем не менее, именно они существенно расширили границы представлений о внутреннем мире человека.

Далее, в последние десятилетия (с конца XX в.) психология обрела свои сегодняшние научные контуры, в частности, в сфере этологии. Философия же, в свою очередь, нашла точки опоры (или точнее, – пока точки соприкосновения) в области т.н. когнитивных наук и нейропсихологии. Значительным событием в современной этологии (в том ее виде, что был сформирован К. Лоренцом и Н. Тинбергенем), изучающей сложные поведенческие паттерны (как животных, так и людей), стало введение в ее понятийный аппарат такой категории как «расширенный фенотип».

Здесь может быть уместным краткое пояснение: расширенный фенотип (*extended phenotype*) – термин, предложенный Ричардом Докинзом в 1982 г. для описания специфических особенностей врожденного (инстинктивного) поведения животных, сооружающих весьма сложные конструкции [33].

Понятие «расширенного фенотипа» главным образом относится к части генетической информации, получающей свое внешнее воплощение за пределами организма-носителя. Пример: норы и птичьи гнезда, муравейники и термитники, паучьи сети и пчелиные соты...

В области же философии в 1998 г. Энди Кларком и Дэвидом Чалмерсом была (не без влияния идеи «расширенного фенотипа» Р. Докинза) предложена теория «расширенного познания» (*extended cognition*), рассматривающая вопросы взаимообусловленности ментальных процессов и двигательной активности человека с внешним инструментарием [103]. Согласно этой теории часть функций мозга и тела передается во внешнюю среду.

Следует отметить, что эта теория вызвала значительный резонанс в научном сообществе. Развивая идеи Э. Кларка и Д. Чалмерса, Роберт Логан в 2007 г. выдвинул тезис о том, что и само мышление (как способность к концептуализации) возникает в результате «расширения возможностей мозга» в

процессе вербальной активности и, для наглядности представления данного тезиса, предложил символическую формулу: ум = мозг + язык [115].

Впрочем, принципиально схожие идеи о глубинных взаимосвязях (и даже взаимообусловленности) мышления и языка (и речи) ранее, в начале XX в., были сформулированы и рассмотрены отечественным психологом Л.С. Выготским и систематизированы его учеником А.Р. Лурией [49]. Во второй половине XX в. интерес к концепциям Л.С. Выготского даже способствовал появлению такого направления как т.н. «социальный конструктивизм».

Во всяком случае, можно констатировать, что в последние десятилетия и философия, и психология стали обретать более отчетливые контуры научного формата (за исключением печальных, но неизбежных случаев паразитических и маргинальных наслоений в этой сфере).

В этой связи представляется уместным рассмотреть вопрос о вероятной продуктивности теоретических подходов и методов современной аналитической философии и психологии к процессу создания архитектурного проекта. При этом целесообразно ограничить этот процесс стадией эскиза – как наиболее значимого и, вместе с тем, наименее методологически понятного этапа проектирования. С этой целью имеет прямой смысл сформулировать два несложных вопроса и попытаться на них ответить:

1) Имеет ли место феномен вербализации ментального процесса при создании эскизного проекта?

Вероятно, полностью исключить возможность словесного выражения (оформления) спонтанно возникающих мыслей нельзя. Но при этом эти мысли прямого отношения к объекту (создаваемому эскизу) не имеют: – архитектор не говорит себе: «сейчас я проведу вот эту линию с такой-то целью, а затем ее подкорректирую...» Из этого можно сделать

вывод, что формула Р. Логана: «ум = мозг + язык» к процессу проектирования в подобной форме не применима, и что в данном случае мы уже имеем дело со способностью к концептуализации иного рода. Но при этом, однако, тот факт, что создание эскизного проекта – это прямой акт концептуализации, сомнений не вызывает. Но: если «процесс вербализации» заменить на «идеомоторную активность», то формула примет следующий вид: «ум = мозг + идеомоторика» и будет (согласно идее Р. Логана) в данном случае верной.

2) *В какой степени процесс поиска и фиксации архитектурного образа обусловлен внешним инструментарием (будь это карандаш и бумага, или же компьютерный интерфейс)?*

Можно сказать, что в определяющей, если не в абсолютной. Поскольку внешний инструментарий (каким бы он ни был) – единственное средство воплощения (фиксации, конкретизации и коррекции) зарождающихся, или скорее, вспыхивающих в нейронной структуре мозга архитектора тех призрачных и трудноуловимых образов, которым только предстоит стать читаемыми и зримыми и, следовательно, ясно осознанными самим автором.

Впрочем, подобного рода соображения были высказаны (в 2009 г.) и Юхани Палласмаа: «В процессе самозабвенной работы... образ проявляется как будто это проекция воображающего его разума. Или, возможно, это рука, которая в действительности воображает» (перевод Г.Ф.)⁴⁹ [124, С. 8].

---

⁴⁹ Оригинал: «...in the ecstasy of work... the image emerges as if it were an automatic projection of the imagining mind. Or, perhaps, it is the hand that really imagines...»

Как представляется, в этом интроспективном наблюдении Ю. Палласмаа весьма точно зафиксирована (уловлена) специфика эфемерного и ускользающего от ясного рассудочного понимания феномена архитектурного эскизирования. При этом, естественным образом, возникает вопрос: был ли Ю. Палласмаа знаком с теорией «расширенного сознания» (extended cognition) Э. Кларка и Д. Чалмерса, предложенной ими в 1998г., или же пришел к своим заключениям независимо от них?

Однако, основной вывод сомнению не подлежит: так же как мозгу (или сознанию) необходима рука как своего рода собственное продолжение, так же и самой руке архитектора необходим карандаш (или иной инструмент) для запечатления и корректировки изначально весьма смутных (предошущаемых) идей и образов в рекурсивном процессе эскизирования и моделирования. Другими словами, архитектурное творчество принципиально непредставимо вне идеомоторной активности архитектора, с одной стороны, – и наличия необходимого (и достаточного) внешнего инструментария, с другой.

То есть и Юхани Палласмаа (в приложении к вопросам архитектурного творчества), и Дэвид Чалмерс (в отношении и иных видов человеческой деятельности) фактически отрицают распространенное мнение о своего рода «дуализме» – как попытке отделения высшей нервной активности мозга в зоне неокортекса и прямо «подчиненных» ей идеомоторных действий – от менее ясно осознаваемых (полу-инстинктивных) двигательных проявлений, регулируемых эфферентными мотонейронами. (Этот феномен прямой зависимости творческого архитектурного процесса от идеомоторной активности субъекта рассматривался в рамках мысленного эксперимента, предложенного в гл. 1).

Вышеизложенные соображения позволяют сделать тот промежуточный вывод, что феноменологические и «когнитивные» подходы к вопросам истории и теории архитектуры представляются продуктивными, поскольку, при всей

своей методологической несхожести, они никак не противоречат друг другу. Более того, они существенно дополняют и оттеняют друг друга.

При этом стоит отметить, что основной чертой феноменологического подхода к архитектурной проблематике (в его изначальном виде) можно считать его вне-зависимость от популярных в сфере преимущественно гуманитарных дисциплин имитаций научного или же философского форматов. В частности, К. Норберг-Шульц и Ю. Палласмаа как наиболее авторитетные представители «архитектурной феноменологии», по большей части воздерживаются от использования в текстах по тематике восприятия архитектурных образов неких «научных» и/или «философских» категорий.

Возвращаясь к вопросам архитектурной практики, стоит отметить, что отдельные исследователи усматривают (неким странным образом) связь феноменологии как таковой и т.н. «идеологии проектного процесса» у ряда известных архитекторов. Так, М.Р. Невлютов пишет, что: «Истоки влияния феноменологии непосредственно на процесс архитектурного проектирования можно найти уже в позднем модернизме в работах таких мастеров как Луис Кан (Louis Isadore Kahn), Алваар Аалто (Alvar Henrik Aalto), Луис Барраган (Luis Barragan), Фрэнк Ллойд Райт (Frank Lloyd Wright), Альдо Ван Эйк (Aldo van Eyck), Сверре Олаф Фен (Sverre Fehn)», и что при этом: «Стивен Холл – единственный архитектор, который описывает свой подход к проектированию как феноменологический» [57].

Однако вряд ли можно считать уместным вне-критичное отношение к подобного рода утверждениям (констатациям), столь же решительным, сколь и сомнительным. С одной стороны, архитектор (С. Холл) может вполне искренне полагать свое творчество как реализуемое в сфере феноменологии. Но, с другой стороны, при этом очевидна и вся субъективность этой столь бездоказательно декларируемой позиции.

Примечательно, что и сам Стивен Холл (как и ценители его творчества) предусмотрительно отстраняются от попыток убедительно объяснить, в чем же именно состоит «феноменологичность» архитектурных объектов его авторства (что, впрочем, не представляется принципиально возможным).

Поскольку подобные попытки классификации архитектурных объектов по гипотетическому критерию «заявленного уровня их феноменологичности» не только методологически несостоятельны, но и по своей сути концептуально бессодержательны.

Однако, и Ю. Палласмаа оказался не вполне свободен от психологического влияния «эффекта авторитета», называя С. Холла и П. Цумтора современными практикующими «феноменологами архитектуры». Вполне вероятно, что этому в ощутимой мере способствуют весьма пространные и поэтические рассуждения Цумтора и Холла о собственном архитектурном творчестве.

В их формулировках своего подхода к архитектурному проектированию – и до-теоретическое понимание архитектуры, и проецирование личности автора на здание, и повышенное внимание к созвучности строительных материалов и анатомии тела человека, и внерациональное восприятие пространственно-временного континуума, и ускользание от знаковой структуры, и личностные внеязыковые переживания...

При погружении читателя в поэтику подобного рода рассуждений (авторских комментариев к своим постройкам) у него может невольно пробуждаться чувство смиренного уважения перед гением авторов, сумевших в своем творчестве постичь самую суть вещей, недоступную для понимания прочих. Но проблема (весьма неудобная для философствующих представителей «звездной архитектуры») в том, что с тем же успехом такие глубокомысленные описания можно отнести к любому, случайным образом выбранному объекту, – например, к заурядному деревенскому сараю.

Рис. 21 (слева направо): Часовня брата Клауса, арх. П. Цумтор; Школа искусств и истории искусства Университета Айовы, арх. С. Холл; Деревенский сарай, арх. неизвестен.

И если еще соответствующим образом поэтизировать историю этого сарая: отметив и непреходящую аутентичность духовной ауры места, могущей быть лишь поверхностно и приближенно описанной категорией *genius loci*, и метафизический характер его вневременного присутствия в наличном бытии – в непостижимо парадоксальной контрадикции к *Zeitgeist*, и полифоничность его тонкой пространственной энергетики, как и сложный комплекс пробуждаемых архетипическим образом сарая-в-себе и ускользающих от ясного рассудочного осознания зрительных, слуховых и тактильных ассоциаций, уводящих от прозы текущей реальности в *Dasein* и трансцендентность имматериального..., – то, как можно легко предположить, у нашего сарая были бы неплохие шансы на победу в этом гипотетическом «архитектурно-философском конкурсе».

Попытки теоретического сопровождения (обоснования) архитектурного образа объекта его авторами могут производить нужное им впечатление, но при этом не могут повлиять на реальные эстетические характеристики объекта.

В теории архитектуры такие базовые понятия и принципы как гармония, контекстуальный подход (т.е. тактичное отношение к градостроительному и/или природному окружению), всесторонний учет всех физических свойств и характеристик используемых материалов и т.д. – известны, как минимум, со времен Витрувия. И нет никаких оснований пересказывать принципиально то же самое, но уже «от себя» и непременно заумными в своей красивости словами.

Складывается парадоксальная ситуация, когда в рамках феноменологии как подхода, главная ценность которого состоит в признании и утверждении беспредпосылочного характера чувственного восприятия архитектуры (как и творческого архитектурного процесса), возникают тенденции к идеологизации и построению маловразумительных философических концептов.

В этой связи представляется уместным привести еще несколько цитат из текста упомянутой несколько выше научной статьи, касающихся позиции «экзистенциальных феноменологов»: «Феноменологический подход стремится сделать компоненты окружающего мира знакомыми, антропогенными, создать знаковую среду определяющую характер места. Важны личные переживания, опыт, воспоминания, интуиция. <...> Но феноменологический опыт, по мнению Мерло-Понти, принципиально аперсонален...» [57].

Заметим, в пределах одного короткого абзаца приводятся кардинально противоположные суждения по поводу характера восприятия архитектурных объектов: сначала это восприятие носит «личный характер», а затем вдруг оказывается «аперсональным». При этом данное неустранимое логическое противоречие автором никак не комментируется.

Далее в своем тексте М.Р. Невлютов цитирует и А. Перез-Гомеза (как очередного «феноменологического авторитета»): «Дело не столько в том, что мы обладаем телами, мы и есть тела, находящиеся с нашим миром в непрерывном диалоге. Наше априорное, никак еще не артикулированное «основание», почва

бытия целиком зависит от архитектуры, как видимого порядка, дающего нам возможность ощущать границы нашего присутствия».

Представляется, что генератор тематически ориентированных текстов (напр. *Article clone easy* или *Ifritus*) мог бы столь же успешно сформулировать подобного рода сумбурную сентенцию (как с позиций здравого смысла, так и с позиций общепринятых норм литературного языка).

Что же касается реальной феноменологии творческого архитектурного процесса (вне упомянутых выше паразитических наслоений), то обращает на себя внимание, что рассмотренные выше идеи расширенного познания философов Э. Кларка и Д. Чалмерса и близкие им теоретические соображения архитектора Ю. Палласмаа, также удивительно созвучны и представлениям Майкла Полани, предложившим (еще в 1958 г.) теорию «неявного знания» (“tacit knowing” or “tacit knowledge”) [61].

Этим термином – «неявное знание» – определяются те виды знания (а также практические умения и навыки), которые не могут быть формализованы (частично или полностью). То есть их невозможно кодифицировать (устно или письменно) с целью передать другим. В качестве примера приводятся такие навыки как: свободное владение языком, умение плавать, рисовать, управлять разными видами транспортных средств и т.д. Подобные умения (практические знания) усваиваются обучающимся в длительном процессе наблюдения и подражания под руководством наставника.

Сходные соображения (эмпирические констатации) в приложении к архитектурной деятельности приводил А.В. Иконников в тексте «Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве», считая, что научный подход «...не может вытеснить и заменить навыки, интуицию и талант архитектора, которые позволяют объединить сложную, синтетическую деятельность созданием художественных и эстетических ценностей...», и далее отмечал, полемизируя с

А.Г. Раппапортом и Г.Ю. Сомовым, что: «Не стоит сетовать, что архитектуре не удастся «придать вид научной деятельности», отказавшись от усвоения практического мастерства, в котором ведущей фигурой является не ученый, а “мастер, не столько рассказывающий, сколько показывающий то, что требует понимание и усвоение учеником”, как то делает А. Раппапорт» [36, с.22].

***

Широко известен афоризм М. Полани: «Мы можем знать больше, чем способны рассказать» (“We can know more than we can tell”). Нельзя не увидеть, насколько он синонимичен приведенному в начале данной главы афоризму Л. Витгенштейна: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать».

И здесь нетрудно усмотреть прямую аналогию с многочисленными (и пока что весьма малопродуктивными) попытками дать полное и хоть сколько-нибудь теоретически убедительное определение такому феномену как «инстинктивная деятельность». В этой связи представляется уместным предложить к рассмотрению введение такого понятия как «феноменология инстинктивного (полу-осознаваемого) творческого процесса в его динамической объективации» и его дальнейшего анализа с позиций современных когнитивных наук⁵⁰.

В приложении к интригующим вопросам (психологическим аспектам) творческого архитектурного процесса подобный подход может быть достаточно перспективным. Тем более, что и само понятие «творчество» имеет множество разнообразных и разнохарактерных трактовок. Переходя к самой попытке дать определение «творчеству», мы с неизбежностью сталкиваемся с проблемой его многозначности (и даже многоуровневости).

---

⁵⁰ Общие контуры описания указанного феномена представлены автором в статье «Феноменологические подходы в теории архитектуры в контексте современных когнитивных наук» // Вопросы философии – 2021. – № 6.

Действительно, интерпретации того, что же есть творческая деятельность очень широко разнятся. Для начала рассмотрим крайние (в известном смысле – полярные) подходы.

В рамках одного подхода творчеством признаётся практически всякий акт нестандартных (т.е. заранее не алгоритмизированных) действий субъекта, в результате которого им создаётся «что-то новое». Здесь результатом творческого акта (произведением изобразительного искусства) считается буквально всё: и полотна великих художников, и детские каракули, и проекты представителей «звездной архитектуры».

В рамках же другого подхода под творчеством (научным, художественным и пр.) понимается не просто создание принципиально нового и впечатляющего, но и вводятся своего рода критерии обязательности использования при этом неких «революционных» философских, научных и культурных парадигм. В этом смысле по-настоящему творческими могут считаться лишь те плоды деятельности, что кардинально меняют ранее господствовавшие представления о культурных ценностях и целях (и методах их достижения). Здесь «творчество» – уже нечто такое, что взрывает (опрокидывает) некогда действовавшие нормы и принципы⁵¹.

Но когда предпринимаются попытки «сотворить» что-то новое любой ценой (и при этом значимость этого нового превозносится «творцами» в своих манифестациях), то даже если новоявленным законодателям очередной моды и удастся на время увлечь публику своими экзерсисами, в большинстве случаев это оборачивается не лучшим финалом. К сожалению, в архитектуре это наиболее очевидно и печально – поскольку масштабно и долговременно...

---

⁵¹ Такая трактовка понятия «творчество» предложена (введена) В.Л. Глазычевым в тексте «Эволюция творчества в архитектуре».

В контексте данного исследования архитектурное творчество – это нечто принципиально другое и равноудалённое от рассмотренных выше полярных позиций в описании и трактовке этого понятия. В этом плане под архитектурным творчеством (творческим процессом) подразумевается проектная деятельность, требующая достаточно высокого уровня профессионализма и мастерства для решения нестандартных задач.

Как представляется, это наиболее здравый и взвешенный подход к осознанию того, что же есть творчество. Поскольку настоящий профессионализм предполагает практическое и теоретическое усвоение всего спектра знаний и методологических навыков, свойственных соответствующей (в данном случае – архитектурной) сфере деятельности, а также их критического осмысления (и переосмысления) в приложении к той или иной профессиональной задаче. Что, впрочем, никак не может затенять значимых для успешного творчества факторов в виде изначальной предрасположенности (способностей) и интуиции.

В этой связи представляет несомненный интерес и такой неотъемлемый атрибут (а точнее, феномен) творческого процесса – как своего рода временная (эпизодическая) отстранённость субъекта (того, кто творит) – и от прикладной практической цели данного творческого акта, и – труднодостижимым образом – от собственного «Я», что бы ни понималось под этой философской категорией: от души с обещанным ей бессмертием, – до иллюзорной объективации некой индивидуальной «самости».

В заключение стоит повторить: феноменология архитектуры и творческого архитектурного процесса – это по своей сути фиксация и передача впечатлений субъекта восприятия (или субъекта творчества). В этом плане можно отметить принципиальную соотнесенность данного подхода с феноменологическими концепциями в науке – когда наблюдаемые явления не могут быть убедительно объяснены общими универсальными закономерностями и исследователи, не

вводя избыточных сущностей, ограничиваются описанием фактов и феноменов и установлением эмпирических соответствий между ними.

Именно этой традиции обобщения и систематизации представлений об архитектуре (о ее генезисе, сущности и эволюционной изменчивости) следовали настоящие теоретики: от Витрувия до Э. Нойферта. И именно отступления от этой традиции приводят к рассмотренным выше (в гл. 1 и 2) печальным казусам «теоретической самодеятельности», существенно дискредитирующим реальную теорию архитектуры.

Выводы по главе 3:

- Феноменологический формат в сфере теории и истории архитектуры восходит к представлениям о феноменах как о фактах и событиях реальности, изучение и понимание которых должно осуществляться в рамках той же методологии, что практикуется в естественных науках.
- Вместе с тем констатируются казусы расширительного и необоснованного толкования архитектурной феноменологии, что можно квалифицировать как примеры вне-научных по сути наслоений в этой сфере.
- Феноменологические (в их изначальном понимании) и подлинно научные подходы к вопросам истории и теории архитектуры представляются наиболее продуктивными. Поскольку при всей своей методологической несхожести, они не противоречат друг другу. Более того, они существенно дополняют друг друга, расширяя тем самым наши представления об архитектурной теории и специфике творческого процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В диссертационном исследовании сформулирована актуальная проблема необходимости демаркации концептуальных подходов в современной теории архитектуры с позиций их соответствия базовым критериям научности. При этом не ставилась задача анализа данных концепций в плане оценки их вероятных достоинств как художественных и/или публицистических текстов, как и в плане их существенного влияния на архитектурную практику.

Исследование показало, что:

1. Теоретическая основа архитектурного постмодернизма представляет собой конгломерат разнородных и методологически произвольных концепций, которые по многим сущностным и формальным позициям находятся в неустранимом взаимном противоречии. Более того, многие тексты теоретиков постмодернизма внутренне противоречивы, что является маркером их принципиальной научной неправомерности.
2. Структурно-семиотический подход к архитектурной проблематике обнаружил собственную, отмеченную рядом исследователей, теоретическую и методологическую несостоятельность. Практическая и теоретическая бесперспективность этого подхода была обусловлена небрежением по отношению к принципам общепринятого научного метода и нарушением базовых законов классической логики.
3. Определены вероятные причины широкой популярности вне-научных концепций в области теории архитектуры в виде психологических факторов, известных как когнитивные искажения, в частности: «эффект якоря», «эвристика привязки», «предвзятость подтверждения», «эффект группового мышления».

4. Разграничение аналитического и программного подходов в текстах наиболее авторитетных (часто цитируемых) современных теоретиков архитектуры позволило выявить содержательность аналитической составляющей в их текстах и теоретическую необоснованность их программных (декларативных) посланий и установок.
5. Декларативный формат архитектурных манифестов классифицирован не только как вполне определенно вне-научный, но и как не имеющий формальных признаков научного формата.
6. Феноменологические подходы к вопросам как теории, так и практики архитектуры представляется возможным охарактеризовать как продуктивные и содержательные. Установлено что сильной стороной реальной феноменологии архитектуры является отсутствие попыток имитировать «научный формат». Рассмотрены примеры произвольного позиционирования отдельных представителей «звездной архитектуры» в качестве последователей феноменологического подхода.
7. Результаты анализа показали, что современные подходы и тенденции в аналитической философии и психологии (и в сфере когнитивных наук) позволяют предположить их вероятную продуктивность в приложении к ключевым вопросам современной теории архитектуры и специфики творческого процесса.

РЕКОМЕНДАЦИИ

В качестве мер рекомендательного характера по формированию базовых принципов научного мировоззрения и навыков критического мышления у студентов в системе высшего архитектурного образования и соответствующей корректировки модулей учебных программ бакалавриата, магистратуры и аспирантуры могут быть предложены следующие:

1. Расширенное изучение основ классической логики (бакалавриат) в виде отдельного лекционного блока;
2. Расширенное изучение истории формирования и становления современной научной методологии (магистратура и аспирантура);
3. Включение в учебные программы аспирантуры лекционных материалов по истории естествознания и аналитической философии.

ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ТЕМЫ

Развитие темы исследования естественным образом усматривается в дальнейшем расширении и уточнении принципов и методики демаркации (с позиций принципиальной научной убедительности) разнообразных подходов и форматов в современной теории и истории архитектуры, как и в решении назревшей проблемы исключения из этой академической сферы методологически несостоятельных и научно неправомерных концепций.

Но наиболее перспективными представляются широкие потенциальные возможности привлечения подлинно научной методологии в приложении к нерешенным (т.н. вечным) вопросам теории архитектуры⁵².

---

⁵² Продуктивность научного подхода к одному из «вечных вопросов» - феномену появления архитектуры как таковой была развернуто показана автором в тексте «Происхождение архитектурного проектирования: наука и метафизика» // Architecture and Modern Information Technologies. – 2021. – №4(57).

ПЕРЕЧЕНЬ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

А) Основные результаты исследования изложены в следующих публикациях, рекомендованных ВАК:

1. Фигурный Г.Н. Современные подходы к осмыслению новейшей архитектуры: Ч. Дженкс и Н. Салингарос // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2018. – №4(45). – С. 126-134 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://marhi.ru/AMIT/2018/4kvart18/PDF/07_figurnyj.pdf

2. Фигурный Г.Н. Парадигматика современной архитектуры: аналитика и декларации // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2019. – №2(47). – С. 71-82 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://marhi.ru/AMIT/2019/2kvart19/PDF/04_figurnyj.pdf

3. Фигурный Г.Н. Семиотика архитектуры: полвека в поисках мнимых сущностей // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2019. – №4(49). – С. 57-70 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://marhi.ru/AMIT/2019/4kvart19/04_figurny/index.php

4. Фигурный Г.Н. Феноменологические подходы в теории архитектуры в контексте современных когнитивных наук // *Вопросы философии* – 2021. – №6. – С. 65-73. – Режим доступа: <https://pq.iph.ras.ru/issue/view/354>

5. Фигурный Г.Н. Происхождение архитектурного проектирования: наука и метафизика // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2021. – №4(57). – С. 70-83 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://marhi.ru/AMIT/2021/4kvart21/PDF/04_figurny.pdf

6. Фигурный Г.Н. Скрытые смыслы числовых соотношений в архитектуре: притягательность мифа // *Architecture and Modern Information Technologies*. – 2022. – №2(59). – С. 47-57 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://marhi.ru/AMIT/2022/2kvart22/PDF/03_figurny.pdf

Б) В других изданиях:

7. Фигурный Г.Н. К вопросу о психологических и философских аспектах процесса архитектурного проектирования / Г.Н. Фигурный // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. – Т.2. – М.: МАРХИ, 2018. – С. 252.
8. Фигурный Г.Н. К вопросу о психологических и философских аспектах процесса архитектурного проектирования / Г.Н. Фигурный // Наука, образование и экспериментальное проектирование-2018. Труды МАРХИ: Материалы международной научно-практической конференции 2-6 апреля 2018 г. – Т.2. – М.: МАРХИ, 2018. – С. 245-247.
9. Фигурный Г.Н. Мировоззренческие концепции в современной теории архитектуры: проблематика демаркации / Г.Н. Фигурный // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. – Т.1. – М.: МАРХИ, 2019. – С. 256-257.
10. Фигурный Г.Н. Сравнительный анализ практикуемых методологических подходов в современной теории архитектуры / Г.Н. Фигурный // Наука, образование и экспериментальное проектирование-2018. Труды МАРХИ: Материалы международной научно-практической конференции 2-6 апреля 2018 г. – Т.2. – М.: МАРХИ, 2019. – С. 429-432.
11. Фигурный Г.Н. «Язык архитектуры»: метафоры и реальность / Г.Н. Фигурный // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. – Т.1. – М.: МАРХИ, 2021. – С. 116-117.
12. Фигурный Г.Н. «Методология архитектуры от Никоса Салингароса и феномен доверчивости» / Г.Н. Фигурный // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов. – М.: МАРХИ, 2022. – С. 184.

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ

Постмодерн и постмодернизм – категории, обоснованно различаемые в специфических сферах культурологии. В тексте данного исследования – в приложении к архитектурной проблематике – используются как синонимы.

(Пост)структурализм – в разных странах мира (Франция, Германия, США, Россия) для описания структурализма и постструктурализма используется различная терминология в рамках различных подходов. Столь же спорной темой является и проблема обоснованности разграничения этих терминов. В силу этого обстоятельства в рамках данной работы и было использовано такое семантически паллиативное написание термина.

Концепция – минимально достаточно структурированная и оформленная идея (или комплекс идей).

Платформа – общая теоретическая база для принципиально родственных по своей сути концепций, но могущих существенно отличаться в деталях.

Теоретический подход – методологическая специфика структурирования и подачи той или иной концепции (или группы концепций).

Теоретический формат – формальные признаки и особенности того или иного подхода. (Понятия «подход» и «формат» могут употребляться как синонимы – в случаях, когда это не влияет на полноту и связность текста).

Теория – ни одна из рассматриваемых в тексте исследования «теорий» не является таковой в строгом смысле данного понятия, т.к. не соответствует основным критериям научности. Т.е. термин «теория» в данном контексте используется в его обыденном понимании – как синоним методологически нейтрального и понятийно широкого термина «концепция».

Вне-научность – существуют различные определения методологически и содержательно неправомерных концепций: лженаука, псевдонаука, квази-наука, пара-наука (имеющие свои смысловые и эмоциональные различия и оттенки). В рамках данного исследования преимущественно используется определение «вне-научность» – как наиболее корректное и стилистически нейтральное.

Законы (принципы) классической логики – закон тождества, закон непротиворечия, закон исключенного третьего и закон достаточного основания. Данные законы лежат в основе методологических принципов теоретического мышления.

«Бритва Оккама» – базовый принцип научной методологии, вытекающий из «Закона достаточного основания» и предписывающий «не множить сущности без необходимости», т.е. избегать неуместного (избыточного) теоретизирования.

Аналитическая философия – философская традиция, сформировавшаяся на базе неореализма, неопозитивизма и прагматизма. Опирается прежде всего на опытное знание и здравый смысл, стремясь к ясности, точности и логической (аналитической) строгости мышления.

Континентальная философия – на протяжении второй половины XX века доминирующая философская традиция в континентальной Европе. Насчитывает множество различных направлений, включая вне-научные и методологически произвольные: такие как структурализм, постструктурализм, постмодернизм.

Когнитивные искажения – устоявшиеся и как правило неосознаваемые отклонения в паттернах мышления, препятствующие критическому восприятию и рациональной оценке тех или иных фактов, феноменов и концептуальных построений. Некритичному отношению ко многим вне-научным теоретическим концепциям способствуют, в первую очередь, когнитивные девиации, известные как «эффект авторитета», «эффект группового мышления» и феномен «каскада доступной информации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Альберти Л.-Б. Десять книг о зодчестве: В двух томах. – М., 1935-1937
2. Аристотель Сочинения. В 4 т. (Серия «Философское наследие»). Т. 2 (Органон). М.: Мысль, 1978. Ред. и вступ. ст. З.Н. Микеладзе. – 688 с.
3. Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: Эксмо-Пресс, 2019. – 320 с.
4. Боков А.В. Стили и тенденции в современной культуре // Architecture and Modern Information Technologies. – 2015. – №3(32).
5. Brentano Ф. Избранные работы. — М.: «Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое сообщество, 1996. – 176 с.
6. Brentano Ф. О многозначности сущего по Аристотелю. СПб.: «ВРФШ», 2012. – 247 с.
7. Бурак С.А. Лженаука о языке // Троицкий вариант – наука. – 2013. – №13 (132).
8. Быстрова Т.Ю. 10 тезисов о проектом мышлении архитекторов: критический анализ статьи Чарльза Дженкса // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2010. №2. – С. 31-37.
9. Быстрова Т.Ю. Кристофер Александер: архитектура вне времени и идея шаблонов проектирования / Т.Ю. Быстрова // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2011. №1. – С. 41-46.
10. Витрувий Десять книг об архитектуре / Витрувий // М.: Издательство Всесоюзной академии архитектуры, 1936. – 331 с.
11. Власов В.Г. Ничтожность архитектурной теории постмодернизма // Архитектон: известия вузов. – 2013. – №42. – С. 5-13.
12. Габричевский А.Г. Морфология искусства. – М.: Аграф, 2002. – 864 с.
13. Гинзбург В.Л. Как развивается наука? Замечания по поводу книги Т. Куна «Структура научных революций» // – М.: Природа, №6, 01. 1976. – С. 73-85.
14. Глазычев В.Л. Зарождение зодчества / В.Л. Глазычев. – М.: Стройиздат, 1983. – 126 с.

15. Глазычев В.Л. Обновление как постоянство // Проблемы дизайна-3. Сборник статей. Под ред. В.Л. Глазычева. – М.: Издательство «Архитектура-С», 2005. – 286 с.
16. Глазычев В.Л. Эволюция творчества в архитектуре. – М.: Стройиздат, 1986. – 496 с.
17. Гуссерль Э. Логические исследования. – М.: Академический Проект, 2011. – 253 с.
18. Дадашева М.М. Художественный язык архитектуры конца XX-начала XXI века в категориях объемно-пространственной композиции.: дис. ...канд. арх.: 05.23.20. – М.: МАРХИ, 2016. – 190 с.
19. Дадашева М.М. Никос Салингарос: борьба за сохранение художественных традиций в современной архитектуре/ М.М. Дадашева // ACADEMIA. – 2014. – №2. С. 35-43.
20. Дадашева М.М. Критическая теория в современной архитектуре / М.М. Дадашева // Наука, образование и экспериментальное проектирование. труды МАРХИ: Материалы международной научно-практической конференции. – М., МАРХИ, 2014. С.152-156.
21. Дадашева М.М. Архитектура постмодернизма как зеркало эры интерпретационного мышления / М. М. Дадашева // Наука, образование и экспериментальное проектирование в МАРХИ: Тезисы докладов международной научно-практической конференции 11-15 апреля 2011 г.: – Т. 2. – М.: Архитектура-С, 2011. – С.161.
22. Данилов Д.С. Структура архитектурных революций // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – №4(41). – С. 35-43.
23. Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр.- Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М.: "Раритет", Екатеринбург: "Деловая книга", 1998. – 480 с.
24. Дженкс Ч. Новая парадигма в архитектуре (Перевод с английского Александр Ложкин, Сергей Ситар) // Проект international 5. – 2003. – №5.

25. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. Предисловие ред. А.В. Рябушина, Л. Хайта. М.: Стройиздат, 1985. – 135 с.
26. Добрицына И.А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре (Архитектура в контексте современной философии и науки). Автореф. дис. ... док. арх.: 18.00.01. – М., 2007. – 45 с.
27. Добрицына И.А. От «решетки» к «фракталу». Влияние идей новой науки на архитектурно-градостроительное мышление // Градостроительное искусство: новые материалы и исследования. Вып. 1 / Ред. И.А. Бондаренко. – М.: КомКнига, 2007. – С. 464-470.
28. Добрицына И.А. Первые опыты нелинейной архитектуры // Языки науки – языки искусства. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2004. – С. 138-148.
29. Добрицына И.А. Черты преемственности в архитектурной теории западного неоавангарда // «Academia. Архитектура и строительство». М.: РААСН, 2006, №4. – С. 24-28.
30. Добрицына И.А. Архитектурная метафора: замысел и реальность // Архитектура в истории русской культуры. Вып. 3. Желанное и действительное. – М.: УРСС, 2001. – С. 308-316.
31. Добрицына И.А. К методологии исследований инноваций // «Academia. Архитектура и строительство». – М.: РААСН, 2006, №4. – С. 24-28.
32. Докинз Р. Эгоистичный ген / перевод с английского Н. Фоминой. – М.: Астрель: CORPUS, 2013. – 512 с.
33. Докинз Р. Расширенный фенотип / перевод с английского А. Гопко. – М.: Астрель: CORPUS, 2015. – 512 с.
34. Елина Е.А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства (номинативно-коммуникативный аспект). дисс. ... док. фил.: 10.02.19. – Волгоград., 2003. – 353 с.

35. Иванов К.П. Агрессивная лженаука / Вестник Российской академии наук. том 72, №1, 2002. – С. 30-36.
36. Иконников А. В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. – М., КомКнига, 2006. – 352 с.
37. Иконников А. В. Утопическое мышление и архитектура: Социальные, мировоззренческие и идеологические тенденции в развитии архитектуры. – М.: Издательство «Архитектура-С», 2004. – 400 с.
38. Иконников А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность: В двух томах. – М.: Прогресс-Традиция, 2001-2002.
39. Капица С.П. Предисловие к русскому переводу (С.П. Капица) // Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки: критика философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002. – С. 6-10.
40. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка. / Пер. А. В. Кезина // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. - № 6, 1993. – С. 89-95.
41. Кравченко А.В. Биосемиотика: на пути к объединенной науке // Вестник МГЛУ. Вып. 489. М., 2004. – С. 182-194.
42. Кругляков Э.П. Сб. статей «Что же с нами происходит?». Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – 165 с.
43. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2003. – 605 с.
44. Кутырёв В.А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) // Вопросы философии. – 2003. – №1. – С. 63.
45. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М.: «Медиум», 1995. – 236 с.
46. Леви-Стросс К. Структурная антропология = Anthropologie structurale / Пер. с фр. В.В. Иванова. — М., 2001. – 512 с.

47. Луман Н. Общество общества. Часть I. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. – 323 с.
48. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. – СПб.: Наука, 2007, – 648 с.
49. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. Учеб. Пособие для студ. Высших учебных заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 384 с.
50. Мартынов Ф.Т. Бытийно-осмысляющий подход к исследованию пространственных отношений в архитектуре // Композиционная подготовка в современном архитектурно-художественном образовании: Материалы Всероссийской научно-методической конференции / Под ред. А.А. Старикова и В.И. Иовлева. – Екатеринбург: Архитектон, 2003. – С. 14.
51. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
52. Мелодинский Д.Л. Архитектурная пропедевтика. История, теория, практика. – М.: URSS, 2018. – 400с.
53. Мелодинский Д.Л. Вклад Никоса Салингароса в развитие теории масштабности в архитектуре // Архитектон: известия вузов. – 2013. – №3(43). – С. 19-28.
54. Мелодинский Д.Л. Масштабность в современной архитектуре / Д.Л. Мелодинский // Architecture and Modern Information Technologies. – 2012. – №4(21).
55. Мелодинский Д.Л. Художественная практика архитектуры параметризма: восторги и разочарования// Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – №4(41). – С. 6-23.
56. Мерло-Понти М. Интенциональность и текстуальность. Философская мысль Франции XX века / Мерло-Понти М., Дюфрен М., Левинас Э., Рикер

- П., Камю А., Деррида Ж., Делез Ж., Кристева Ю., Нанси Ж.-Л. – Томск: «Водолей», 1998. – 320 с.
57. Невлютов М.Р. Феноменологические концепции современной архитектуры // *Architecture and Modern Information Technologies*, 2015, №3 (32/15-16). – С. 5.
58. Оккам У. Семь избранных диспутов. // Антология средневековой мысли в 2-х томах. (Т. 2) Хрестоматия. Учебно-научное издание под ред. С.С. Неретиной, Л.В. Бурлаки. – СПб.: Изд-во РХГИ, 2001-2. – 635 с.
59. Парибок А.В. О философской оправданности хайдеггеровского обращения с языком // *Вопросы философии*. – М., 2018. №11. – С. 178-189.
60. Пелевин В.О. Македонская критика французской мысли. – М.: «ФТМ», 2003. – 320 с.
61. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии / пер. с англ. М.Б. Гнедовский, – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
62. Поппер К. Логика научного исследования. – М.: Республика, 2005. – 447 с.
63. Поппер К. Дарвинизм как метафизическая исследовательская программа // *Вопросы философии*. – 1995. – № 12. – С. 39-49.
64. Поппер К. Реализм и цель науки // *Современная философия науки: хрестоматия*; сост. А. А. Печёнкин. – М.: Логос, 1996. – С. 58–68.
65. Поппер К. Открытое общество и его враги. В двух томах. Т.1,2. – М.: Феникс, Международный фонд «КУЛЬТУРНАЯ ИНИЦИАТИВА», 1992. – 448с.
66. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М.: Издательство "Мысль", 1974. – 232 с.
67. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. – М.: Наука, 1979. – 236 с.
68. Пружинин Б.И. RATIO SERVIENS? Контуры культурно-исторической эпистемологии. – М.: РОССПЭН, 2009. – 423 с.

69. Радзюкевич А.В. Красивая сказка о «золотом сечении». // «Академия Тринитаризма», – М., Эл № 77-6567, публ.12981, 17.02.2006. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0232/009a/02320016.htm> (дата обращения: 23.08.2018).
70. Радзюкевич А.В. Методические основы проведения пропорционального анализа форм памятников архитектуры. Дисс. канд. арх., 2004. – 156 с.
71. Раппапорт А.Г. Архитектура как лженаука. – 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://papardes.blogspot.com/2019/11/blog-post_22.html (дата обращения: 24.06.2019).
72. Раппапорт А.Г. Наследие архитектурной мысли // Archi.ru. – 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archi.ru/elpub/91135/nasledie-arkhitekturnoi-mysli> (дата обращения: 24.06.2019).
73. Раппапорт А.Г. Никос Салингарос. Башня и лабиринт. ТА 227 Салингарос (6). История и теория. – 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://papardes.blogspot.com/2013/08/227-6.html> (дата обращения: 24.06.2019).
74. Раппапорт А.Г. Салингарос. Темпоральность и масштаб. ТА 223 Салингарос (2). – 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://papardes.blogspot.com/2013/08/223.html> (дата обращения: 24.06.2019).
75. Раппапорт А.Г. Салингарос. Орнамент и неоконсерватизм. ТА 226 Салингарос (2). – 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://papardes.blogspot.com/2013/08/225-5.html> (дата обращения: 24.06.2019).
76. Раппапорт А. Г. Эмоции и профессиональное сознание архитектора // Archi.ru. – 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archi.ru/elpub/91122/emocii-i-professionalnoe-soznanie-arkhitekтора> (дата обращения: 24.06.2019).

77. Раппопорт С.Х. От художника к зрителю. Советский художник. – Москва, 1978. – 236 с.
78. Ревзин Г.И. Очерки по философии архитектурной формы. – Москва: ОГИ (Объединенное Гуманитарное Издательство), 2002. – 144 с.
79. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра // Джохадзе, И. Д. Неопрагматизм Ричарда Рорти. — М.: УРСС, 2001. – 256 с.
80. Салингарос Н. Антиархитектура и деконструкция: триумф нигилизма. Четвертое издание. – Германия: Umbau-Verlag, Solingen, 2008. – 204 с.
81. Салингарос Н. Двенадцать лекций об архитектуре. М.: 2017. – 285 с.
82. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика философии постмодерна / Перев. с англ. Анны Костиковой и Дмитрия Кралечкина. Предисловие С.П. Капицы. – М.: «Дом интеллектуальной книги», 2002. – 248 с.
83. Степанов А.В. Архитектура и психология / А.В. Степанов, Г.И. Иванова, Н.Н. Нечаев. – М.: Стройиздат, 1993. – 400 с.
84. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Академический проект, 2015. – 460 с.
85. Хофштадтер Д. Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. – Самара: Бахрах-М, 2001. – 752 с.
86. Черниговская Т. В. Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? Взгляд биолога и лингвиста // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. – 417 с.
87. Шопенгауэр А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 5. – М.: Республика. 2001. – 528 с.
88. Шохин В.К. Аналитическая философия: некоторые непроторенные пути // Философский журнал. – 2015. – Т. 8. – №2. – С. 16-27.

89. Шубенков В.М. Структура архитектурного пространства.: дис. ... док. арх.: 18.00.01. – М., 2006. – 375 с.
90. Шумахер П. Аутопоэзис архитектуры, т. 1. 2011. – 498 с.
91. Шумахер П. Эпоха Параметризма: Пусть начинаются войны стилей / перевод Павла Белого // AJ – The Architects' Journal. – 2010. – №16 (231).
92. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология. – М. 1997. – 642 с.
93. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В. Резник и А. Погоняйло. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006. – 544 с.
94. Юм Д. О норме вкуса / Пер. с англ. Ф. Вермель // История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли: в 5 т. Т. 2. Эстетические учения XVII-XVIII веков / Гл. ред. М.Ф. Овсянников. – М.: Искусство, 1964. С. 140-158.
95. Явейн О.И. О первых опытах переноса методов структурно-семиологических исследований в архитектуру (идеи 1960-х – 1970-х годов и проблемы современной науки) // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – №1(38). - С. 19-31.
96. Янковская Ю.С. Архитектурная композиция и семиотика – генезис идей // Архитектон. известия вузов. – 2004. – №2(7). - С. 32-35.
97. Янковская Ю.С. К формированию современной архитектурной теории // Академический вестник Урал НИИпроект РААСН. - 2009. - №1. - С. 90-92.
98. Alexander C. A Pattern Language, which Generates Multi-Service Centers. – New York, 1968. – 283 p.
99. Alexander C. The Interaction of Architecture and Science [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
http://www.katarxis3.com/Alexander_Architecture_Science.htm
100. Alexander, C. The Process of Creating Life: Nature of Order / Christopher Alexander / Book 2: An Essay on the Art of Building and the Nature of the Universe. – San Francisco : Center for Environmental Structure, 2006. – 636 p.

101. Bacon F. The new organon.
102. Chalmers D. The Conscious Mind. – Oxford University Press, Inc. – 1996. – 432 p.
103. Clark A., Chalmers D.J. The extended mind. Analysis. – Oxford: Oxford University Press. – 1998. – Vol. 58. – No. 1.
104. Dawkins R. Postmodernism disrobed // Nature. – 1998. – T. 394. – pp. 141-143.
105. Dennett D. Darwin's Dangerous Idea: Evolution and the Meanings of Life. Simon and Schuster, 1996. – 586 p.
106. Dennett D. Kinds of Minds: Towards an Understanding of Consciousness. Basic Books, 1997. – 187 p.
107. Donougho M. The Language of Architecture // The Journal of Aesthetic Education. – Vol. 21. – № 3 (Autumn, 1987). – pp. 53-67.
108. Fodor J. Psychosemantics: The Problem of Meaning in the Philosophy of Mind. Bradford Books, 1989. – 189 p.
109. Fodor J. The Mind Doesn't Work This Way; The Scope and Limits of Computational Psychology. Bradford Books, 2001. – 144 p.
110. Hershberger R.G. Architecture and Meaning // The MIT Press. Vol. 26, No. 2, 1993. – pp. 149-157.
111. Jencks, C. 13 Propositions of Post Modern Architecture // Theories and Manifestoes of Contemporary Architecture. Chichester, 1997. – pp. 131-132 // перевод по: Добрицына И.А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
112. Jencks, C. Critical Modernism — Where is Post Modernism going? / Charles Jenks. – Wiley, London, 2007. – 240 p.
113. Kalb, J. Life in design: Christopher Alexander and the nature of order / James Kalb // International Journal of Architectural Research. – July 2014. – Volume 8 – Issue2. – pp. 94-98.

114. Leatherbarrow D. The Roots of Architectural Invention: Site, Enclosure, Materials, Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
115. Logan R. The Extended Mind: The Emergence of Language, the Human Mind and Culture. – University of Toronto Press, 2007. – 512 p.
116. Lynch K. The Image of the City. The MIT Press, 1964.
117. Lynch K. What time is this Place? The MIT Press, 1972. – 277 p.
118. Mandelbrot B. Les Objects Fractals. – Paris: Flammarion. – 1975. – 192 p.
119. Mehaffy M. Towards a New Science of Architecture, and a New Architecture of Science. A Review of Alexander's New Magnum Opus, The Nature of Order [Электронный ресурс]. – URL: http://www.katarxis3.com/Review_Nature_Order.htm
120. Norberg-Schulz Chr. Genius Loci: Towards a Phenomenology of Architecture. – New York: Rizzoli, 1980. – 213 p.
121. Norberg-Schulz Chr. Système Logique d'Architecture. Bruxelles, 1974. – 304 p.
122. Norberg-Schulz Chr. Intentions in Architecture. – New York: MIT Press, 1968. – 294 p.
123. O'Hear A. Historicism and Architectural Knowledge // Cambridge University Press, Vol. 68, No. 264, 1993. – pp. 127-144.
124. Pallasmaa J. The Thinking Hand, Existential and Embodied Wisdom in Architecture, John Wiley and Sons Ltd. – United Kingdom: West Sussex, 2009. – 160 p.
125. Perez-Gomez A. Architectural Representation and the Perspective Hinge. Alberto Perez-Gomez, Louise Pelletier. – MIT Press, 2000. – 505 p.
126. Rykwert J. The Necessity of Artifice: Ideas in Architecture. Rizzoli International Publications, Inc.; First Edition, 1982. – 143 p.
127. Salinger N. A Theory of Architecture. Chapter 12: Architectural Memes in a Universe of Information. – Umbau-Verlag, Solingen, 2006. – 242-264 pp.
128. Sharr A. Heidegger for Architects. London: Routledge, 2007. – 144 p.

129. Sharr A. Leslie Martin and the Science of Architectural Form. *In: Dutoit, A., Odgers, Ju., Sharr, A, ed. Quality Out of Control: Standards for Measuring Architecture.* London: Routledge, 2010, chapter 6.
130. Sirowy B. Phenomenological concepts in architecture: towards a user-oriented practice. – Oslo, 2010.
131. Socal Alan D. “Transgressing the Boundaries: Toward a Transformative Hermeneutics of Quantum Gravity”, Duke University Press. *Social Text* 46/47 (spring/summer 1996), – 217-252 pp.
132. Steiner S., Sternberg M. Phenomenologies of the City. *Studies in the History and Philosophy of Architecture.* – Routledge, 2017. – 304 p.
133. Tasheva S.B. Semiotics of architectural graphics. Detailed summary / S.B. Tasheva. // Institute of art studies, Bulgarian Academy of Science. – SOFIA, 2012.
134. Venturi R. / Learning from Las Vegas – Revised Edition: The Forgotten Symbolism of Architectural Form / Robert Venturi, Steven Izenour, Denise Scott Brown. – The MIT Press; revised edition (June 15, 1977). – 193 p.
135. Vesely D. Architecture in the Age of Divided Representation. The Question of Creativity in the Shadow of Production. – MIT Press, 2004. – 524 p.
136. Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus.* London: Routledge & Kegan Paul, 1922. – 134 p.
137. Wilson R.A. *Quantum Psychology: How Brain Software Programs You & Your World,* 1990. – 202 p.

Список иллюстраций

Рисунок 1. Фрэнк Гери. Центр Ричарда Фишера в Аннадейле-на-Гудзоне, США, 2003 г. Источник: <https://novate.ru/blogs/310115/29780/>

Рисунок 2. Норман Фостер. Филологическая библиотека Свободного Университета в Берлине, 2005 г. Источник: <https://novate.ru/blogs/080215/29912/>

Рисунок 3. Рем Колхас. Дом музыки в Порту, 2005. Источник: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Casa_da_M%C3%BAsica,_Porto_\(11815643383\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Casa_da_M%C3%BAsica,_Porto_(11815643383).jpg)

Рисунок 4. Стивен Холл. «Турбулентный дом», 2005. Источник: <https://epdlp.com/edificio.php?id=5126>

Рисунок 5. График построен на основе данных Google NGRAM по критериям частотности упоминания термина «Architectural semiology» в массиве печатных источников.

Рисунок 6, 7. В авторской интерпретации по: Лучкова В.И. / Пятнадцать задач по архитектурной семиотике: методические указания к практическим занятиям по дисциплине «Архитектурная семиотика» для студентов-магистрантов I курса направлений подготовки 270100.68 «Архитектура» и 270300.68 «Дизайн архитектурной среды» / сост. В. И. Лучкова. – Хабаровск: изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012. – 49 с.

Рисунок 8. Башня «Накагин» арх. К.Курокава г.Токио (Япония), 1970-1972гг. Источник: https://mir-s3-cdn-cf.behance.net/project_modules/max_1200/494f9f92696225.5e51da1bb133a.png

Рисунок 9. К. Александер. Кафе Linz, 1980. Источник: <https://www.archpaper.com/2009/09/alexander-the-great/>

Рисунок 10. М. Сафди Жилой комплекс «Habitat». Источник:

<https://probauhaus.ru/habitat67/>

Рисунок 11, 12. М. Эшер, работы. Источник: <https://artchive.ru/escher/works>

Рисунок 13. Схемы Н. Салингароса «Двенадцать лекций по архитектуре. Алгоритмическое проектирование для устойчивого развития». Рис. 87, 88. Стр. 123.

Рисунок 14. Аммониты (вариации форм). Источник:

https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Haeckel_Ammonitida.jpg

Рисунок 15. Раковины моллюсков (разнообразие морфологии). Источник:

<https://www.pngplay.com/ru/image/tag/conch>

Рисунок 16. Вариации форм рогов копытных. Источник:

<https://japict.com/Nature/Animals-Skeleton-Skull-Horns-Pack-3d-Model-199-Max-Unknown-Obj-Free3d-5961941/>

Рисунок 17. Схемы Н. Салингароса Рис. 117. Нарушение симметрии гиперзарядов. «Двенадцать лекций по архитектуре. Алгоритмическое проектирование для устойчивого развития». Стр. 206.

Рисунок 18. Схемы Н. Салингароса Рис. 118. Нарушение симметрии изоспина. «Двенадцать лекций по архитектуре. Алгоритмическое проектирование для устойчивого развития». Стр. 206.

Рисунок 19. а) Часовня брата Клауса, П. Цумтор. Источник: <https://new-creator.info/design/architecture-interior-furniture/10-rabot-geniya-arkhitektury-petera-tsumtora>;

б) Школа искусств и истории искусства Университета Айовы в Айова-Сити, США, С. Холл. Источник: <https://vova-91.livejournal.com/6513885.html>;

в) ONREALT продажа: купить сарай в Ачинске, Красноярский край. Источник: <https://onrealt.ru/achinsk/kupit-dom/33639328>.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

В рамках исследования по проблематике демаркации доминирующих теоретических концепций в сфере современного архитектуроведения были использованы общепринятые научные методы и принципы, основанные на базовых законах классической логики.

Но также, с целью выявить отношение профессиональной аудитории к теоретическим построениям наиболее популярных теоретиков архитектуры, был также проведен опрос студентов и преподавателей МАРХИ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРОВЕДЕННОГО ОПРОСА:

Репрезентативность выборки:

Профессорско-преподавательский состав – 10 респондентов;

Студенческий контингент – более 100 респондентов.

По итогам анкетирования, проведенного среди преподавателей и учащихся МАРХИ (бакалавриат, магистратура, аспирантура), были зафиксированы следующие статистические данные, определяющие отношение респондентов к популярным (доминантным) теоретическим концепциям в сфере современной теории архитектуры:

1. **Позитивная оценка** вероятной научной и методологической значимости концепций структурно-семиотического подхода и ряда «авторских версий» обоснования (теоретического и философского) доминантных тенденций (как неоавангардных, так и традиционных) в современной архитектуре была дана следующей частью опрошиваемой аудитории:

- Преподаватели: **менее 25 %**

- Студенты: **менее 30 %**

2. **Отрицательное (скептическое) отношение** к данным теоретическим построениям было выражено респондентами в следующем процентном соотношении:

- Преподаватели: **более 75 %**

- Студенты: **более 70 %**

Ниже приведены статистические данные, детализирующие диапазон позиций респондентов в отношении к перечню конкретизированных тем анкетирования:

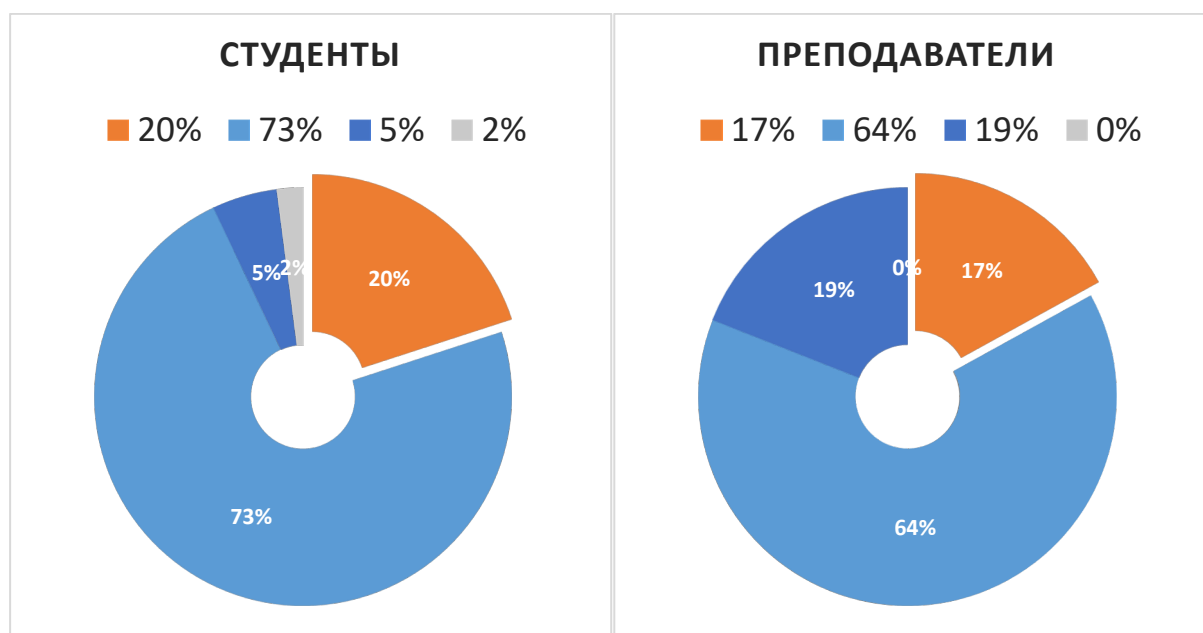
1. Как Вы относитесь к утверждению: «Архитектурный объект – это не вещь, но текст, послание»?

Как к констатации реального факта

Как к метафорическому высказыванию

Как к бессодержательному заявлению

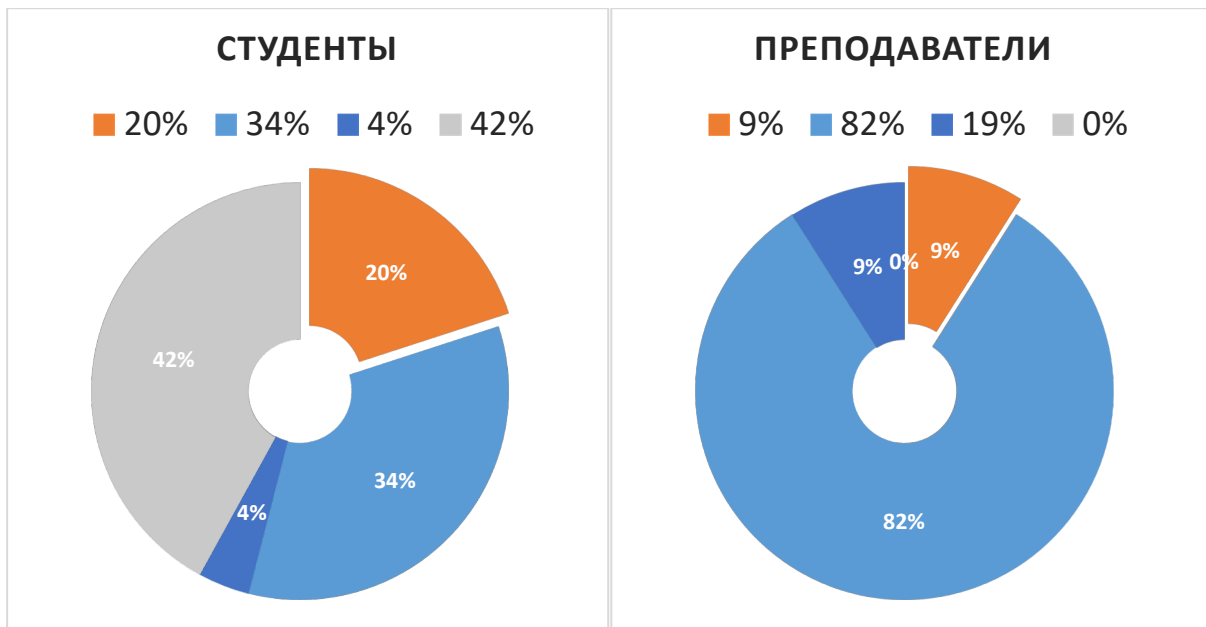
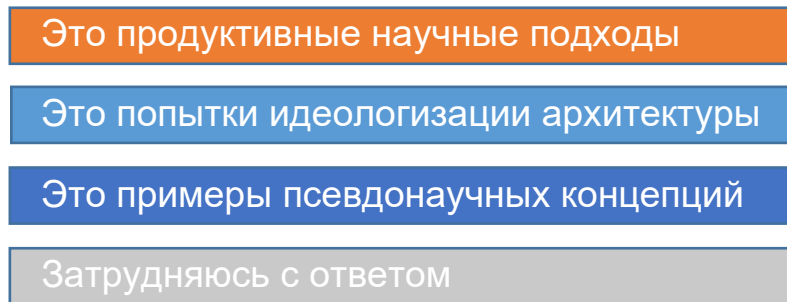
Затрудняюсь с ответом

Краткий анализ представленных данных:

- Подавляющее число респондентов выразили в целом скептическое отношение к центральному концепту архитектурной семиотики;
- Удельная часть преподавателей, считающих этот концепт бессодержательным, в четыре раза превышает процент студентов, разделяющих эту позицию.

2. Как Вы оцениваете попытки создания «новых теорий архитектуры»?

Краткий анализ представленных данных:

- Только пятая часть опрошенных студентов положительно отнеслась к попыткам создания «авторских версий» теории архитектуры (при взаимно сопоставимом проценте негативного и нейтрального отношения);
- Удельное число преподавателей, считающих такие попытки идеологизацией или профанацией, составляет абсолютное большинство (более 90%).

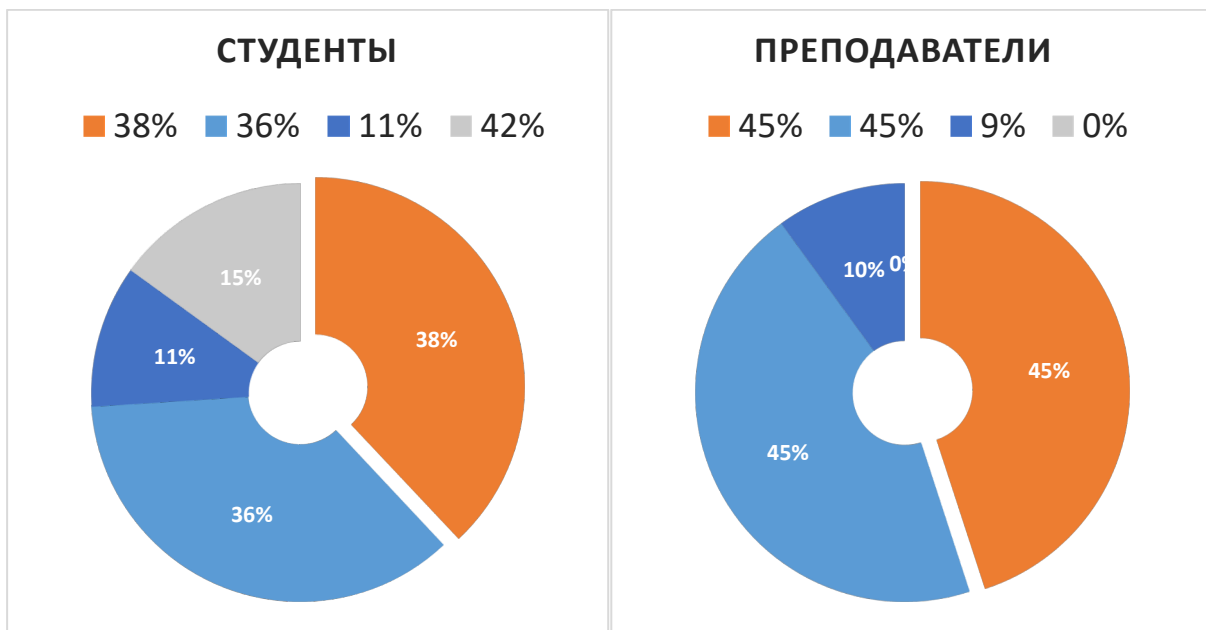
3. Как Вы оцениваете роль теоретических концепций представителей «звездной архитектуры»?

Как плодотворную основу творческой деятельности

Как примеры псевдонаучного теоретизирования

Как маркетинговый ход для продвижения своей «архитектурной продукции»

Затрудняюсь с ответом

Краткий анализ представленных данных:

- Только десятая часть как преподавателей и студентов считает данные концепции маркетинговым приемом;
- Мнения и студентов, и преподавателей по поводу продуктивности или же, напротив, псевдо-научности этих концепций разделились практически поровну.

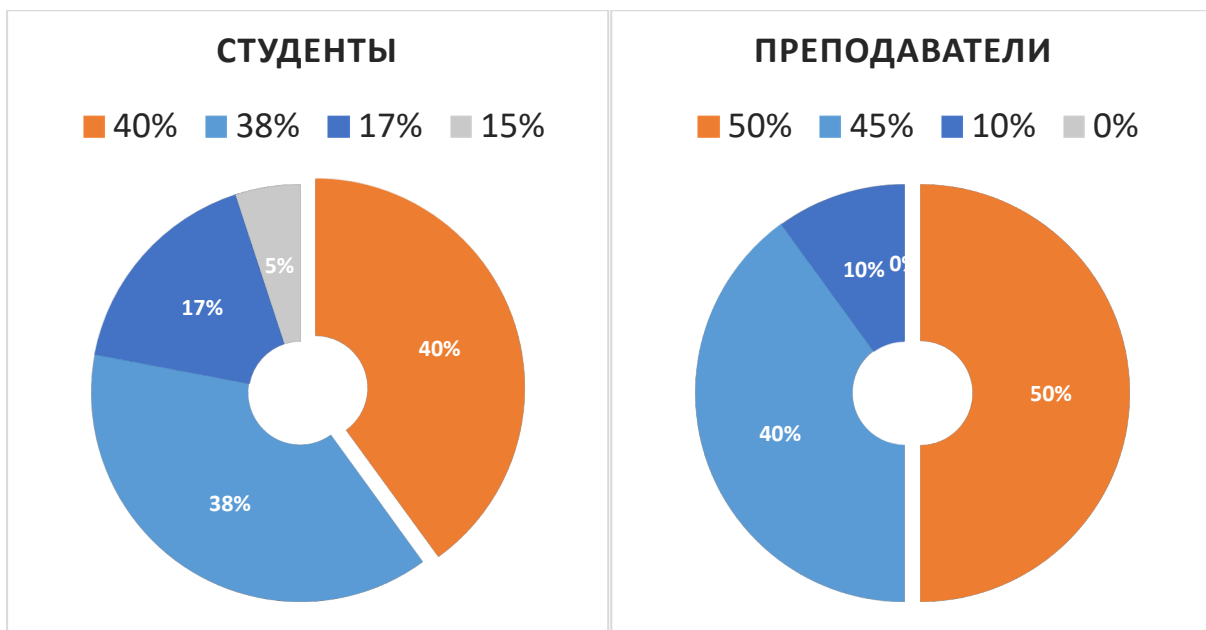
4. Как Вы относитесь к тому, что теоретики, не имеющие опыта архитектурной практики, формируют «архитектурные тренды»?

Как к плодотворным междисциплинарным контактам

Как к сомнительному методологическому приему

Как к попыткам дилетантов «сделать себе имя» в принципиально чуждой сфере знания

Затрудняюсь с ответом

Краткий анализ представленных данных:

- Положительное и негативное отношение к данному вопросу у преподавателей констатируется в равных долях, у студентов процент скептических мнений – несколько выше.

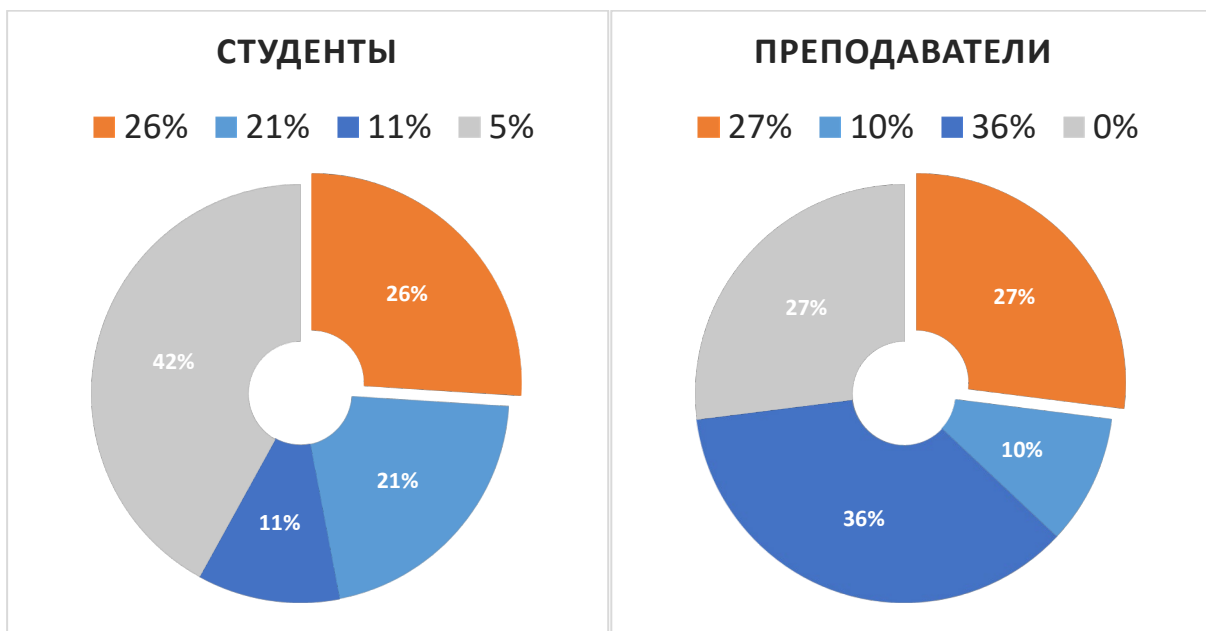
5. Чем Вы объясняете популярность в архитектурных кругах идей представителей «французской мысли»: от Р. Барта и М. Фуко до Ж. Делеза и Ф. Гваттари?

Плодотворностью их идей в сфере теории и практики архитектуры

Некритичным отношением к текстам этих теоретиков

Частыми отсылками к их именам и идеям в текстах по архитектурной проблематике

Затрудняюсь с ответом

Краткий анализ представленных данных:

- Чуть более четверти как преподавателей, так и студентов считают эти идеи плодотворными;
- При этом обращает на себя внимание, что более четверти педагогов и более 40% студентов – затруднились с ответом.

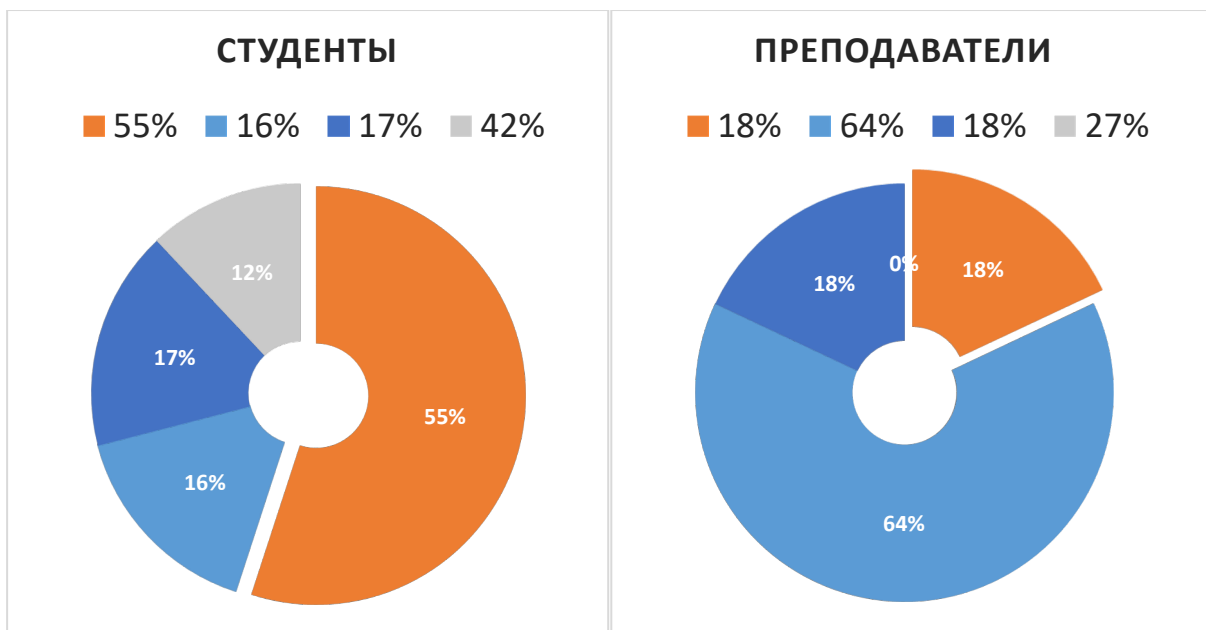
6. Считаете ли Вы продуктивным привнесение в теорию архитектуры методологических приемов и концепций, противоречащих современной научной методологии?

Да, это обогащает архитектурную теорию и практику

Не считаю этот вопрос значимым для теории архитектуры

Это дискредитирует теорию архитектуры как научную дисциплину

Затрудняюсь с ответом

Краткий анализ представленных данных:

- Отрицательное отношение к вне-научным подходам в теории архитектуры зафиксировано менее, чем у 20% студентов и преподавателей;
- Более половины опрошенных студентов считают эти подходы продуктивными;
- Наибольшее удивление вызывает высокий процент педагогов, не считающих нормы и принципы научного метода значимыми для теории архитектуры.

При исключении из репрезентативной выборки тех респондентов, что не знакомы с данной проблематикой и/или затруднились с ответом на вопросы анкеты, и дальнейшем сопоставлении количества опрошенных, определенно выразивших отрицательное или скептическое отношение к предполагаемой (декларируемой) теоретической значимости и практической плодотворности рассматриваемых концепций, с количеством давших им позитивную оценку позволило заключить, что реальный процент респондентов, явно критически воспринимающих «модные концепции» в сфере теории архитектуры может быть еще выше.

*****

Для оценки уровня проектных решений с позиции их органичности по отношению к сложившемуся природному контексту вниманию респондентов были предложены следующие известные объекты:

Объект Фрэнка Л. Райта (Дом над водопадом) был определенно признан как органично вписанный в природный контекст:

87,3 % опрошенных студентов

88,9 % опрошенных преподавателей

Объект авторства Стивена Холла (Школа искусств и истории искусства Университета Айовы) был расценен в этом плане как определенно удачный:

0,09 % опрошенных студентов

0 % опрошенных преподавателей

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ: ПРОБЛЕМАТИКА ДЕМАРКАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ

ФОРМУЛИРОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ:

Проблема исследования - выявление неправомерности методологических оснований ряда концепций, которые декларируются как теоретическая база противоборствующих и сменяющих друг друга, или же в течение продолжительного времени сосуществующих, архитектурных тенденций и направлений. Данная проблема возникает, когда авторы текстов имитируют строгий научный формат, и претендуют на построение «собственной архитектурной теории», а их тексты при этом не отвечают основным критериям научности, в основе которых законы и принципы классической логики.

ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ:

Доминирующие концептуальные представления в теории архитектуры последней трети XX - начала XXI века:

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ:

Последовательно использованы приемы частного характера:

1. Выявление и фиксация основных аргументов (и контраргументов) в текстах представителей доминирующих (популярных) концепций;
2. Выявление и фиксация внутренних логических противоречий в рамках отдельно взятых концепций;
3. Анализ ключевых положений рассматриваемых текстов с позиции их соответствия базовым законам логики и критериям научности;
4. Анализ специфики феноменологического подхода к архитектурной проблематике и его корреляция с современными научными взглядами в сфере философии и психологии;
5. Обобщение итогов исследования и формирование предложений по их практическому использованию.

**ФИЛОСОФИЯ (ПОСТ)СТРУКТУРАЛИЗМА И
СЕМИОТИЧЕСКИЙ ФОРМАТ В КОНЦЕПЦИЯХ
АРХИТЕКТУРНОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА**

**АНАЛИТИКА, ДЕКЛАРАЦИИ И МАНИФЕСТЫ В
СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ**

**ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРМАТ В ТЕОРИИ
АРХИТЕКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ
ПСИХОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ**

КРИТЕРИИ НАУЧНОСТИ:

Совокупность норм и признаков, определяющих принципы получения научного знания (научную методологию):

- Системность (логическая структурированность и когерентность);
- Предметность (определенность смысла и значений понятий);
- Внутренняя логическая непротиворечивость;
- Обоснованность и доказательность утверждений и выводов;
- Интерсубъективная проверяемость (эмпирическая воспроизводимость).

Этим БАЗОВЫМ КРИТЕРИЯМ не отвечают формы вне-научного знания и концептуальные системы, имитирующие внешние черты науки, но имеющие при этом по существу идеологический (ценностно-проективный), а не объективно-описательный и/или научно-проверяемый характер.

Несоответствие теоретической концепции по меньшей мере одному из указанных критериев - свидетельствует о ее принципиальной вне-научности.

ГЛАВА I

ФИЛОСОФСКАЯ БАЗА ПОСТМОДЕРНИЗМА И СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АРХИТЕКТУРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ

1.1 Теоретическая база архитектурного постмодернизма

ПРИМЕРЫ КОНЦЕПЦИЙ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ («ФРАНЦУЗСКОЙ МЫСЛИ»):

Ж. Лакан
1901 - 1981

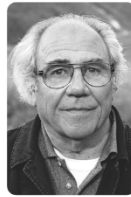
«ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ
ТОПОЛОГИЯ»

Ж. Деррида
1930 - 2004

«ОЗНАЧАЮЩАЯ
СУБСТАНЦИЯ»

Ж. Бодрийяр
1929 - 2007

«ГИПЕРРЕАЛЬНОСТЬ»

Ж. Делез
1925 - 1995

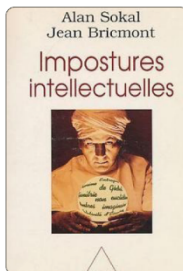
«ИММАНЕНТНОСТИЗАЦИЯ ВНЕШНЕГО»
«ШИЗОАНАЛИТИЧЕСКИЕ КАРТОГРАФИИ»

Ф. Гваттари
1930 - 1992

КРИТИКА КОНЦЕПЦИЙ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ:

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК:

А. Сокал и Ж. Брикмон

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ УЛОВКИ: КРИТИКА ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА

« ... такие известные интеллектуалы, как Лакан, Кристева, Иригарэй, Бодрийяр и Делез неоднократно злоупотребляли научными концепциями и терминологией: или используя научные идеи полностью вне контекста, никак не обосновывая <...> или же кичась научным жаргоном перед своими читателями, которые не являются учеными, не обращая никакого внимания на его адекватность и даже значение.»

Р. Докинз Postmodernism disrobed // Nature, 1998

«Suppose you are an intellectual impostor with nothing to say, but with strong ambitions to succeed in academic life... <...> What kind of literary style would you cultivate? Not a lucid one, surely, for clarity would expose your lack of content.»

«Представьте, что Вы – интеллектуал-самозванец, которому нечего сказать, – но с большими амбициями преуспеть в академической сфере... <...> Какой литературный стиль Вы стали бы использовать? Разумеется, – не простой и понятный, поскольку ясность изложения выявила бы отсутствие содержательности.»

С.П. Капица (предисловие к русскому переводу), 2002

«Для нашего читателя появление этой книги особенно существенно, поскольку в последние годы при полной либерализации рынка идей, были изданы многие из рассматриваемых сочинений, а сам постмодернизм стал привлекать все больше не критически мыслящих сторонников, превращаясь, как и на Западе, в моду философствования, метко названной эстетствующим иррационализмом.»

Более того, в некоторых кругах эта мода переросла в доминирующую тенденцию, уже претендующую на исключительное положение и потому подавляющая любые другие.»

1.2 Структурно-семиотический подход к архитектурной проблематике

КРИТИКА ИДЕЙ СТРУКТУРНО-СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА:

ИСКУССТВОВЕДЫ И ТЕОРЕТИКИ АРХИТЕКТУРЫ:

О.И. Явейн

О первых опытах переноса методов структурно семиотических исследований в архитектуру (идеи 1960-х - 1970-х годов и проблемы современной науки // АМІТ, 2017

«Стремление использовать новые методы исследования всегда сопряжено с рядом трудностей. <...> Определенную роль в дискредитации семиологического подхода к анализу архитектуры сыграли и примеры механического перенесения на архитектуру многих принципов семиологии, разработанных на совершенно ином материале, и чрезмерное увлечение лингвистической терминологией.»

Ю.С. Янковская

К формированию современной архитектурной теории // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН, 2009

«...из-за прямого переноса и заимствования идей из филологии было сформировано достаточно негативное отношение к семиотическим, семиотико-герменевтическим концепциям в зодчестве, т.к. вместо построения на продуктивной базе <...> внутрипрофессиональных концепций на архитектуру стали накладывать совершенно не свойственные ей понятийные конструкции, стремясь выдать ее за некий "язык форм".»

В.Г. Власов

Ничтожность архитектурной теории постмодернизма // Архитектон, 2013

«Философией должны заниматься философы, семиологией – специалисты по семиотике, хотя семиологии многие лингвисты уже осмеливаются называть околонульным изобретением.

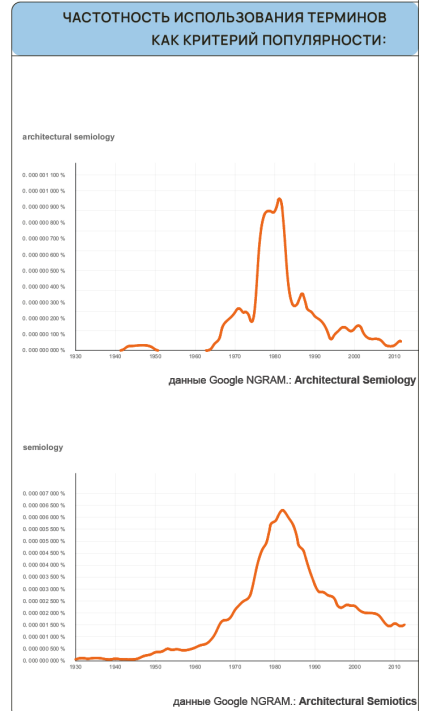
Подобное перерождение предмета и метода архитектуроведения, как и заимствования чуждой терминологии, ныне воспринимаются излишними.»

А.В. Степанов, Н.Н. Нечаев, Г.И. Иванова

Архитектура и психология, 1993

«Семиотический подход, согласно которому архитектура рассматривается как система конвенциональных знаков, а архитектурная форма как обозначение «чего-то другого», не в состоянии объяснить произведение архитектуры как таковое.»

- Теоретическая основа архитектурного постмодернизма представляет собой конгломерат разнородных и методологически произвольных концепций, которые по многим как сущностным, так и формальным позициям находятся в неустрашимом взаимном противоречии. Более того, многим текстам теоретиков архитектурного постмодернизма свойственна внутренняя противоречивость, что является своего рода маркером их принципиальной научной неправомерности.

1.3 Причины популярности вне-научных представлений в сфере теории архитектуры

- В основе не критичного отношения к произвольным теоретическим спекуляциям – психологические факторы, ведущие к ряду когнитивных искажений восприятия, в том числе: «эффект авторитета», «эффект группового мышления» и феномен, известный как «каскад доступной информации» – когда многократное повторение какого-либо утверждения, даже совершенно произвольного и бездоказательного, формирует стойкую коллективную иллюзию его истинности.

ГЛАВА II

АНАЛИТИКА, ДЕКЛАРАЦИИ И МАНИФЕСТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

2.1 Аналитический и декларативный форматы в современной теории архитектуры

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КУЛЬТОВЫХ ТЕОРЕТИКОВ:

КРИТИКА ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОСТРОЕНИЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ОППОНЕНТОВ
(ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ И СОВРЕМЕННОКОВ)

«ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ» С ЦЕЛЬЮ ПРИДАТЬ ТЕКСТУ ВПЕЧАТЛЯЮЩУЮ
«АКАДЕМИЧНОСТЬ» («НАУЧНЫЙ ФОРМАТ»)

ПРОДВИЖЕНИЕ СОБСТВЕННОЙ «ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ»

2.2 Методологическая специфика архитектурных манифестов

К. Александер Кафе Linz, 1980

M. Mehaffy:

«...But Alexander and his colleagues were disturbed to find that many of the designers inspired by A Pattern Language produced work that was crude and artless. How, short of returning to the priesthood of trained professionals, could this be corrected? What was missing from the methodology he and his colleagues were offering?»

«...Но Александр и его коллеги с тревогой обнаружили, что многие дизайнеры, вдохновленные «Языком шаблонов», создавали грубые и примитивные работы... Чего не хватало в методологии, которую предлагали он и его коллеги?»

Н. Салингарос

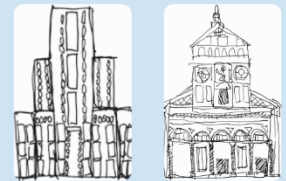
«ARGUMENTUM AD HOMINEM» о Ле Корбюзье:

- Он был одержим идеей о том, чтобы уничтожить уличную жизнь и признаки повседневного взаимодействия людей в ней.
- Не являются ли идеи Ле Корбюзье отражением его психологических проблем? Некоторые критики зашли еще дальше: по их словам, Ле Корбюзье был не просто наивным или склонным к халатности архитектором, но больным, а может быть, и сумасшедшим человеком.

А.Г. Раппапорт:

«Графические схемы, которыми Салингарос сопровождает свои рассуждения в книге «Теория архитектуры» остаются беглыми каракулями математика и не претендуют ни на какую художественную выразительность или формальное совершенство...»

«...все рассуждения Салингароса остаются в сфере теории и не имеют прямых визуальных, формальных реализаций»

П. Шумахер

«...Строгая приверженность принципам вопреки всем задачам дизайна - необходимое условие проверить требование универсальной компетентности в вопросах параметризма. Однако, наряду с этим методологическим аргументом существует важная причина настаивать на абсолютной последовательности. Преимущество практического параметризма перед всеми предшествующими стилями является предпосылкой для этой последовательной приверженности его принципам...»

ГЛАВА III

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРМАТ В ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ И АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

3.1 Феноменологические концепции в теории архитектуры:

А.Г. Раппапорт

«Феноменология архитектуры имеет дело не с отвлеченной мыслью и не с фиксированным знаком, а с переживанием, неотделимым от живого контакта с сооружением. Это не познавательное разглядывание архитектуры, не историческая экскурсия, а экзистенциальное пребывание в мире архитектурных форм. Излишняя ученость этому только мешает».

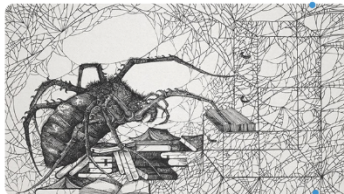
А.В. Иконников

«Не стоит сетовать, что архитектуре не удастся «придать вид научной деятельности», отказавшись от усвоения практического мастерства, в котором ведущей фигурой является не ученый, а "мастер, не столько рассказывающий, сколько показывающий то, что требует понимание и усвоение учеником"...»

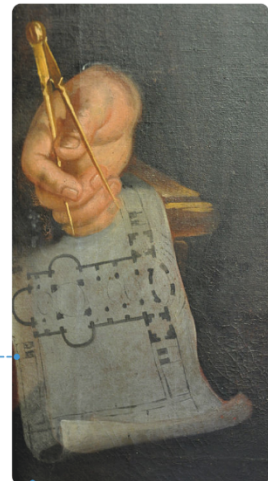
3.2 Аналитическая философия и психология в приложении к вопросам архитектурной проблематики:

ТЕОРИЯ «РАСШИРЕННОГО ФЕНОТИПА» (EXTENDED PHENOTYPE)

Р. Докинз

Расширенный фенотип (extended phenotype) – термин, предложенный для описания специфических особенностей врожденного (инстинктивного) поведения животных, сооружающих весьма сложные конструкции. Понятие «расширенного фенотипа» относится к части генетической информации, получающей свое внешнее воплощение за пределами организма-носителя.

ТЕОРИЯ «РАСШИРЕННОГО СОЗНАНИЯ» (EXTENDED COGNITION)

Э. Кларк и Д. Чалмерс

Теория «расширенного сознания» (extended cognition), – рассматривает вопросы взаимообусловленности ментальных процессов и двигательной активности человека с внешним инструментарием. Согласно этой теории часть функций мозга и тела передается во внешнюю среду.

Л. Витгенштейн: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать»

М. Полани: «Мы можем знать больше, чем способны рассказать»

**АРХИТЕКТУРНЫЕ ОБЪЕКТЫ, САМОДОСТАТОЧНЫЕ БЕЗ «ФИЛОСОФСКОГО ОБОСНОВАНИЯ»
(ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ)**

Исаакиевский собор, Россия. 1858

Особняк С.П. Рыбушинского, Россия. 1900

Каса-Мила, Испания. 1906

520 West 28th Street, США. 2017

Компания «Зингер», Россия. 1904

Дом над водопадом, США. 1936

**АРХИТЕКТУРНЫЕ ОБЪЕКТЫ, ПОТРЕБОВАВШИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ В
ВИДЕ «ТЕОРЕТИКО-ФИЛОСОФСКОГО ОБОСНОВАНИЯ»**

Центр здоровья мозга Лу Руво, США. 2010

Дом Королевского музея Онтарио, Канада. 2007

Фасад Королевского музея Онтарио, Канада. 2007

Отель Marqués de Riscal, США. 2006

Вилла Савой, Франция. 1929

Центр Гейдара Алиева, Азербайджан. 2007

«Роза прекрасна по форме и запах имеет приятный.
Болиголов некрасив и при этом ужасно воняет...»

Тихо приветствую мудрость любезной природы —
Ловкой рукою она ярлыки наклеплет:
Даже слепой различит, что серна, свинья и гиена
Так и должны быть — серной, свиной и гиеной...»

Саша Черный

ЗАКОНЫ (ПРИНЦИПЫ) КЛАССИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ:

1. ЗАКОН ТОЖДЕСТВА;
2. ЗАКОН ПРОТИВОРЕЧИЯ;
3. ЗАКОН ИСКЛЮЧЕННОГО ТРЕТЬЕГО;
4. ЗАКОН ДОСТАТОЧНОГО ОСНОВАНИЯ.

«**Бритва Оккама**» – методологический принцип (презумпция), в кратком виде гласящий: «Не следует множить сущее без необходимости»

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ ВНЕ-НАУЧНЫХ КОНЦЕПЦИЙ:

- ВНУТРЕННЯЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ;
- ВНЕ-ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ ПОНЯТИЙ И ОБРАЗОВ;
- ВНЕ-КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИИ;
- КАТЕГОРИЧНОСТЬ СТИЛЯ ИЗЛОЖЕНИЯ МАТЕРИАЛА;
- ИСПОЛЬЗОВАНИЕ «ARGUMENTUM AD HOMINEM».

КОГНИТИВНЫЕ ИСКАЖЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ КАК ФАКТОРЫ ПОПУЛЯРНОСТИ ВНЕ-НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ:

- «ЭФФЕКТ АВТОРИТЕТА»;
- «ЭФФЕКТ ЯКОРЯ»;
- «ЭВРИСТИКА ПРИВЯЗКИ»;
- «ГРУППОВОЕ МЫШЛЕНИЕ»;
- «КОНФОРМНОСТЬ».

«**Бритва Хитченса**» – утверждения, не имеющие строгих логических обоснований, не заслуживают внимания и не могут быть предметом научной дискуссии

«**QUOD GRATIS ASSERITUR, GRATIS NEGATUR**»

Общий вид экспозиции

